

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 8 (679) • 2012

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

На первой стр. обложки
«Утренняя прогулка».
Художник Михаил Пак

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПОЭЗИЯ

Кирилл УСТЬЯНЦЕВ	3
Виктор ПЕТРОВ	44

ПРОЗА

Валерия НАРБИКОВА	
ПЛАН ПЕРВОГО ЛИЦА И ВТОРОГО Роман (окончание)	14
Николай ЖЕЛЕЗНЯК	
ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ Повесть (продолжение)	29
Ольга КУЗНЕЦОВА	
СТРИПТИЗ Повесть (окончание)	49
Павел ТЕРЕХОВ ДВА РАССКАЗА	74

РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА / ТЕМА НОМЕРА

Александр КЕСТЕР	
ЖИЛ-БЫЛ ЗА ВОЛГОЮ ВОЛК	8

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
«ПРОКЛЯТЫЙ СКАЗОЧНИК» И ДРУГИЕ	28

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК!

// **ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!** //

Марианна ТАРАСЕНКО	
ШПИОН, УКРАВШИЙ ОТРИЦАТЫ, И НЕГАТИВНЫЙ ПЕРСОНАЖ	72

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Михаил МОРГУЛИС	
СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ Воспоминания (продолжение)	81

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Морис БЭРИНГ	
ПОЖАР Перевод Евгения Никитина	85

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Александра САМСОНОВА МОСКОВСКАЯ ОБЛ.	88
Ирина КОПАЕНКО г. Москва	89
Евгений АГЕЕНКОВ МОСКОВСКАЯ ОБЛ.	93
Владимир БАЙБИЧЕВ г. Москва	96
Арина КАЛЕДИНА ЛЮКСЕМБУРГ	102

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// **ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ** //

Валерий ИЛЬИЧЕВ	
АГЕНТУРНЫЙ РОМАН (продолжение)	122

// **ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ** //

Ася МИХАЙЛОВСКАЯ	
ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ	128

// **«ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»** //

Галка ГАЛКИНА	
ПРОВЕРЕННЫЙ СПОСОБ — ПОДДАТЬСЯ ИСКУШЕНИЮ	131

// **VERIORA VERIS** //

Шалун ГЕО, человек-копилка	
СЕМЬ РАЗ ОТРЕЖЬ — ПОЛУЧИШЬ КЭШ!	132

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность предоставленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,

ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,

Октябрьский пр., 403

Тел. **+7 (495) 974-69-76**

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Кирилл УСТЬЯНЦЕВ

ОНЕГИН И «ПОГОРЕЛЬЩИНА»

У любого вещества во вселенной есть только две возможности: либо гореть, либо не существовать. Для поэтов также. Поэт должен бороться за право гореть. И поэты искали, на чем им гореть. В середине XIX века и в XX веке русские поэты брали топливо, конечно, в жизни и в «Евгении Онегине». Они учили роман в стихах наизусть (об этом свидетельствуют записи Гумилева, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой и других великих поэтов).

Я начал «гореть» в семнадцать лет. Выучил «Онегина». Но в XXI веке, как мне кажется, одно-

го Пушкина недостаточно. Нужно искать и другие, альтернативные источники кислорода. И я, кажется, нашел: для меня источник, помимо Онегина, — «Погорельщина» Николая Клюева (как бы каламбурно это ни звучало).

Я играю в покер, иногда выигрываю на турнирах. Скоро я выкуплю одну из водонапорных башен, которые уже не используются и официально продаются государством на аукционе. В своей башне я буду жить и писать стихи. А пока я оканчиваю Литературный институт (семинар И. И. Ростовцевой).

Кирилл Устьянцев

Автостоп

С утра везла нас «Молоко»
(восход в такой же цвет окрашен).
А за холмом Коломна, Кашин:
в минутах трех, недалеко.

Мелькали полосы и страны,
и в город новый для ночевки
нас подвозил водитель странный:
он часто делал остановки.

Водитель выглядел как «чайник»,
неразговорчивый печальник.
И вдоль дорог то тут, то там
привязывал цветы крестам.

ТЕТРАДЬ

Я — изверг! Я — маньяк-рецидивист. Опять
Я в эту ночь иду на преступленье.
Конечно, жертва выбрана — тетрадь,
И соучастник старый — Вдохновенье.

Припрятано острейшее перо.
И место в парке выбрано, и время.
Какая ночь! Как чудно! Как светло.
И вот тетрадь садится на колени.

С ней говорю о легком и простом,
Она шуршит в ответ непониманьем.
Рассказывает что-то о своем
И вся дрожит от страсти ожиданья.

Надеется на ласку и тепло,
Такая чистая и молодая.
Вдруг Вдохновенье подает перо.
Мы вновь мгновенье угадали.

Окончен разговор. Пришел момент.
Сгустились сны, и вспыхнул рок.
И совершенный инструмент
Наносит шрамы строк.

Настало утро, и убийца, не спеша,
Идет по свету жертв иных искать.
А где-то в парке мертвые лежат:
Я и тетрадь.

БРЕВЕНЧАТЫЙ ДОМ

1.

Разрушается старый бревенчатый дом
Под ногами бетонно-пластмассовых клонов.
При Империи срублен мужицким трудом,
А сейчас почему-то противится слому.

Доживает старуха почти что ста лет.
По утрам за водою бредет до колонки,
Ей в палатке теперь продают черствый хлеб,
За копейчку вяжет носки и колготки.

Ткацкий стан и зубные протезы,
На окошке герань и коробка свечей
(Электричества нет, дом недавно отрезан),
И еще: теплота изразцовых печей.

А весной опять не появится правнук,
Не поправит крыльцо, не копнет огород.
И старуха проверит последнюю правду:
«*Нерушной*-то пошел современный народ».

И уставши бессмысленной смерти просить
Для чиновника, для поджигателя,
Молит Бога оставить немножечко сил
Умереть в этом доме на старых полатях.

2.

Пожарников, приехавших на вызов,
начальство загодя предупредило:
«Изба на этой улице расселена.
Пусть выгорит постройка при пожаре».

Пожарники работали неспешно,
тянули протекающие рукава,
следили, чтоб огонь не выходил
на близлежащие объекты.

Но оказалось, что в избе кричат.
И самый молодой в бригаде
решительно надел скафандр,
вошел в незапертую дверь.

Старуха в горнице лежала,
кричала «Отойди!».
Пожарник собирался вытащить старуху.
Изба хрипела от огня
(как в поговорке — бабка сеяла горох).
Да, дом людей не выпускает
(дома мечтают умирать с людьми).
И горница сжимает горсть свою,
и бревна-пальцы их тела сминают,
и под конец две матицы обрушились крестом.

Всю ночь гремел горящий дом,
с салютом уходил в другую жизнь
на фотографиях, сюжете происшествий,
проклятием семьи пожарника.

С утра бригада гастарбайтеров
расчистила пустырь.
И около двух лет соседи
выгуливали там собак.

3.

Я помню твой сожженный дом.
И запах мяты и соломы.
Теперь многоэтажный холм —
Одно для ста хозяев лоно.

Не скажет хрипкое крыльцо
«При-вет» нежданному гостю —
Посмотрит домофон в лицо
И лишнее чего-то спросит.

Когда рассыплется бетон,
В его пыли блеснет деревня,
И возродится старый дом
Среди искусственных деревьев.

ЗАПИСКИ МОРЯКА

* * *

Море не волнуется, волнуются
легкие платки в руках у ждущих —
поведут корабль надежнее
парусов, его ведущих.

Море не волнуется, волнуется
облако у горизонта —
неожиданно надуется,
преграждая путь до порта.

Море не волнуется, волнуется
огненная смесь в дешевой рюмке.
Море — мачеха, не поцелует нас —
нежно укачает в люльке.

* * *

Увы, мы не были в Архангельске,
и ты не видела, что ангельски
в Двину впадает белый вечер.
Уходят корабли по-англицки,
и прав был Иннокентий Анненский:
«Что счастье? Чад безумной речи?»

* * *

Море для меня как пальма,
черных смерчей выше,
набегающая память
кораблей погибших.

Море для меня лишь капля
в море ожиданий,
теплый сувенир из камня
мест любимых дальних.

Море для меня — Итака
с каждым годом дальше,
позабывшаяся танка,
слышимая раньше.

Море для меня как дымка
над моим погостом —
черного клинка улыбка,
что пронзает остро.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОРЯКА

На тесной кухне, у окна стояли вместе.
(На шее у нее блестят иконка, крестик.)

И тихо пело нам окно цикадным хором,
На нас дышало то окно сосновым бором.

Рука в руке, и бури нас перерастали.
Из комнаты, где спал малыш, мы плед достали.

Уютный синий плед слегка подпорчен молью,
Но он на кухонном полу казался морем.

А стол со скатертью простой казался пляжем.
И современный гарнитур портом стал даже.

Гудящим кораблем в порту был холодильник.
Бродягой старым по песку ходил будильник.

Обои — силуэты гор нечетких, дальних.
На потолке горел плафон луной хрустальной.

Кружили тени под луной многоугольник,
Над морем нависал обрыв — наш подоконник.

С него ныряли в море мы порывом шквальным
(Иконка с крестиком звенят звонком трамвайным).

Но за окном мусоровоз гремел железкой.
И звезды были не видны за занавеской.

Александр КЕСТЕР

Александр Кестер родился в городе Таллине Эстонской ССР в 1969 году. Окончил среднюю школу. Отслужил в армии в частях ПВО Ставропольского края.

Вернувшись, работал оператором службы психологической поддержки «Телефон доверия». В это же время было положено начало активной творческой деятельности. Вел авторские передачи на радио «Таллин» (детскую «Разгуляй» и музыкально-познавательную «Думы и музыка»), писал статьи и заметки. Часть из них была опубликована в газете «Молодежь Эстонии». Работал в типографии издательства «Нонпарель», выпускавшего журнал «Литературные незнакомцы».

В 2006 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на отделение прозы (семинар М. П. Лобанова).

На сегодняшний день имеет ряд публикаций в периодических изданиях России (журнал «Клуб», г. Москва), Украины (еженедельная городская газета «Колесо», г. Севастополь) и на всепоглощающих просторах Интернета.

Является одним из основателей литературно-публицистического портала ЛИТИС (<http://www.litis.org>): автор, модератор, рецензент, член редколлегии. На собственные средства участников проекта выпускается печатная версия — одноименный альманах, в котором наряду с произведениями студентов и выпускников Литературного института им. А. М. Горького печатаются работы сторонних авторов, присланные для обсуждения на страницах портала и получившие одобрение редколлегии.

В настоящий момент занимается написанием статей, рецензий, рекламных текстов (описание услуг, брошюры, буклеты, проспекты), литературной обработкой текстов и переводами на русский язык.

Жил-был за Волгою Волк

1. Саша Соколов. Молчание как метод

Он не любит, когда его называют по имени-отчеству, и считает семью формой несвободы. Мечтал уехать за границу, и теперь там живет, оставаясь при этом русским писателем. Хочет получить российское гражданство, но процедуру считает унижительной.

Александр Всеволодович Соколов родился 6 ноября 1943 года в Оттаве в семье работников посольства СССР в Канаде. Читателем публики известен в первую очередь как автор романа «Школа для дураков».

Журналист Петр Вайль и критик Александр Генис видят Сашу Соколова одним из первых русских писателей постмодернистского толка.

Соколов не имеет интереса к публичности: не появляется на телевидении, практически не дает интервью газетам и журналам. Его романы входят в программу по изучению литературы русского зарубежья, а он возьми вдруг и перестань печататься. Свое молчание последних лет объяснял тем, что его

не устраивает литературная ситуация в России — тиражи слишком маленькие и нет достойного читателя.

За писателя говорят его книги. Об авторе судят по произведению. Написал что-то существенное — тогда и появляется интерес к личности. Сегодня ситуация несколько изменилась. В продаже книги может еще не быть, а раскрутка уже началась. Роль глашатаев новых имен и задачу формирования вкуса взяли на себя средства массовой информации. Телеведущий Дмитрий Киселев, например, считает, что если писатель не появляется на телеэкране, то его нет. Вот реалии «открытого» общества. Основным действующим лицом публичного диалога стал журналист. Касается это не только политической, экономической или общественной жизни.

Режиссер Карен Шахназаров отмечает, что у государства нет никакой идеи по поводу культуры, у Советов была идея, тогда культура существовала. Одни следовали государственной программе, другие — были против, но процесс шел. На сегодняшний день — стагнация. О кризисе русской литературы писать не устают. И дело не столько в отсутствии интереса к ней, сколько в общей смене принципов и подходов.

Участники литературного процесса по-разному отреагировали на сложившуюся ситуацию. Валентин Распутин, например, даже не приехал на торжественный вечер, посвященный его семидесятипятилетию. А Саша Соколов объявил о своем праве на забастовку, пишет в стол и предпочитает принцип известности в узких кругах. Каждый из них востребован и известен, а значит, имеет право и возможность оставаться собой.

Молодому же, начинающему автору приходится не только оттачивать мастерство, но и продвигать себя — искать пути к читателю. Посвятить себя целиком писательскому ремеслу стало практически невозможно. Приходится распыляться. Но только ли в этом дело?

Максим Горький, призывая описывать историю заводов, предлагал через это увидеть историю страны и мира. Уже были великие герои Бальзака, Гюго, Толстого, но первая и вторая мировые войны сокрушили представления о гуманизме, стремление к идеалу. Произошла смена героя. В центре человек, который поступает так, как ему удобно. Его жизненные приоритеты — угодить собственным потребностям, а голос — непобедимая логика житейского здравого смысла. Он поучает, как должно вести себя человеку рациональному, чтобы, потакавая своим желаниям, насладиться жизнью, и такая модель быто-

вания долгое время рассматривалась как идеал западной цивилизации.

Отказ от целостного породил феномен — постмодернизм. Термин возник в шестидесятые годы прошлого века, тогда и был декларирован целый ряд положений антимодернистского плана. Произошел пересмотр позиций модернизма и авангарда. Отвергнув возможность преобразования жизни при помощи искусства, постмодернисты приняли бытие таким, как оно есть. Искусство стало открытым и наполнилось фрагментами реального жизненного процесса. Постмодернистский мир — это мир без идеалов, нет традиций, нет движения из прошлого в будущее. Прославление ценности критической мысли в искусстве, характерное для эпохи модернизма, сменили ирония и черный юмор. Постмодернистские писатели избегают саму возможность смысла.

В произведениях Саши Соколова гармонично сочетаются постмодернистские приемы и поток сознания с фанатичным вниманием к слову и русские классические традиции. Арсенал же его изобразительных средств просто шокирует.

Впечатляет и биография Соколова. Многие из того, что о нем написано, восходит к работе Д. Бартона Джонсона «Саша Соколов. Литературная биография». Факты и канва биографии совпадают, но сам герой относится к ней прохладно. Он просил убрать некоторые моменты, не хотел, чтобы фигурировали определенные люди — это вполне понятно и закономерно, а вот претензии к наукообразности стиля... Своей специальностью в литературе Соколов считает стиль, чистоту языка, оценивая текст не с точки зрения сюжета, а с точки зрения стиля.

Учился Соколов в Москве. После окончания школы поступил в Военный институт иностранных языков. Не окончил. Своим первым университетом считает литературное объединение молодых поэтов СМОГ (одна из расшифровок — «Самое молодое общество гениев»), участником которого стал в 1965 году. В одном из самиздатовских выпусков смогистов «Авангард» опубликовал свои стихи под псевдонимом Велигош.

В 1967 году Соколов поступил на факультет журналистики МГУ. После окончания несколько лет работал журналистом. Живя в Москве, Саша понял, что не хватает сил и времени написать что-то свое, и уехал на верхнюю Волгу, где устроился на работу егерем. Его поселили на кордоне, где он начал писать «Школу для дураков». Рукопись была закончена в 1973 году и переправлена за границу, а вышла в конце 1976 года. Вскоре и сам автор эмигрирует. С этого момента интерес к жизни и творчеству писателя не угасает.

В 1980 году вышел роман «Между собакой и волком», а в 1985-м — «Палисандрия». После чего писатель замолчал. Что случилось? Публика приняла его, были тиражи, известность, и вдруг — тишина. Писатель не появляется в эфире, не публикуется. Впрочем, идеальная жизнь для Соколова — это одиночество: глушь, сельская жизнь. Учеба в университете была для него прежде всего способом получить филологическое образование, а работа в газете — возможностью понять, как делается текст, покрутиться среди людей, которые постоянно что-то пишут, отражая поток будней. Насмотрелся.

Его тексты и есть тот самый поток, который отразил внутреннее состояние современного ему человека, пройдя через призму авторского восприятия.

Принято считать, что герой «Школы для дураков» — подросток, ученик, страдающий раздвоением личности, хотя этого нельзя сказать наверняка. Ряд критиков полагают, что автор сделал героем романа язык. Но если взглянуть панорамно (эпоха, люди, взаимоотношения), то возникает устойчивое ощущение, что герой романа — сознание рефлексирующего человека. Перед его внутренним взором пронесется огромная череда картин, порой живописных (чарующих, ужасающих), порой невнятных (абстрактных, сумбурных). Они то скажут, то вдруг замирают, что противоречит ходу времени реальному, но характерно для процессов, происходящих в сознании.

В романе нет сюжета, линейность течения времени условна. Пейзажные зарисовки сменяют картины быта, описания событий личной жизни перемежаются с эпизодами русской истории и советской действительности. Взросление, проблемы общества, духовный поиск, воспоминания, переосмысление, потерянности, любовь... Каждый из нас хранит в памяти элементы чувственного познания (услышанное, увиденное, пережитое) — это фрагменты, которые формируют картину мира индивида и, уложенные в определенном порядке, придают жизни смысл, а восприятию мира — целостность. Отсутствие сюжета нарушает связь между фрагментами, порождает ощущение потерянности во времени и пространстве.

2. Поэт не для потребителя

От животного человека отличает не только способность к самоанализу и самоорганизации, переосмыслению, смене жизненных принципов и стратегий. Его отличает способность к рациональному познанию — умение моделировать события, искать наиболее эффективные пути достижения поставленной цели. Вероятно, поэтому из века в век человек

ищет и находит идеи и идеалы, к чему-то постоянно стремится. Отказавшись от сюжета, Соколов будто насмехается над этой человеческой тягой к линейности. В своем «манифесте» он говорит, что потерял вкус к сюжету: «А любит Б, Б — В, В — Г. Какая докука. Если любое сравнение — клевдикант (клевдикант — инвалид, у которого одна нога короче другой. — Прим. авт.), то всякий сюжет — инвалид высшей марки, член привилегированной гильдии калик перехожих, коего благодетельная вдова залучает под вечер, дабы умыть безноготному ноги его» («Palissandr — c'est Moi?» — «Палисандр — это я?»).

И волки сбиваются в стаи, передают опыт охоты и выживания детям, но трудно представить себе волка-вегетарианца, отказавшегося от мяса в силу моральных или этических принципов. Человек строит космический корабль не для того, чтобы «стая» была сыта, а из любопытства: а что там, в небесах? Но что происходит в сознании, с человеком, когда ни идей, ни принципов, ни устремлений?

Мотивы раздвоения (множественности) личности, потерю идентичности, соборности можно встретить и в романе «Между собакой и волком». Запойный Охотник описывает тех, кто лежит на Быдогощенском погосте (сельском кладбище): «Тут похоронен Петр / По прозвищу Багор, / Его все звали Федор, / А он себя — Егор. / Он был хороший егерь, / Но спорщик был и вор, / На краденой на слеге / Повесился на спор». Еще лежит на кладбище горбатый перевозчик Павел, который надеялся, что могила избавит его от горба, поэтому утопился. А великий мастер Гурий-Охотник пропил берданку и умер от горя. Что направляет их действия, формирует поступки? Если они чем-то и обоснованы, то относительно восприятия действительности, где жизнь и смерть предстают как смена дня и ночи.

При этом ракурс, с которого автор являет нам людские судьбы, — ироничный, все они на кладбище, усопшие. Чего не скажешь об Илье Петрикеиче, который вроде как уходит в небытие, но рассказ его продолжается. А странная смерть учителя Норвега из «Школы для дураков», о которой он сам приходит рассказывать своим ученикам...

Тема условности смерти не только людской, но и памяти ярко проявила себя в «Палисандрии», мемуарах внучатого племянника Л. Берии и В. Распутина, опубликованных в далеком будущем.

Если сюжетно и характерами эти три книги не связаны, то в плане нелюбви к советской власти и иронии, переходящей в сатиру, — несомненно. Кроме того, практически все исследователи отмечают в творчестве Соколова широчайший пласт пародийного цитирования: это Библия, философская и

художественная литература, советская печать. Похождения же Палисандра представляются пародией на литературу детективную и порнографическую. Но пародиями его романы не назовешь. Скорее, это прием, отсылающий нас к принципу всеохватности мира, проблемам становления личности, непримиримости с окружающей действительностью. От которой, кстати, бежал и сам автор, признаваясь, что много лет был внутренним эмигрантом, ненавидя страну (точнее, режим), в которой жил, а потом устал... и уехал.

Во всех трех произведениях присутствует смутная биографическая основа, что и позволяет объектом изображения назвать жизнь как школу, которую автор вслед за собой предлагает пройти и читателю. И как бы подтверждая это, в «Palissandr — c'est Moi?» Соколов призывает абстрагироваться от конкретного «я». Автор странствует по жизни, узнает людей, их повадки, язык, о чем и рассказывает нам, читателям.

Глядя на то, с каким пылом Соколов стремился сбежать из СССР, неизбежно возникает вопрос, почему же писатель остался верен родному языку? Русский, по его мнению, более пластичен, обладает большей свободой. По языку можно судить о народе, его пытливости, находчивости, неуспокоенности, «ставя русскую истину — как бы та ни была горька — выше приторного притворства японского этикета...» («Palissandr — c'est Moi?»).

Русский язык инверсивен — можно начать с любого слова и все переиначить. Внешняя неопределенность, размытость позволяет говорить не об одном предмете, а целом ряде, передать восприятие. «Там есть и доски, есть разные садовые инструменты и бабушкино кресло, то есть нет, простите, не так, отец всегда просил нас говорить наоборот: кресло бабушки. Так почтительнее, объяснял он» («Школа для дураков»). Но этим далеко не ограничивается арсенал изобразительных средств автора.

Фольклорные мотивы, чужое, сказовое слово сочетаются с графическими и синтаксическими экспериментами авангардистов. Но если для последних это был поиск, позволявший пробудить уснувшие в слове смыслы (у Хлебникова) или привлечь внимание, эпатировать, то у «деформации» языка Соколова иные задачи.

При ближайшем рассмотрении внешняя калейдоскопичность в изображении обретает иную структурную суть и несущий смысл. В «Школе для дураков», например, видим: «Какой-то парень, пьяный и кудлатый, узнавший стороной об измене подружки, в отчаянии: В а л ю л ю б л и т р о е. Наконец поезд выходит из тупика и движется по перегонам России». Смену картин предвваряет эффект замедления.

Писатель Саши Соколов, 1989 г.

На словах, написанных в одну строчку с увеличенным интервалом, мы невольно приостанавливаемся при чтении. В результате не только подчеркнуто отчаяние парня (его внутреннее состояние, переживание), но и подготовлен переход к очередному эпизоду — движению поезда.

Эффекту же замедления служат написанные без привычных синтаксических знаков прямая и косвенная речь. Кроме того, этот прием отсылает нас вновь к сознанию рефлексирующего человека: когда происходит внутренний монолог или диалог, мы удерживаем в сознании образ собеседника, а не как вычки, тире и двоеточия.

Эффекту «медлительности» Соколов придавал большое значение, недаром ей посвящена существенная часть текста «Palissandr — c'est Moi?»: «Способность к медленному письму не зависит от бытовых обстоятельств», поскольку «День Творения не имеет ничего общего с днем календарным». В отрывке говорится о медленном письме, но надо понимать, что чтение зависит от того, какие автор дает нам для этого возможности. Создавая произведение, он создает и свои правила, а играть ли по ним — наш выбор.

Проза Саши Соколова действительно непроста: требуется освоиться с лексиконом, уловить ритм. Будто наперекор современному темпу жизни, он принуждает замедляться и вчитываться. Моменты, когда одно повествование переходит в другое, смена образов, калейдоскоп воспоминаний и переживаний — воплощены в методах словоупотребления.

Какова сверхзадача автора? Совсем необязательно, что он осознавал ее в момент творения. В какой-то мере это загадка, которую пытается разгадать каждый из нас, вопрошая: зачем живу, что я должен сотворить. Сверхзадача — это то, что мы хотим получить взамен наших усилий. Чаще всего мы ставим

ее перед собой бессознательно, ориентируясь на реакцию окружающих. Из книг Соколова следует, что отказ от целостности (игра фрагментами, симуляция реальности) или следование методам определения целей и задач с опорой на опыт чувственного или рационального познания — тупиковый путь, на погост. Каков же он, правильный? Прямого ответа писатель не дает (может, и сам не знает), но на уровне языка, его лексического, семантического и грамматического слоев отчетливо видны отсылки к культурно-историческим корням... За ответом?

То, что все течет и ничто не останавливается, определили еще до нашей эры. Меняются не только времена и нравы, но и состояние сознания.

Замолчав на десятилетия, Соколов снискал себе славу русского то ли Сэлинджера, то ли Джойса. Последнего, видимо, за сложность восприятия.

Тексты для «медленного» чтения начиная с перестроечной поры потеряли всякую привлекательность. Легкое, быстрое чтиво, блоги, СМС — динамика, емкость, информативность, незамысловатость. У автора нетрадиционного выбор оказался небольшой: плыть по течению (уподобиться большинству) или переждать на берегу (осмотреться, поразмышлять, свыкнуться). И дело даже не в деградации читателя или диктате издательств, выпускающих только то, что легко «пережевывается» умом или щедро финансируется. Человека захлестнули огромные объемы информации. В первую очередь маркетинговой и политической: купи это, голосуй за то. Пережевывание всего этого за день так утомляет, что копошиться в глубинах и смыслах авторского замысла сил уже просто не остается. Помнялись, одним словом, не только политическая и социально-экономическая обстановка, но и принципы внутренней психической организации.

В полку почитателей творчества Соколова значительно ubyло. Остались только верные, преданные и любопытные. Объявить забастовку в такой ситуации и начать писать в стол — ход верный: пока не сориентируешься в новых условиях, удастся сохранить достижения и внимание к себе.

Опубликованные в разные годы три небольшие работы Соколова в тель-авивском журнале «Зеркало» прошли практически незамеченными. Событием стал выпущенный тиражом 2000 экземпляров издательством ОГИ «Триптих» Саши Соколова. В него включены те самые опубликованные в журнале тексты: «Рассуждение» (2007), «Газибо» (2009) и «Филорнит» (2010).

На отзывы публика раскачивалась довольно долго. За первые полгода с момента выхода книги было опубликовано всего три-четыре рецензии. Мнения высказывались разные, кроме искренне восторжен-

ных. Так или иначе, все оглядывались на прошлое автора, сравнивая. Ничего нового, по сути, автор не сказал, оставшись верным своему эстетическому принципу.

Ранее в одном из интервью Соколов утверждал, что его новые работы интонационно другие. Это действительно так. Его проэзия (как сам автор назвал свой нынешний жанр) не содержат больше ернического оскала на ненавистную ему (в свое время) советскую действительность. Вероятно, поэтому «средний» рецензент усмотрел в «Триптихе» текст ради самого текста, предлагая почувствовать глубину погружения в слово. Героем, по сути, названо слово. В языковом пространстве соколовской проэзии усматривают мотивы классических сюжетов от Данте до Шекспира, поэтические мотивы Н. Гумилева, И. Бродского.

В новой книге происходит то же, что всегда у Соколова: событие, которому посвящен текст, не случается или, случаясь, оказывается не важным, теряется между строк. Единственной целью текста становится его холостая подготовка, обозначение координат.

«Триптих» напоминает серию бесед, определяющее качество которых — акоммуникативность. Разговор ради самого акта говорения. В самой организации текстов заложена невстреча с пониманием читателя, и возникает справедливое ощущение, что книга эта — продолжение молчания Саши Соколова. Этакий промежуточный (снять напряжение ожидания) или подготовительный (пробный шар) этап.

Этот задумчивый, размеренный верлибр отсылает к периоду участия автора в СМОГе, когда он пробовал себя в поэзии. Свои слабые места — идеальную жизнь (одиночество: глушь, сельская жизнь) и поэзию — Соколов превратил в метод. Это не делает книгу шедевром, но явление наверняка уникальное.

Тем не менее упрекнуть текст в отсутствии взаимосвязи с реальностью возможным не представляется. Реальность эта внутренняя авторская или сознания окружающих, попробуем разобраться.

Если слегка призадуматься, выйти за рамки привычного восприятия текста, то в «Триптихе» Соколова можно уловить некоторую закономерность. Так, первая часть — это молодость героев, вторая — зрелость, а третья — старость. Молодость полна наивных порывов и рассуждений и риторических вопросов. Для того чтобы показать это, автор как бы удаляет из текста смысловую ось. Со второй частью уже не все так просто. С виду это зрелость с оттенками эпикурейства: многие ответы уже получены, жизнь течет плавно и мелодично, краски более мягкие, а образы все ярче и шире. Но не все так идеально и ровно. В мотив повествования вторга-

ется скорбь вдов, горечь утрат какой-то войны, тот элемент трагедии, без которого не проходит ни одна человеческая жизнь. Третья часть пронизана духом отстраненности — «витанием в облаках». К этому отсылает и ее название — «Филорнит» (от латинского «любитель птиц»). Но не будем торопиться с выводами.

Когда мы говорим о молодости, зрелости и старости, естественно, имеем в виду не поведение и внешность, а состояние сознания. Передает его автор, рисуя картины, которые проносятся в нем. Определять возраст, ориентируясь на эти картины, — дело довольно неблагоприятное. Содержание сознания в гораздо большей степени зависит от интересов и предпочтений данной личности.

Представить себе, что Саша Соколов явил миру свою собственную рефлексию, возможности не представляется, поскольку весь его жизненный путь, интересы и устремления не укладываются в содержательную часть представленного текста. Бросается в глаза еще один факт: новая книга Соколова, откровенно говоря, оценена русской публикой как фиаско писателя. Значит это, в первую очередь, что русский человек не увидел в ней ничего характерного для своей ментальности. И это немудрено...

Да, в плане языка интересно, есть преемственность традиций русского авангарда, но можно ли присвоить автору звание «поэт для производителя»? Получивший его в свое время Велимир Хлебников подходил к работе с языком осмысленно, декларировал свои цели и задачи. Соколов молчит.

Продолжим. Итак, исключив доводы малоубедительные, легко прийти к выводу, что в этих трех проэзах Соколова вырисованы три типа сознания, а точнее, их содержание. Чьи они, если русский человек не воспринял их? Вспомним, что автор отражает ту реальность, в которой существует. Реальность советская, и противостояние ей для Соколова закончилось. Он уехал из страны (покинул ненавистный ему режим) и все об этом написал. Долгое время жил в Америке. Но и оттуда уехал, когда с него спал романтический трепет.

Воспитанное на антагонизме к советской действительности сознание Соколова нашло себе новое применение: оно анализирует элементы внешней среды, в которой находится, синтезируя целостное восприятие о ней. Результаты этих трудов писатель нам и демонстрирует.

Понятие «капиталистический примитивизм» — это не открытие одного отдельно взятого эмигранта, а итог наблюдений и сопоставлений здравомысля-

щих представителей эмиграции. Поверили в капитализм многие, но смелости быть объективным хватило не у всех. Эта система, по сути, мало чем отличается от соцреализма. Лишь тем, пожалуй, что на уровне психики человек в ней формировался как звено в системе потребительских отношений, а не идейных убеждений.

Кроме «другой» интонации «Триптих» объединяет отсутствие в представленном потоке сознания побудительного мотива, осмысленности. Если в произведениях раннего Соколова в рефлексии чувствовался поиск, она была не голым актом обращения внутрь себя, то «новый» Соколов описывает рефлексию безвольную, в которой нет смысла, а есть невмешательство с привкусом фатализма. Это и рефлексией-то назвать нельзя. Скорее, это запрограммированное, зацикленное на определенной теме сознание, которое потребляет и переваривает информацию в соответствии с типом души. Человек не размышляет, не ищет, в работе его сознания нет смысла, оно исполняет роль желудка и не контролируется самим человеком, а программируется и питается извне.

Сознание это — западного человека, судя по высказываниям Саши Соколова в интервью. Нередко он делится впечатлениями о западном образе жизни, отмечая, что выпускники школ в Америке не понимают и не могут потом пересказать газетные статьи, не говоря уже о книгах, и вообще, в массе своей, народ там очень необразованный, поэтому там шоу популярны.

Цель этого исследования, однако, — не разоблачить капитализм или раскрыть глубину авторского замысла. Это — игра, и тем она увлекательней, чем меньше за себя говорит автор. Его молчание побуждает задавать вопросы, а когда ответ не последовал, то задаваться вопросом и копать. И, думается, автору важно не то, что именно накопили (качественно или количественно), а то, что его приглашение принято, его молчание послужило для кого-то побудительным мотивом к действию.

Не писатель формирует бытие и направление в литературе, он отражает реалии, художественными средствами создавая образ происходящего в окружающем его мире. Своим методом Соколов преподносит читателям и критикам не просто очередную головоломку. Он демонстрирует возможность хранить верность своим творческим принципам и способность противостоять массовости, кассовости и инертности читательского восприятия.

Окончание. Начало в № 7 за 2012 г.

ПЛАН ПЕРВОГО ЛИЦА И ВТОРОГО

РОМАН

V.

Они сидели на кухне и ели то, что было. Когда Тоестьлстой сказал Додостоевскому, что они с Иррой поженились, Додостоевский сказал: «Поздравляю». Когда Тоестьлстой спросил Додостоевского, не может ли он перейти жить на кухню, Додостоевский ответил, что не может. Когда Тоестьлстой сказал ему: «Нас же двое», Додостоевский сказал ему: «Нас тоже двое». Тоестьлстой сказал Додостоевскому: «Что ты хочешь?», Додостоевский сказал Тоестьлстому: «А ты что хочешь?», Тоестьлстой сказал Ирре: «Что ты хочешь?», Ирра сказала Тоестьлстому: «А что ты хочешь?», Ирра сказала Додостоевскому: «Ну что ты хочешь?», Додостоевский сказал Ирре: «Ну а ты что хочешь?»

На кухне появились «Ахашени», розы и абрикосы. В комнате, как из другой оперы, появилась бутылка водки. Было лето, но абрикосы и розы были такой редкостью для кухни даже летом, что поэтому, скорее, была зима. Бутылка водки не была редкостью для комнаты, и мысль о времени года в комнате вообще не приходила. Значит, в общем была зима. Они разделились на пары: Ирра с Додостоевским были в комнате, но Ирра с Тоестьлстым была и на кухне, значит, получалось, что их все-таки четверо. Но зато когда они объединялись в кухне, их опять становилось трое. Из окна комнаты было видно почти небо, освещенное почти солнцем. И как же все было неграмотно оформлено. Ирра, пристающая к Додостоевскому со своими дурацкими вопросами: «Ну почему ты на мне не женился?» — «А ты этого хотела?» — «А ты этого хотел?» — «А ты что,

не видишь?» — была неграмотно оформлена. Вываленный в снегу, если это была зима, в пуху, если это было лето, пьяный был неграмотно оформлен. Лужа с поднимающимися алкогольными испарениями была неграмотно оформлена. Ирра сказала Додостоевскому, что все это ужас какой-то, что он допотопный, что такие, как он, давно вымерли, он доисторический. Додостоевский сказал ей: «Иди к нему, ну правда, он уже давно ждет».

И чтобы это было скорее, она не пошла пешком, а села в поезд. Поезд проехал по коридору с грязными ботинками в углах, проскочил мимо дверей сначала в ванную, потом в туалет и направился прямо на кухню. «Ты что так долго?» — спросил Тоестьлстой. Там была застеленная, такая жалкая раскладушка. «Я не долго, — сказала Ирра, — с ним ведь тоже надо побыть». — «Пусть идет сюда», — сказал Тоестьлстой. «Тогда я пойду его позову», — сказала она. И чтобы не идти пешком, и чтобы туда было еще быстрее, чем сюда, она села в поезд, который мчался с такой скоростью, что все осталось внизу. Внизу были малюсенькие-премалюсенькие ботинки, размазанные от огромной скорости вешалки и двери, конечно, это был не поезд, а самолет. И когда Ирра приземлилась точь-в-точь у кресла, где сидел Додостоевский, он даже вздрогнул. «Пойдем туда», — сказала она. «Сейчас приду, иди пока». — «Нет, я с тобой». — «Что “ты со мной”, что “ты со мной”!» — крикнул он. И она стала удаляться от него, но на каком-то таком транспорте, что опять оказалась рядом с ним и даже за его спиной. «Ты

же меня не любишь», — сказал он. «А ты меня?» — спросила она. «А ты меня?» — спросил он. Почти небо стало просто небом, потому что почти солнце зашло. За горизонтом была точно такая же местность, за которой был горизонт, за которым была точно такая же местность. «Я-то тебя люблю», — сказала она. И по этой местности ходили животные, про которых были даже стихи: про слоненка, про жирафа, про крысу и про кенгуру. «Жалко, что ты меня не любишь», — сказала она.

Все предметы в комнате захотелось сразу же поцеловать и потом сразу же после этого убить. Самые прекрасные предметы были пластмассовые. Пластмасса, эта «дрянь какая-то», все же была творением человека, а не е г о. Какая же она была противная, ничего себе, какая же она была несеребряная и незолотая, она была искусственная, она была исключением, она была не оловянной, не деревянной, она была именно стеклянной, потому что стекло было тоже творением не его. В общем, она разбила стекло. «А ну-ка пойдя сюда, — сказал Достоевский, — сейчас у меня поедешь обратно». Он выставил ее из комнаты, и на этот раз она не села в поезд, а пошла пешком, чтобы это было не скорее, а наоборот.

Все остальное было грамотно оформлено: блевотина с рассыпанными по ней осколками стекла была наутро вырезана Достоевским вместе с пластинкой линолеума и грамотно оформлена; покойник был грамотно оформлен в гробу; побитые машины были грамотно оформлены французским скульптором Арманом. Это и козе понятно. Аминь.

Немного покачивало. Проводница выдала условное белье за рубль. Постелили и легли. Достоевский, чтобы спать, Тоестльстой, чтобы не спать. Сразу же появились комары, чтобы кусать. «Ну, кого кусают комары, когда людей нет? То есть когда они не кусают, тогда они что?» Ирра вышла из ванной и вошла в комнату. «Ты что, — спросил Достоевский, — ко мне спать?» — «Нет, не спать». — «Если не спать, то иди на кухню, я-то буду спать». То есть если даже для простейших (для комаров) существует прерывность во времени (не кусают, а что?), то для более сложных (для людей) тоже, может, существует эта прерывность (не живут, а что?).

— Можно я с тобой посижу? — спросила она и села.

— Ты уже села, что же ты спрашиваешь.

— Додо, — сказала Ирра.

— Слушай, — сказал он, — нехорошо, ты вышла замуж. Теперь будешь обманывать.

— А раньше что было, хорошо?

Она легла рядом с ним. Он нашел глазами окно и стал смотреть на меняющийся все время пейзаж.

Проводница стала разносить условный чай, постучала и к ним, но они не открыли.

За окном был целлофан, который был вместо тумана, который был вместо целлофана, а за ним в натуральную величину сидела птичка и пела. Она пела «пи-пи», и это было непонятно, кто она такая, а за ней летала чайка, из которой потом получилось пять чаек, из которых потом получилось десять чаек, из которых потом получилась одна чайка, и действие этого механизма было тоже непонятно, а за ними (перед ними) плыл теплоход, который не тонул, а на нем вместо ста человек, которых не было, были два человека, которые как раз не разговаривали, а что?

Ночью целлофан стал активизироваться, он натянулся, и из него пошел дождь.

— Я сейчас приду, — сказала Ирра Достоевскому.

Она вошла в кухню, Тоестльстой не спал, он сидел на раскладушке, читал какую-то книжку и ел яйцо.

— Рассказ профессионально сделан, — сказал он, — и яйцо профессионально сделано, но яйцо сделано профессиональнее.

— Ты сегодня обойдешься без меня? — спросила Ирра.

— А ты что, хочешь опять к нему?

— Я еще немного побуду с ним, ладно?

— Иди, — сказал Тоестльстой, — тогда я буду спать.

У Достоевского был выключен свет, Ирра вошла и включила свет.

— Ты зачем включила свет?

— Я хочу при свете.

— Что ты хочешь при свете, — крикнул он, — что значит при свете!

Он сплюнул на пол. Ирра выключила свет и села.

— Что ты молчишь, — сказал он, — так тоже нельзя.

— Я не молчу, — сказала она.

— Ну ложись тогда, раз пришла, я не знаю, что делать.

— Я завтра у тебя уберусь, — сказала она.

— Давно пора, — сказал он.

Она легла на его место, а он лег на ее место. Потом они поменялись местами, и она легла на свое место, и он лег на свое место. Потом они легли на одно место — на его, потом они легли оба на одно место — на ее. Потом само понятие «твое место», «мое место» исчезло, а как только исчезло, «места» перестало хватать. И тогда местом стало все более или менее подходящее. Он включил свет, и она сказала: «Зачем ты включил свет, выключи». — «Я хочу на тебя смотреть», — ответил он. Она спросила: «Тебе приятно на меня смотреть?» «Очень приятно, — ска-

зал он, — а тебе что, тоже приятно?» — «Очень приятно», — ответила она. «Что тут может быть приятного, никак не могу поверить, что ты меня любишь». Она указала туда, где была красота.

— Да, — сказал Достоевский, — красиво, то есть уровень есть. — Там было еще метров сто пятьдесят красоты над уровнем моря, и там в тумане, как в тумане, передвигались люди. — Ты отвлекаешься, — сказал он, — и забываешь, что надо делать.

Отвлекал шум, который доносился снизу: катеров, если внизу было море, машин, если внизу было шоссе. Наконец, если катера, то встали на якорь, если машины, то — на прикол. Их заменили самолеты, и шум перешел вверх, на потолок, который мог быть небом, которое могло быть потолком. «Сколько звезд, — сказала Ирра, — так красиво, что у меня ничего не получается». — «Я говорил, что в красоте жить нельзя, что ничего не получится». И Достоевский укрыл ее с головой одеялом, которое было теперь потолком, который был небом, которое было одеялом. «Так хорошо?» — спросил он. За несколько часов уровень воды снизился, а уровень красоты не поднялся, а тоже снизился. Стало светать. Все стало белесым: катера — машины — самолеты. «А может, я пойду кататься на лыжах». «На лыжах ты кататься не пойдешь». Стали видны лыжни, если на воде, то от водных лыж, если на снегу, то от простых. «Еще пять минут», — сказала она. «Ну, давай же», — сказал он. И наконец стало пусто: улетели все самолеты, разъехались машины, лыжники и катера, красота стала ниже всякого уровня. «Ты меня любишь?» — спросил он. «Что?» — сказала она. «Скажи, что ты меня любишь». — «Какой ты разговорчивый», — сказала она. Он сжал ей шею, и ей стало больно. «Ты хочешь меня задушить?» — спросила Ирра. «А ты этого хочешь?» — «Не сейчас», — сказала она.

— Оденься, — попросил Достоевский.

— Но почему?

— Оденешься ты или нет!

Она оделась. «Ты хочешь, чтобы я ушла?» Он подал ей сумочку. «Но я тебя люблю, — сказала, — я тебя люблю методом исключения: то есть ты мне не нравишься, ты меня не понимаешь, я тебя не понимаю. Остается только одно, потому что, если не люблю, то что? Понимаешь?» — «Понимаю, но метод неправилен. Иди». Она вышла. И дальше уже за дверью был фон: холодильник, посудные ящики, спящий на горизонте Тоестльстой. Она села на стул и стала частью фона.

Утром было солнце. При чем тут солнце. Можно сходить в магазин или у нас все есть? У нас все есть, кроме всего.

— Т.е., — сказала Ирра, — давай больше не попадаться Достоевскому на глаза.

— Ты что, с ним поссорилась? — спросил он.

— Можно оставить здесь все наши вещи, как будто мы здесь живем, а самим потихоньку уехать.

— А можно взять вещи, как будто мы уехали, а самим потихоньку здесь жить.

— Я сегодня уеду к маме, — сказала Ирра, — хорошо бы и ты тоже куда-нибудь уехал, а завтра мы уже встретимся и уже долго-долго никуда не уедем.

«Ну, и что же ты наврала Тоестльстому?» — спросил Достоевский. «Сказала, что поехала к матери». — «А матери что наврала?» — «Сказала, что поехала к Тоестльстому». — «Ну а теперь мне что-нибудь наври». И наврала ему про первый и второй план. Что все-таки первый план порождает второй, а не наоборот. «Тоестльстой появился только потому, что я тебя так сильно люблю», — соврала она. Первый план — это не норма. Его нормальное состояние именно в его ненормальности. Она врала, что в первом плане не сидят, не говорят, не едят (может быть, очень сидят или очень говорят), не спят, а что? Получалось, что все связанное с первым планом — это не жизнь, а что? И дальше она стала врать, что иногда просто нужно нормально жить, и тогда возникает второй план, то есть кухня. То есть лстой. «Я его люблю, — врала она, — то есть с ним все нормально, но если я его люблю, то тогда тебя я не люблю, а что?» Она совсем завралась, сказав, что во втором плане возможны замены, а в первом — нет. Во втором плане одного человека легко заменить другим, несмотря на то, что Тоестльстой не Пушкин, а другой, а Пушкин не Байрон, а другой. Во втором плане на вопрос: «Это кто такой?» — ответить можно. «Это кто такой?» — «Это Пушкин». — «А это кто такой?» — «Это Байрон». — «А это кто такой?» — «А это Тоестльстой». Перед вами гора Орел, вы видите гору, похожую на орла. Перед вами картина «Портрет неизвестного молодого человека», на картине вы видите неизвестного молодого человека. Перед вами экскурсовод, вы видите дебильного экскурсовода. В первом плане, задав вопрос: «Это кто такой?», можно ответить: «А это Ирра не знает кто такой».

В том месте, где все было для красоты, красоты не было. «Зачем здесь кипарис?» — «Для красоты». — «А гора зачем?» — «Для красоты». Стол, диван, блочный дом были более натуральными, чем «кусочек» моря и кипарис. Словно кипарис был искусственно сделан, а стол вырос сам по себе. Небо и гора были некрасивыми, когда были специально для красоты, но были красивыми, когда входили в интерьер жилого места. Ветер был красивым, если он был и если он тоже входил в интерьер. Пальмы и сосны были некрасивыми, как на открытках. Южная природа именно для красоты и как бы знала,

что она нравится, и поэтому не нравилась. Природа средней полосы — «средненькая», как бы не знала, что нравится, и, может, поэтому нравилась.

— Все, — сказал Додостоевский, — все. Хватит сходить с ума. Завтра вернется Тоестълстой — и начнем нормальную жизнь.

— Но я же тебе нравлюсь? — спросила Ирра.

— А ты хочешь мне нравиться?

— Но ты же меня любишь, — сказала она.

— Нет, — сказал он.

Тогда она не заплакала, а что? «И потом что нам делать вместе, спать?» — сказал он. Сквозь «не рыдания» — а что? — она услышала, как он рассказывал о каком-то лабиринте. Что он попал в него, и лабиринт был как бы древним, и единственное, что смущало — это свет внутри. Что он дошел до первого тупика и наткнулся там на кучи с дерьмом, и кучи были совсем не древними, а наоборот, и он захотел поскорее выйти. Пошел обратно, запутался. Ему было не страшно, а просто не по себе. Ему попадались окурки и пачки из-под сигарет. Потом он увидел надписи на стенках и картинки, и это была как бы наскальная живопись, но по уровню как бы туалетная, и тут он догадался, что это современный лабиринт с верхним подсветом. «Что я несу», — сказал он. Ирра никак не могла успокоиться. «Перестань, — сказал он, — думаешь, мне не тяжело, а если я тебя люблю, то это вообще ужасно». — «Я знаю, — сказала Ирра, — зачем люди женятся и выходят замуж. Чтобы было не так страшно делать это, делать то, что мы делаем. Они женятся, чтобы опять найти себе папу и маму. Но мне все-таки кажется, что ты меня любишь». — «Мне тоже так кажется, — сказал Додостоевский, — я-то тебя, конечно, люблю, ты меня, скорее всего, не любишь». Ирра сказала, что теперь хочет попить, и Додостоевский сказал, что можно шампанского. Решили, что лучше из стаканов. Получилось по два стакана, но во втором было меньше пузырьков. «Нужно пить, пока есть пузырьки, а потом уже невкусно», — сказала она. «Мне и так вкусно». — «Тогда отдай мне свой с пузырьками, а себе возьми мой». — «У тебя столько же пузырьков». — «У тебя больше пузырьков». «Дай-ка мне лучше другой стакан, этот грязный», — сказал он. «Давай его мне, он чистый». Когда Тоестълстой был дома и мыл посуду, вся посуда была грязной. «Вымой тарелку, она грязная». — «Я хорошо ее вымыл». — «Все равно она какая-то грязная». Когда Тоестълстого не было дома, вся посуда была чистой. «Вымой тарелку». — «Зачем, она чистая». — «Надо вымыть сковородку». — «Не надо, она и так чистая». Кругом тоже было чисто, потому что не было никакой квартиры, а была видимость квартиры. «Пойди спустись с горы на кухню. Поднимись в гору в ком-

нату». Подстилка на земле была условным полом. «Не ходи босиком по полу, он грязный». — «Он чистый, у нас здесь все чистое». Вот это у нас как бы комната, хотя ее асимметричность, наклон пола и канавка посередине для стоков дождевой воды создают некоторое неудобство. А отсюда открывается вид на красоту, и это как бы балкон. «Видишь птицу?» — «Вижу». — «Красивая?» — «Красивая». — «А сама птица знает, что она красивая?» — «Как она может это знать, если она часть красоты». В расщелине туалета, «спусти воду в туалете». Волна сама регулярно омывает камень, устраняя запах. При сильных волнах может затопить туалет. С катеров доносится ругань. Ругань входит в данную эстетическую систему и не кажется инородной. Ругань воспринимается как шум в канализации или в водопроводе. Дождь, гром, солнце, ветер непосредственно участвуют в этом условном интерьере. Дождь создает крышу. «Натягивай крышу. Натяни получше, крыша сгорит». Ветер раздувает стены, видимость стен: деревья и кусты. Солнце — единственный источник света: нельзя включить свет, выключить свет.

Стало светать, и стали выползать люди. Пошел дождь, люди стали расплзаться, и стало капать. «Ложись сюда, здесь не капает». — «Нет, здесь, кажется, капает, а вот здесь, кажется, не капает». — «Ну что, не капает?» — «Пока не капает». — «Зато смотри, как красиво, кругом капает, а здесь не капает». — «А вот сейчас закапало». — «И у меня закапало». — «Что, красиво, когда капает?» — «Только бы здесь не капало». — «С самого начала нужно было сюда лечь, здесь и не должно было капать». — «Но ведь капает». — «Разве капает?» — «Мне на голову только что капнуло». — «Значит, везде капает». — «А ты поэт?» — «Поэт». — «И отец у тебя поэт?» — «Поэт». — «Поэт-отец, поэт-сын, поэт — святой дух».

Ирра делала вид, что не любит Додостоевского, Додостоевский делал вид, что не любит Ирру, Ирра делала вид, что любит Тоестълстого, Тоестълстой делал вид, что ему плохо, Ирра делала вид, что ей хорошо, Додостоевский делал вид, что ему плохо, даже когда ему было хорошо, и дальше открывался вид, который не менялся независимо от того, было вокруг хорошо или было вокруг плохо. На этот вид нельзя было ничем подействовать, потому что он был неодушевленным. Додостоевский был одушевленным и менял свой вид, Ирра была одушевленной и меняла свой вид. Открывался вид на одушевленные и неодушевленные предметы: на неодушевленные дома и неодушевленные деревья, на неодушевленное небо и солнце. Неодушевленные предметы старались прикинуться одушевленными: ветка — птицей, камень — зверьком. Одушевленные предметы старались прикинуться неодушевленными:

Додостоевский был дома, но делал вид, что его нет дома. В дверь звонил Тоестълстой, если ему откроют, а если не откроют, то это не он звонил в дверь. «Это он, — сказала Ирра, — больше некому». — «У него есть ключи?» — спросил Додостоевский. «Нет, они у меня». — «Не будем открывать, — сказал Додостоевский. — Он сразу догадается. А завтра я ему скажу, что уходил, а ты скажешь, что была у матери». — «А он скажет, что не приезжал, и сразу догадается». — «Тогда мы ему первые ничего не скажем, пока он первый что-нибудь не скажет. Оденься на всякий случай». Она оделась. «Тихо ты, там же слышно». — «Что ж мне теперь, летать?» — «В конце концов, ты прячешься или я прячусь?» Она сказала, что это еще неизвестно, кто обманутый муж, что, может быть, не Тоестълстой обманутый муж, а Додостоевский, потому что она считает Додостоевского своим мужем, а Тоестълстого нет.

— Да, неизвестно, — сказал Додостоевский. — Но уже известно, что я умру раньше Тоестълстого, а он умрет раньше тебя, хотя бы потому, что я родился раньше его, а он раньше тебя.

— Значит, все остальное неизвестно, а это уже сейчас известно?

— Пойди на всякий случай в кухню и посиди там.

— Зачем, если я все равно у матери.

Ирра спросила, жалко ли ему ее, Додостоевский ответил, что жалко. Она спросила, жалко ли ему было убивать ежа, он ответил, что жалко. Она спросила, когда было больше всего жалко, он сказал, что утром, когда увидел, что ежик спит в сетке, в которую он посадил его с вечера, чтобы тот не убежал. Она спросила, убил ли он его сонного, он ответил, что нет, что еж проснулся, как только он взял сетку. Она показала на тропинку, ведущую к балкону, откуда была видна красота, и он тоже увидел ежа. У того был переполнен мочевой пузырь и желудок, и когда он его взял, тот стал ругаться, и стал похож на шпану. Еж съел у них икру не потому, что ему нечего было есть, они съели ежа не потому, что им нечего было есть.

— Все равно все неправильно, — сказала Ирра Додостоевскому. — Может быть, я хочу быть с мамой и папой.

— Будь, — сказал он.

— Опять неправильно, потому что это изначально не тот папа с не той мамой. А раз я вышла замуж за Тоестълстого, я сама могу быть для кого-то не той мамой с не тем папой.

— Но ты же говорила, что у вас все хорошо.

— Я говорила, что могу заниматься с ним разными глупостями и мне не страшно, потому что все равно это происходит не со мной и не с ним.

— А со мной?

— А с тобой это происходит, с тобой и со мной, поэтому это очень страшно.

Додостоевский показал ей на мозаику в Равенне, и она сказала, что ей не нравится сама императрица Теодора, но нравится одна дама из ее окружения, которая стоит не рядом с императрицей, а еще через одну даму. Она сказала, что ей так нравится эта дама, что она хотела бы ее взять себе. Ирра сказала Додостоевскому, что хотела бы, чтобы он был ее папой, чтобы было не так страшно это делать. И он сказал: «Как я буду твоим папой?»

Ночью Додостоевский зажег лампу дневного света, и можно было представить, что это дневной свет. Уровень воды поднялся и затопил площадку, которая служила кухней, и можно было представить, что вода затопила кухню. Додостоевский был рядом, и не было необходимости представлять, что он рядом. Он совпал сам с собой. Воображаемый палец Додостоевского совпал с настоящим пальцем Додостоевского, и это было лучше всего, пока искусственный дневной свет не совпал с настоящим дневным светом, что было хуже всего.

VI.

На кухне была плохая погода, Тоестълстой решил за погоду (а что ты за нее решаешь, что, у нее языка нет? — У нее языка нет), что она плохая, и остался сидеть на кухне. Додостоевский глянул туда, где была погода, и решил, что нормальная погода, но тоже остался сидеть в комнате. Ирра была в ванной и стирала белье, она не имела никакого представления о погоде, хорошая она или плохая, поэтому сама была как бы погодой. Тоестълстой предложил Ирре помочь, и это была его манера поведения, это не значило, что он такой хороший, Додостоевский не предложил помочь, и это была его манера поведения, это не значило, что он такой плохой, и дальше из окна, выходящего на первый план, и из окна, выходящего на второй план, открывается вид на природу, которая не обладала манерой поведения, а была естественна. В этом смысле Додостоевский в первом плане — в комнате, Тоестълстой во втором плане — на кухне — не были частью природы, потому что вели себя. Они вели себя то прилично, то неприлично. Деревья не вели себя прилично, когда распускались, и не вели себя неприлично, когда осыпались. Напротив было дерево, которое не ело с дерева познания и не знало, что оно дерево, допустим, дуб. Оно естественно росло и естественно бы упало, если бы его, естественно, не срубили. Оно не могло застрелиться. Дереву было ни плохо, ни хорошо, ему было, как всегда. Тоестълстому было сегодня не как вчера. Все-таки он не знал, не открыли ему

потому ли, что не были дома, или наоборот, потому что были. В то же время ему не хотелось выдавать себя, ситуация была для него неестественной, ему не хотелось, чтобы они узнали, что он приезжал, если они еще этого не знают. Были они здесь или не были, могло выясниться только случайно, потому что если прямо спросить, то прямо наврут. Тоестльстой заварил чай и позвал пить чай. Они пришли пить чай.

— А если бы вода стала врать, — сказал Тоестльстой.

Ирра с Достоевским переглянулись, и Тоестльстой показалось, что они здесь были ночью.

— Здорово все-таки, что природа не врет, — сказал Достоевский, — что морковка с картошкой честные. «Не было их, — подумал Тоестльстой, — так естественно держатся; а может, так естественно врут?» — усомнился он опять.

— Природа-то честная... — сказала Ирра.

«Неужели были», — испугался Тоестльстой.

— Мы же не для себя врем, — сказал Достоевский, — для других, чтобы им было хорошо.

— А природе, по-твоему, наплевать на нас, — сказал Тоестльстой, — ей нас не жалко, и она нам не врет.

— Как она может врать, если сразу будет видно, — сказала Ирра. — Дождь же не наврет, что он что-нибудь еще, видно же, что не что-нибудь еще, а дождь.

— Почему видно, — сказал Тоестльстой, — например, набираешь из крана воду, видно, что вода, а выпьешь, окажется отрава.

— Такого не бывает, — сказала Ирра.

— Я и говорю, — сказал Тоестльстой, — хорошо, что вода не врет.

— Все-таки иногда природа врет, — сказала Ирра, — возьми яблоко, с виду честное, а откусишь — вранье.

И она совершенно спокойно посмотрела на Тоестльстого.

«Точно, были», — подумал он.

— По крайней мере, яблоко не знает, что врет, и не ловит кайф от того, что ему удалось соврать, — сказал Тоестльстой.

— А природа вообще не ловит кайф, — сказал Достоевский. — Ей всегда ни плохо, ни хорошо, ей всегда как всегда.

Достоевский поймал кайф от чая и ушел к себе в комнату. Ирра тоже зашла в комнату, она подошла к окну. «Как же мне все нравится», — сказала она. «Что тебе нравится?» — спросил Достоевский. «Мне все-все нравится». Достоевский подошел к окну и сказал: «Да не может это нравиться». Там были гаражи, деревья и дома. «А мне нравится, — сказала Ирра. — Мне так это нравится». «Это

мне нравится, — сказал Достоевский, — никак не могу поверить, что тебе это тоже нравится». Она вернулась в кухню и закрыла дверь в первый план, и первый план разрушился. И то, что было видно из окна, выходящего на второй план, не нравилось. Ну как это могло нравиться: гаражи, деревья и дома. Ирра сказала Тоестльстой, что есть еще планы, независимые от первого и второго. Она сказала, что люди, которые имеют хоть косвенное отношение к первому плану, автоматически становятся вторым планом, а люди, которые вообще не имеют отношения к первому плану, просто не входят в план. Она сказала, что во втором плане очень много для понта, а в первом все необходимо. И она привела пример, который, по ее мнению, объяснял, что значит «для понта». Она сказала, что если у человека убрать сердце, то он умрет, а если убрать легкое, то он не умрет, потому что второе легкое как бы для понта. Получалось, что один глаз нужен, а второй для понта, одна рука нужна, а вторая для понта, и что бог понтил, создавая человека.

Тоестльстой слушал да ел: «Эта конфета вкусная, потому что все невкусное я в ней уже съел», а когда съел, сказал: «Что же мы сегодня будем делать?» — и сам же ответил: «Можно пойти на улицу». Ирра сказала: «Нельзя».

— Можно?

— Нельзя.

— Ну можно?

— Нельзя. Я тебе уже ответила, — сказала она.

— Но тебе приятно, что ты ответила?

— Что тут может быть приятного, если я уже три раза ответила.

— Тогда ты что-нибудь предложи, — сказал Тоестльстой.

Она предложила ему одному пойти на улицу, а чтобы ему было не обидно, сказала, что ей еще нужно постирать.

— Ты хочешь побыть одна? — спросил он. — Но ты же говорила, что даже когда мы вместе, ты все равно одна, значит, ты можешь побыть одна вместе со мной.

Ирра ответила, что сейчас ей лучше побыть просто одной, чем вместе с ним одной. Тогда Тоестльстой сказал, что когда он один, то он все равно с ней, а когда она с ним, то она все равно одна. Ирра села к нему на колени и сказала: «Правда же я хо-рошенький зайчик?» — «Отдайся мне на дорожку», — попросил он. Она попыталась отмотаться, но он сказал: «Тогда я буду заниматься с твоей ножкой». И он сделал то, что сказал. Пока он занимался с ее ножкой, она занималась с «Ивернями», из-за которых он рассорился с одним картавым мальчиком, который назвал автора «Иверней» «коктебель-

ским дудаком», когда ему было четырнадцать лет, когда ее еще не было на свете, когда он пришел в гости к «коктебельскому дудаку», которого уже не было на свете, но зато была его жена, и он ей сказал: «Я очень люблю его стихи. Я читал “Иверни”, и жена поправила: “Иверни”». «Да, — сказал он, — “Иверни” я читал, мне очень понравилось». И жена дала ему биографию «коктебельского дудака», и он стал читать, но на нем были мокрые плавки и от них чесались ноги, и он отложил биографию. Не пошла. «Иди же теперь». И Тоестълстой довольный ушел, а Ирра, недовольная, осталась. Она взяла читать эти несчастные «Иверни», и они полетели в сумку, потом в сумку полетели «Эмали и камеи» в переводе Гумилева, «Будем как солнце», «Книга масок», «Сонеты солнца, меда и луны», «Белые зарницы», она повертела в руках «Фарфоровый павильон» и кинула его туда же, и для смеха кинула «Громокипящий кубок». Она закрыла сумку и сказала Додостоевскому: «Я скоро».

— Куда ты? — спросил он.

— Я скоро вернусь, — сказала она.

Она растасовала эти книжки по трем буквам: «Эти две мы у вас возьмем, а эту не возьмем, эту мы сами не можем продать. Эту мы возьмем, а эта в плохом состоянии». — «Поставьте за нее меньше». — «Меньше мы не имеем права».

— Где ты была? — спросил Додостоевский, когда она вернулась.

— Сдавала книги, — ответила Ирра.

— Какие книги?

— Не бойся, не твои.

— Ты с ума сошла, — сказал Додостоевский, — он же с ума сойдет.

— Зато с ним все будет кончено, — сказала она.

Ирра сказала, что в принципе не имеет ничего против этих книг, а «Фарфоровый павильон» любит, «но, — сказала она, — второй план распространяется не только на погоду, гаражи, деревья и дома, но даже на книги». Она сказала, что второй план все сводит к норме, и все самое прекрасное кажется нормальным, и все самое ужасное кажется нормальным. Что все самые хорошие поэты кажутся средними поэтами, и все самые плохие поэты кажутся средними поэтами.

— Все равно я на тебе не женюсь, — сказал он.

— Но я уже это сделала.

— Не надо было это делать.

И тут пришел Тоестълстой.

— Что вы тут ссоритесь? — сказал он.

— Не знаю, что на меня нашло, — сказал Додостоевский, — я сдал твои книги, я их выкуплю завтра, честное слово.

— Какие книги? — опешил Тоестълстой.

— Ну, твои, — он запнулся, потому что не знал, какие именно Ирра сдала.

И тут Ирра сказала: «Он сдал...» (и она перечислила книги).

— Ты что, — сказал Тоестълстой, — сдурел!

— Как-то так вышло, — сказал Додостоевский.

— Какое же ты дерьмо, — сказал Тоестълстой.

— Ну прости, — сказал Додостоевский, — их не купят, не бойся, я завтра же их куплю.

— Я сегодня же их куплю, скажи где? — сказал Тоестълстой.

Додостоевский посмотрел на Ирру, но она ничего не сказала.

— Сейчас уже поздно, — Додостоевский тянул время.

— Не поздно. Говори, куда отнес.

Додостоевский опять посмотрел на Ирру, но она отвернулась.

— Не скажу, — сказал Додостоевский.

— Какое же ты дерьмо. — Тоестълстой выбежал из дома, но тут вспомнил, что у него нет столько денег. Он вернулся и сказал Додостоевскому:

— Давай деньги.

— Не дам, — сказал Додостоевский.

Тогда Тоестълстой схватил одну большую книжку, чтобы на эту большую выкупить все свои маленькие. Он побежал по магазинам, которые можно было пересчитать по пальцам. В первом же он сдал свою большую книжку и побежал по остальным. Но ничего похожего там не было. Он купил одного Бальмонта, да и то не своего. И вдруг в последнем он нашел не то, что искал, а то, о чем сто лет мечтал. Это была «Книга маркизы», правда, это был не «Двойной венок», но все равно это было то, что надо. Он пересчитал деньги, и не хватило пятидесяти рублей. Тогда он отложил книжку на час и помчался домой. Он влетел и сказал Додостоевскому: «Дай хоть пятьдесят рублей». — «У меня нет денег», — ответил Додостоевский. «Что значит нет?» — возмутился Тоестълстой. Тут вышла Ирра и спокойно сказала: «Я тебе дам пятьдесят рублей». И он с ума сошел от радости. Тоестълстой вернулся с книжкой домой уже без всякой обиды. Он сел на раскладушку и стал рассматривать картинки. Он показал Ирре черно-белую гравюру и сказал: «Правда, очень красивая?» — «Правда», — согласилась Ирра. Гравюра и правда была красивая. «Вот это он с косичкой, а это она, — объяснял Тоестълстой, — а когда я раньше видел ее мельком, я думал наоборот, что это она с косичкой, а это он». И маркизки раскачали Ирру. «Грудь у женщины должна быть такой, чтобы умещаться в ладони порядочного мужчины». — «Давай проверим». Проверили. Грудь у Ирры была как раз такой, что умещалась в ладони Тоестълстого, следовательно, он был

порядочным мужчиной. Они закрыли дверь в кухню, хотя дверь в комнату и так была закрыта. Сегодня она все хотела не тяп-ляп, а как следует. Маркизка показывает попку, маркизка сидит с открытыми грудками, а парикмахер ее причесывает, маркизка дронит себя на миниатюрном диванчике. Не обошлось и без истории. «Расскажи-ка мне историю про то...» Рассказал. «Теперь вот тут». — «Хорошо, тут». — «А здесь не надо». — «Разве это у тебя не эрогенная зона?» И дальше начиналась зона. «Скорее же!» — сказала она. «Почему скорей?» Ну скорей, так скорей. Маркизки были глупенькими, с грязными попками и ножками. «А здесь что?» — «А сюда не надо, это опасная зона». — «А здесь?» — «А эта зона отдыха, сюда всем можно». — «А это?» — «Газон». — «А это?» — «Забор». — «А это?» — «Коза». Газон, забор, коза, Сигизмунд, зоомагазин, сзади. «Ты хочешь сзади?» Он хотел, но уже не смог сдержаться. И дальше за занавеской, за забором, за газоном, за зоомагазином была зона, зона отдыха? опасная зона? эрогенная зона? где давно уже была зима. Вид на зимний пейзаж. На деревьях снег. На земле снег. На шубах моль. На земле костер. «Он не разгорится, ветра нет». — «А ты подуй». — «Я-то подую». — «Вот и разгорелся». — «А теперь и ветер». — «Ты был вместо ветра, а теперь ветер вместо тебя». Ирра прошла по коридору с засаленными стенами, с замызганным полом. Она зашла в ванную, которая была вдрызг, и потом зашла в комнату. «Он был вместо маркиза, а я вместо маркизы», — сказал Достоевский. На полу лежала книжка. Ирра спросила:

— Ты сейчас читал?

— Все-таки, — сказал Достоевский, — Ветхий Завет больше про человека, то есть там говорится про то, как у нас; а Новый — больше про бога, там говорится про то, как у них, у подобных нашему богу.

Достоевский сказал, что наш бог не единственный в своем роде, просто он один из тех, кому до нас есть дело. «И в Ветхом Завете, — сказал он, — нам дали понять, что мы не должны делать, а в Новом нам дали понять, чего они (такие же, как наш бог) не должны делать. Подумай сама, — сказал он, — ведь эта заповедь из Нового Завета совершенно из другой системы. Те старые заповеди, если человек постарается, то может соблюсти. Все-таки, если постараться, то можно и не украсть, и не убить, и любить родителей, и не трахаться с кем попало. Но даже если очень постараться, то все равно невозможно любить ближнего, как самого себя. Это недоступно. Это им, таким, как наш бог, не языческим, а именно таким, как наш, это им просто, а нам это невозможно. И через эту заповедь приоткрывается нам то, как все у них устроено». Ирра улыбнулась и сказала,

что у Тоестыльного вообще единственная заповедь: «Грудь женщины должна умещаться в ладони порядочного мужчины». И дальше уже за горизонтом была эрогенная зона, где все любили друг друга, как самого себя, и трахались через святой дух, не зная друг друга. Где росло дерево, с которого не есть и под которым, как кот ученый, сидел ящер, который подзуживал: «Съешь, съешь»; у которого были большие глаза. «А зачем тебе такие большие глаза?» — «Чтобы лучше видеть». — «А зачем тебе такие большие уши?» — «Чтобы лучше слышать». — «А зачем тебе такие большие зубы?» — «Чтобы съесть». И в этой зоне не ходили трамваи, автобусы и троллейбусы, там не было длины и ширины, там не было веса и объема, там не было времени. «Ну давай сегодня будем вместе». — «У меня времени нет». — «У тебя времени нет, потому что время в принципе есть, а у меня время есть, потому что времени в принципе нет». Там был порядок и беспорядок, и это было число, там была трусость и храбрость, и это была мощь, там была сила и слабость, и это была форма. Там был месяц со своей звездой, там был Хронос со своей Лизой, и я там был, мед-пиво пил...

VII.

Все зверюшки собрались в парке и попросили есть. Белочки любят орехи, синички любят сало, собачки любят кости. А может, они любят мясо, а людям проще думать, что они любят кости. Парк переходил в «Лесок» Кузмина. «А где, кстати, “Лесок”, что-то я его давно не видела?» «Лесок» был большой редкостью, там в обнимочку ходили отроки и целовались в губы, там все время был апрель, и можно было ходить без шапки и без пальто, и можно было целоваться не только дома или в гостях, но даже на улице, даже в троллейбусе, можно было говорить без конца «я тебя люблю», и это принималось на веру. В том леске белочки прыгали на пальто, сверкали лужи, пересыхали губы. «Зачем ты кусаешь губы, у тебя же теперь кровь». — «Потому что я тебя люблю. Я никогда не целовался с тем, кто мне не нравится». — «А зачем? Ведь так много тех, которые нравятся». — «Почему ты так сказала?» — «Потому что я тебя люблю». В том леске было сколько хочешь солнца и сколько хочешь луны. Там все до одного были гуляки и подготовишки. Речки были разные, и одна из них была Черная речка. В катере, который не плыл, потому что стоял на берегу, было три человека. Они сидели под дождем и пили пиво. «Может, я люблю тебя, а тебе проще думать, что я люблю его». — «А может, я тоже тебя люблю, но мне проще думать, что я тебя не люблю». — «А я-то вообще знаю, что ты любишь его, но мне проще думать,

что ты любишь меня». Речка двигалась на полной скорости, а катер стоял. Но проще было думать, что катер движется на полной скорости, а речка стоит.

— Лучше бы мы сели в поезд, который стоит, по крайней мере, там бы не было дождя.

Сели в поезд, который ехал. Лежишь и одновременно едешь, пьешь и одновременно едешь. Ходишь и одновременно едешь.

— Какого черта пить пиво под дождем?

— Не пей.

— А речка-то и правда черная.

— Ночью все речки черные.

На другом берегу была телебашня, которой когда-то не было, гаражи, которых когда-то не было, и доходные дома, которые и тогда уже были.

— Не понимаю, зачем мы сюда приехали?

— А чтобы проверить: действительно ли на берегу пустынных волн? Действительно. Действительно ли деревья, мелкий снег и Замок Инженерный? Действительно. Действительно ли в романтическом Летнем саду? Действительно. Действительно было только это, а все остальное было недействительно: мент с микрофончиком: «Нечего тут распивать», летний туалет в Летнем саду — и зимний — в Зимнем дворце, «Вертер» Массне вместо четвертого действия «Риголетто».

— Подсунули Массне. При чем тут Массне?

— А при чем тут гаражи с телебашней?

— А что, луны тут у вас не бывает?

— Бывает. А при чем тут луна?

Тоестльстой остался сидеть в катере, который стоял на месте, Ирра с Достоевским сели в поезд, который стоял на месте, и тем не менее приехали на нем домой. Достоевский вошел в кухню, и кухня тоже стала первым планом. И луна была видна не только из комнаты, как всегда, но даже из кухни. Дождь поменялся на снег (снег видно, а дождь слышно), снег припорошил раскладушку, и белье стало как бы не грязным, а чистым. «Нехорошо, что мы удрали от Т.е.». «Хорошо». Первый план включал в себя и грязную посуду: «Я могу помыть посуду». — «Некогда, некогда», и барахло, и виски, которые еще утром входили во второй план: «Налить тебе виски?» — «Спасибо, меня и так вырвет». Все было любимо, все входило в первый план. «Как же мы раньше жили! Ты мне ранил сердце». — «А как же люди живут: вино и домино». — «Вино и до минор».

— Теперь и кухня будет первым планом, и мы будем жить вдвоем и в комнате, и в кухне?

— Нет.

— Значит, когда вернется Тоестльстой, я буду жить с ним во втором плане в кухне, а с тобой в первом плане — в комнате?

— Да.

— И луна будет только в комнате?

— Да.

— А потом мы все по очереди умрем.

— Да.

Достоевский убедился, что под платьем у Ирры то-то и то-то, под сапогами то-то и то-то, под чулками то-то и то-то. Она убедилась в том, что у него под рубашкой то-то и то-то.

— Ты меня любишь? — спросила Ирра.

— Тебе лучше это не знать.

— А я тебя люблю?

— Мне лучше это не знать.

Он дотронулся до нее рукой, и как-то глупо зачирикали воробьи, и глупее всех зачирикала Елизавета Воробей. Достоевский обмакнул.

— Все-таки он мне муж, — сказала Ирра, — я пойду к нему.

— Иди, — сказал он.

— А я что говорю, покойницу звали Лизавета, а тут написано: Абмакни.

Местность у Страстного монастыря действительно наклонили, и все бочки, ведра, доски скатились в угол к забору, остальное пространство оказалось расчищенным. Ирра с Тоестльстой расположилась не на расчищенном пространстве, а в углу забора на досках. Ирра сказала, что когда они здесь были в прошлый раз, она подумала о том, что если эту местность наклонить, уцелеет монастырь и забор, а остальное все покатится и застрянет в углу у забора. «Теперь посмотри, — сказала она, — так и есть». Тоестльстой сказал, что в этом нет ничего удивительного, что материализуются и герои, и пейзажи, что, бывает, попадаетея на улице или в обществе герой какого-нибудь писателя, который к тому же занимается творчеством своего писателя, и тогда думаешь: «Ничего себе, материализовался». Ирра отправляла в рот один за другим бананы и запивала их вином. «Кстати, — сказала она, — когда я зашла по дороге в туалет, там девицы, видимо, проститутки самого низкого пошиба, вот только не знаю, как они называются на арго, но точно как-то называются, продавали бананы. Ты знаешь, что такое бананы на арго?» — «И что же это такое?» Она со знанием дела сказала, что это заколка для волос, а он со знанием дела сказал, что это год-мише.

Выпили за то, что Тоестльстой сказал. А сказал он, что прошел почти год, стало быть, круг, и потихоньку надо закругляться. Ирра спросила, как он понимает эту фразу: «...сначала земля была безвидной и пустой». Тоестльстой ответил, что никак не понимает. Она сказала: «Есть такое выражение: видный мужчина и полная женщина. А если наоборот, то занюханный мужчина, а женщина кожа да кости. Значит, земля была занюханная и как бы

кожа да кости. И вообще, — сказала Ирра, — ничего хорошего на земле не было, пока бог сам не трахнул девушку».

— Но он же не сам ее трахнул, — сказал Тоестльстой, — это же через дух.

— Это уж как он умел. А знаешь, почему Адам с Евой не знали, что они голые? — спросила опять Ирра.

— Ну, почему?

— Потому что они тоже трахались через святой дух, как потом бог с Марией, то есть не з н а я друг друга. А этот пресловутый плод с древа познания дал им возможность познать друг друга в буквальном смысле, и им стало стыдно. И потом уже бог дал людям возможность знать (то есть иметь) друг друга. И только еще раз он это сделал с Марией сам, как тогда, так, как раньше это делали все.

— Да кто это тебе сказал? — улыбнулся Тоестльстой.

— И еще одну вещь я тебе хотела сказать.

— Какую вещь? — насторожился он.

— Дело в том, что я с тобой ни разу не спала.

— Как это? — опешил он.

— Но, может быть, разочек, — поправились она.

— Не понял?

— Дело в том, что когда мы с тобой это делаем, это происходит не со мной и с тобой. У меня перед глазами мелькают какие-то странные картинки, театр, кино, совершенно другие люди, и все это происходит с ними, а со мной ни разу. И это бывает так весело, что от этого бывает так грустно.

Тоестльстой отшвырнул допитую бутылку.

— Пошли, — сказал он.

Они пошли и пришли. Ирра сварила кофе.

— Хороший? — спросила.

— У тебя получается то более крепкий, то менее крепкий.

— А сейчас?

— А сейчас более или менее.

Она села на раскладушку и совершенно не давала себя трогать. «Тут не трогай, это не надо, это я сама». Это напоминало ему историю из ее детства, которую она как-то рассказывала. Что она выходила во двор с игрушками и звала всех ребят играть вместе с ней, и когда все собирались, то начиналось: «Это не трогай, это не надо, это я сама». Тоестльстой отпустил Ирру: «Тогда зачем я тебе, если ты все равно это делаешь сама». Она торопилась, потому что Додостоевский должен был прийти вот-вот, но пока получалось не вот — не вот.

Тоестльстой надулся кофе и стал качать права. Ирра рассердилась и сказала: «Ты мне никто и я тебе никто, а тот, кто мне “кто”, тому я никто, а тому, кому я “кто”, тот мне никто». И тут пришел тот, кто

был ей «кто». Додостоевский поставил на стол бутылку и сказал, что в магазине связался с одним хроником. Тот лез без очереди и объяснял, почему ему надо без очереди, что, мол, пока он троил, его очередь прошла, а теперь ему надо. Вокруг сказали, что всем надо, но он сказал, что ему нужнее. Додостоевский пустил его без очереди, и хроник так сильно его полюбил, что покосился на бутылку Додостоевского и предложил на пару, но Додостоевский дал ему понять, что в этой бутылке его части нет.

В этой бутылке как раз было три части. Ирра от своей очень быстро опьянела и сказала, что Тоестльстой вор. Она сказала, что Тоестльстой ей сознался, что украл в магазине книжки и считает, что это хорошо. Он украл Георгия Иванова и Гумилева и считает, что это хорошо, потому что раз он ценитель, то они должны быть у него, а не у какого-нибудь спекулянта. Она сказала, что Додостоевский убил ежа и считает, что это хорошо, потому что ежинный бульон деликатес. Она сказала, что она живет с убийцей и с вором. Она сказала Тоестльстому: «Зачем ты украл этот “Костер”, раз все равно в нем нет про жирафа», и Тоестльстой сказал, что про жирафа в «Романтических цветах», и она сказала: «Раз все равно там нет про крысу», и он сказал, что это тоже в «Романтических цветах», и в следующий раз он украдет «Романтические цветы». Он сказал, что будет красть, и ему все равно, даже если его посадят в тюрьму, потому что она его все равно не любит. Ирра сказала, что он растратил все их деньги, и за триста рублей купил «Книгу маркизы», а ей не дает двести рублей на Библию. И Тоестльстой сказал: «Да дрянь твоя Библия, а это подлинные гравюры Сомова». Ирра сказала, что в этих гравюрах одна пошлость, но охудожествленная, она сказала, что в начале века пошлость умели охудожествлять (на этом слове запнулась), а в конце века не умеют. Додостоевский сказал Тоестльстому: «Неужели ты правда считаешь, что Библия дрянь?» — «Дрянь, конечно», — сказал Тоестльстой. «Но ты про Иова читал?» — спросил Додостоевский. «А ты про волшебную лампу Аладдина в переводе доктора Мардрюса читал?» — спросил его Тоестльстой. «Нет, не читал». — «Ну и я не читал». — «Ну расскажи в двух словах про своего Аладдина», — сказал Додостоевский. И Тоестльстой рассказал. «Ну а теперь ты расскажи про своего Иова». «Пожалуйста, — сказал Додостоевский, — если в двух словах, то жил он сначала отлично и бога очень любил. Но ведь знаешь, бог дал и бог взял. И бог у него взял. И стал этот Иов качать права и стал его посылать, и хотел с богом тет-а-тет поговорить. А к нему пришли три мужика и говорят ему: “Да брось ты, Иов, есть люди и хуже тебя живут”. Но он все качал и качал, и бог к нему снизошел и так по-

хорошему сказал: «Куда ты лезешь, мне так некогда». Ну, правда, ведь тут и солнце, и дождь, и звери, а он со своими болячками. Тогда он понял и заткнулся. Ведь человек, чуть что ему не так, он сразу права качать. И знаешь, кто только прав не качал?» — «Ну кто?» — «Сыночек его. Он только, как дети говорят «ой, мамочка, или ой, папочка», сказал: «Ой, папочка, боже мой». Вот ты Кузмина украл — это тебе нужнее, я ежа убил — это мне нужнее, а он сына своего нам отдал — это ему нужнее». «Ну и что, — сказал Тоестълстой, — все равно я ни одну гравюру Сомова не променяю на твою Библию. И одно стихотворение Георгия Иванова про Библию я люблю больше, чем Библию». Он раскрыл книжку, которую украл, и прочитал.

— Так это же не про Библию, — сказал Додостоевский.

— Так это и хорошо, — сказал Тоестълстой.

Наступила ночь, и сила притяжения земли стала сильнее и захотелось поспать, но сначала захотелось чего-нибудь погрызть. «У нас есть что-нибудь погрызть?» — «Ничего нет». — «И яблочка нет?» — «Нет». — «И морковки нет?» — «Нет». Ирра пожелала Тоестълстому спокойной ночи, и он ей пожелал: «Ты каждый вечер надеваешь свой б... поясок и идешь к нему спать. Спокойной ночи». Ирра не легла с Тоестълстым, а легла с Додостоевским, а Додостоевский с кем лег? «Ты меня любишь?» — спросила Ирра. «Я никогда этого не говорил», — ответил он. Она сказала, что ей страшно делать это с ним. Она взяла зажигалку и стала щелкать, но бензин кончился, фитилек вспыхивал, но огня не было. Она, как первобытная женщина, добывала огонь, но это было ей слабо. «Дай сюда», — сказал он.

Он стал делать это сам с собой на ее глазах, а она стала делать это сама с собой на его глазах, и опять сказала, что ей страшно. И он взвился: «А почему это должно быть не страшно, если все остальное страшно!» И тогда она стала просить, чтобы он сказал ей что-нибудь страшное, и он сказал ей: «Ласточка моя».

Видимость в комнате становилась все хуже и хуже, и то, что не шевелилось, перестало быть видимым. «Знаешь, почему море видно даже в темноте? Потому что оно шевелится». Ирра шевелилась и была видна, Додостоевский не шевелился и не был виден. Все равно было прекрасно. Доносились гудки поездов и машин, эти звуки не были простым шумом, они были организованы, и хотя они не напоминали никакие музыкальные инструменты, они были больше, чем музыка, потому что эти звуки не старались напомнить инструменты, но инструменты старались напомнить их. И луна тут как тут. Она была одна, а двух других лун не было, потому что

они еще раньше упали и разбились, потому что эти были для понта, а эта луна была для порядка. Но Додостоевский не сказал «как раз луна», потому что спал. Он щелкал и свистел во сне и человека не напоминал. Он мешал спать. Ирра встала и пошла на кухню. «Ты что?» — спросил Тоестълстой. «Ничего», — ответила она и села на стул. Она допила то, что было в чашке. «Ложись, — сказал он, — не мерзни». Она легла к нему под одеяло и стала греть руки у него на груди. «Тебе неприятно?» — спросила она. «Почему неприятно?» — «Они же холодные». «Но это же ты обнимаешь», — ответил он. Ей было совершенно нечего делать, и она стала засыпать. «Погоди», — сказал он. «Что?» — «Может быть, один раз?» «Нет, — сказала она, — сейчас не надо». — «А если я тебе за это дам бананов?» — «Откуда у тебя бананы? — удивилась Ирра. — Мы же их все съели». — «У меня еще остались в сумке». — «Покажи». Тоестълстой встал и принес ей связку бананов. «Хорошо, — сказала она, — только быстро». — «Быстрее не бывает». Она съела все бананы. «Ты знаешь, кто я?» — спросила Ирра. Он подумал, что она скажет что-нибудь страшное, и не откликнулся. Страшнее не бывает. Она сказала, что когда она с ним, то она любая женщина, то есть в принципе женщина, а он любой мужчина, то есть в принципе мужчина, а с Додостоевским она — именно она, а он — именно он. Тоестълстой сел на раскладушку и включил свет. «Ты что?» — спросила Ирра. «Ничего», — ответил он. Он оделся и ушел из дома. Она выключила свет и легла на раскладушку. Но через несколько минут Тоестълстой вернулся. Ирра включила свет и привстала. Она увидела, что он в разных ботинках. «Вот, — сказал он, — просто люди бы подумали: бедный-бедный молодой человек, такой молодой...»

— Т.ешечка, — сказала Ирра, — как же я тебя люблю, как же я тебя люблю!

Додостоевский услышал шум и пришел в кухню.

— Что с ней? — спросил он Тоестълстого. — Почему она плачет?

— Какие же мы все бедненькие, — сказала Ирра. — Какие же мы все бедненькие.

Она на самом деле плакала, и было трудно разобрать, что она хочет и что она не хочет. Кажется, она хотела быть маленькой и не хотела быть большой.

— Что ты с ней сделал? — спросил Додостоевский Тоестълстого.

— То же самое, что и ты, — ответил он.

Ирра успокоилась, когда уже стало светать.

— Хорошо, что сейчас лето, — сказала она, — потому что если бы была зима, то была бы еще ночь.

Она оделась и вышла на улицу.

Улица была самым отвлеченным понятием, потому что сама себя не напоминала. Улица была построена по принципу: правое-левое, белое-черное, хорошо-плохо. Сначала Ирра пошла по стороне правое-белое-хорошо. На этой стороне все было хорошо, это была солнечная сторона, люди отбрасывали тени. Потом она перешла на другую сторону улицы: левое-черное-плохо. Там и правда было плохо, люди не отбрасывали тени, конечно, это были черти. Но все вместе было красивым. Машины двигались, как частицы, положительно и отрицательно заряженные. Среди этих частиц появлялись и очаровательные частицы, которые были на самом деле невидимы, но раздражали все остальные. Всем этим правым-левым управлял мент. Он был для порядка, он был как бы луной или солнцем, «светилом», но созданным не богом, а людьми. Если бог на третий / второй? / день создал солнце и луну для порядка, то люди на день грядущий создали мента для порядка. Мент был человеческим произведением. Он был в стеклянной будке, и это было красиво. Можно было посмотреть с луны на будку, и наверняка она была бы похожа на луну. Можно было бы из будки посмотреть на луну, и наверняка она была бы похожа на будку. По красоте будка и луна не уступали друг другу. Вокруг луны, как вокруг мента, двигались светящиеся и несветящиеся частицы: положительно и отрицательно заряженные автомобили. Наш мент был в форменной куртке и штанах, у него была палочка и он не двигался, божий мент двигался без палочки и без форменной одежды и останавливался иногда напротив нашего мента. Вот это было самым красивым. Светящаяся ментовая будка и луна были красотой напротив красоты.

Ирра, однако, приехала не куда-нибудь, а к маме. Она легла на диван и позвонила Достоевскому. Телефон не ответил. Она решила, что Достоевский ушел, а Тоестльстой тем более ушел. И тут она стала думать только о том, о чем минуту назад и не думала: «Только бы приехал». Достоевский как нарочно не приезжал. Она набрала его номер сто раз подряд. Наконец он подошел к телефону, и она положила трубку: «Ну приехал, дальше что?» И дальше был лес, в который они так и не поехали. Вместо дорожного знака «переход» была свастика, которая вблизи все же оказалась дорожным знаком, просто под «свастику» были расположены ручки и ножки. Номер автомобиля был с грузинским акцентом «мнэ». Дорогу перешла кошка с желтым листиком на хвосте — и это была осень, у забора мужики распиливали подешевевшую водку, и это была ретроводка. Два молодых человека сидели за столом в компании трех «девушек». На столе среди письменных принадлежностей затерялся сахар. Девушки никак не

могли найти сахар: «Где же сахар, я вижу один дырокол, но я не вижу сахара». На столе было два дырокола. И один молодой человек сказал: «А я вижу двух дыроколов». Это не было орфографической ошибкой, и это даже не было тактической ошибкой, потому что шутка девушкам понравилась. Все-таки Ирра позвонила. Она у него спросила, и он ей ответил. Он у нее ничего не спрашивал, и ей нечего было отвечать, поэтому она замолчала. «Не понимаю, что молчать», — сказал Достоевский. Тогда она в двух словах рассказала ему книжку одного писателя, и он ей сказал, что это не того писателя, и она сказала: «Ну и наплевать мне на этого писателя»; и он сказал, что она его перепутала с другим писателем, и она сказала, что ей наплевать и на того, с кем она его перепутала. «Ну я не знаю, — сказал он, — приезжай, если хочешь». Она хотела приехать так, чтобы он не подумал, что она хотела приехать, а если бы и подумал, то чтобы не догадался, что она его любит, а если бы и догадался, то чтобы не поверил в это, а если бы поверил, то чтобы не испугался. Но он подумал, догадался, поверил и испугался. Ирра сказала, что когда он говорит ей «я тебя боюсь», она не понимает, что это обозначает, и думает, что это все равно, что «я тебя люблю». «Нет, — сказал Достоевский, — это не так». Он сказал, что действительно существует как бы «перефраз». «Например, я говорю тебе: “Ни в коем случае не приезжай”», а это обозначает «я хочу тебя видеть, но это ничего не значит». Ирра спросила: «Что же обозначает “я не знаю, приезжай, если хочешь”?» И он сказал, что фраза полностью себе соответствует и ничего такого не обозначает. И ей стало ясно, что она обозначает именно такое. «Такое» началось тут же, как она приехала. Он пил кофе и водку. Она отдала водку в его пользу и взяла кофе в свою пользу. Но и того и другого было мало. Зато «ее» было ему много, и «его» было ей много. «Ну что ты приехала, что тебе неймется?» Что она могла на это сказать? День, вечер, ночь, утро прокрутили по-быстрому, всего часа за три. Скорей лечь, скорей встать, скорей прийти, скорей уйти. Кровать стояла на небольшом возвышении. Остальная мебель располагалась немного ниже. И к кровати надо было идти как бы в гору. Ирра помогала идти Достоевскому, она поддерживала его под руку. Но все равно ему было тяжело идти. Как бы стены, то есть на самом деле, конечно, кусты не могли ничего скрыть. Народу на улице собралось много. Достоевский лег, Ирра встала рядом. «Дай воды», — сказал он. Она сходила на кухню и вернулась, она поднесла ему к губам соленый огурец. «Убери, — сказал он, — я тебе не Христос». Она сказала: «Это закусить». Он отвернулся. Ирра наколола огурец на вилку и поднесла опять к его

губам. Он опять отвернулся и сказал: «Дай воды». Она не убирала огурец, она сказала: «Это водку закусить». Он закусил.

- Мне не хорошо, — сказал он.
- Почему нехорошо? — забеспокоилась Ирра.
- Не знаю, нехорошо, и все.
- Я принесу тебе воды, — сказала она.
- Сядь, раньше надо было воды.

Ирра села, но сидела беспокойно и все время вертелась.

- Поезжай-ка лучше, — сказал он, — а я побуду один.
- Нет, — сказала она, — я буду за тобой ухаживать.
- Поезжай ты, ради бога, — прикрикнул он, — сейчас придет Тоестльстой, он будет ухаживать.
- Тогда я пойду за бананами, — сказала она.

И она пошла за бананами. Она встала в очередь. Очередь была разговорчивая: «Нет, мне не этих, мне надо, чтобы до четверга долежали, а эти до четверга сгниют». — «Те тоже до четверга сгниют». — «А мне, наоборот, этих, мне не надо до четверга, мне сейчас съесть». Она съела их уже в кино, в которое попала случайно, потому что слышала, что «во» фильм, но оказалось дрянный фильм.

Тоестльстой пришел очень скоро. Он прошел прямо на кухню. Он спросил из кухни: «А что, она здесь была?» — «Она здесь была, а что?» — сказал Додостоевский. Тоестльстой вышел из кухни и направился в туалет. Додостоевский увидел его и перекрыл ему путь. Тоестльстой двигался медленно, у него был переполнен мочевой пузырь и желудок. Когда они столкнулись, Додостоевский хотел взять его за горло, но Тоестльстой мгновенно свернулся в клубок. У него был очень сильный спинной мускул, и Додостоевский никак не мог его разжать. Тогда он покатила клубок к ванной, и пока набирал воду, держал Тоестльстого ногой. Когда ванна наполнилась, он кинул в нее Тоестльстого, и тот мгновенно развернулся в воде. Додостоевский опасался, что вот-вот придет Ирра, и хотел поскорее закончить. Тоестльстой не мог свернуться в клубок в воде, и Додостоевскому было уже легче справиться с ним. Когда он сжал ему горло, Тоестльстой сказал: «Дурак». Додостоевский не отпускал его, и Тоестльстой сказал: «Пусти, дурак!», и Додостоевский сказал: «Сам дурак!», и Тоестльстой ничего не ответил, и Додостоевский увидел, что уже удушил его. Он разделял его очень осторожно, потому что боялся задеть мочевой пузырь. Ему не хотелось, чтобы по внутренностям разлилась моча, он как раз успел до Ирриного прихода все убрать и завернуть в целлофановый пакет. Он поставил кастрюлю на огонь, когда Ирра позвонила в дверь. Она прошла в кухню, сняла крышку с кастрюли и спросила: «А это кто

такой?» Сначала ей показалось, что это цыпленок, но когда она взгляделась получше, то поняла, кто это такой. «Зачем ты ежа-то убил?» — сказала она. «Съедем», — ответил он. «Что, разве есть нечего, макарон полно». — «Это деликатес», — сказал Додостоевский. Они съели бульон, он был очень вкусный, но Додостоевскому казалось, что он все-таки отдает мочой, хотя этого быть, конечно, не могло.

Додостоевский открыл книжку и стал смотреть, что же он все-таки натворил. Он нашел то место, которое нужно.

- Читай вслух, — сказала Ирра.
- Значит, так, — сказал он. — «Всякий скот, у которого раздвоенные копыта и на копытах глубокий разрез и который жует жвачку, ешьте». Были у него раздвоенные копыта?

— Откуда я знаю.

— Вроде были, — сказал он, — а жвачку он разве жевал? — опять усомнился Додостоевский.

- Дальше читай, — сказала Ирра.
- Дальше: «Только тех не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта: верблюда, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас».

- При чем тут верблюд? — сказала она.
- Я уже подряд читаю, — ответил он, — а теперь что-то про тушканчика.

Тушканчика, оказывается, тоже не есть, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас. И зайца, ничего себе, и зайца не есть. Ты ела когда-нибудь зайца?

- Кажется, ела с брусникой в детстве.
- Так, значит, и зайца, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас, и свиньи, ну про свинью я, допустим, знал, так ее же все едят, так и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, не чиста она для вас.

— Погоди, — сказала Ирра, — это же и есть про ежа: копыта раздвоены, ты сказал, наверное, и разрез глубокий, а жвачку не жует, так это ничего, это все равно, что ты убил свинью, — Ирра взяла у него книжку и закрыла, — правда, он был такой хорошенький.

— Я тебе сказал, что убил ежа? — спросил Додостоевский. И тут же ответил: — Но я убил не одного ежа. Я убил двух ежей. Я убил того, который спал в сетке и которого я разбудил, чтобы убить, и еще одного, который шел в туалет и у которого был переполнен мочевой пузырь. Я убил его, и когда разделял, то беспокоился только о том, чтобы не проткнуть пузырь и не разлить по внутренностям мочу, потому что тогда бы бульон отдавал мочой. Если меня где-нибудь когда-нибудь будут убивать,

то я попросил бы только об одном, чтобы не убивали меня с полным мочевым пузырем, чтобы дали сначала отлить, а потом бы убили.

— Додо, — сказала Ирра, — а где Т.е.?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто его уже долго нет.

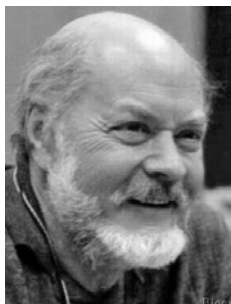
— Откуда я знаю, — сказал он.

Ирра с Додостоевским выскочили из метро и побежали, потому что боялись опоздать. И вдруг люди, выходившие следом, побежали за ними. К ним стали присоединяться другие люди из переходов, подворотен и соседских улиц. Рассуждать было некогда, и они побежали от толпы со всех ног. Свернули в переулок, но увидели, что навстречу им тоже бежит толпа. «Окружены», — подумал Додостоевский. Тогда они остановились. Он крепко взял Ирру за руку. Люди с обеих сторон стали приближаться к ним, а слева и справа были дома. «В подъезд», — сначала мелькнуло у него. Толпа надвигалась. «Бесполезно», — рассудил он. Из окон уже выглядывали любопытные. Сначала лица их были равнодушны, но когда они увидели, с какой ненавистью смотрит вся толпа на стоящих рядом мужчину и женщину, они тоже стали смотреть на них зло, и кто-то даже плюнул в них из окна. «Сейчас нас убьют», — подумала Ирра. Из толпы их послали матом, кто-то сделал неприличный жест, рядом загоготали. И вот в тот миг, когда один дотронулся до нее, Додостоевский подкинул ее вверх, и они вместе взлетели. Это было так просто, и это была единственная воз-

можность спастись от толпы — улететь. В последний раз она кого-то лягнула из толпы ногой, и у нее соскочила туфелька. «Ну ты, ей-богу, как Золушка», — рассердился он. Из окон к ним потянулись руки, и он в сердцах вытащил одного долговязого из окна и бросил его вниз. Тот рухнул, как мешок, и тогда люди в окнах присмирели. «За что они нас выгнали с земли?» — сказала Ирра. «За все, — ответил Додостоевский, — не разговаривай». Она притихла и сильнее прижалась к нему. Становилось холодно, как будто наступила зима, и они случайно оказались на улице. И наступила усталость. Хотелось посидеть и попить чайку, но куда было прислониться и негде было вскипятить воду. «Хотя бы покурить». Было сыро, и сигареты плохо курились, и было много дыма. Они выдыхали свои маленькие облака, которые присоединялись к ничьим, к большим. Потом стало темно, и внизу засветились окна, и стали как бы звезды, а сверху засветились звезды, и стали как бы окна, и сигаретные огоньки тоже стали как бы звезды между звезд тех и тех. Люди стали маленькими и хорошенькими. «Мы наказаны?» — спросила Ирра. «Старый да малый», — ответил он. «А дальше куда?» — «Сюда». И дальше уже было то, что напоминало детский сад: грибки, песочницы, лестницы, горки. По территории ходили дети, которые остались на ночь. «За территорию не выходить». И когда как снег на голову они рухнули в песочницу, детишки прибежали и сделали, что нужно: два кулича.

Лев АННИНСКИЙ

«ПРОКЛЯТЫЙ СКАЗОЧНИК» И ДРУГИЕ

Другие — это вековое наше провинциальное болото. Мещанский рай: было бы мне хорошо, а на других плевать. Улучшить жизнь — можно бы, да лень. Тихая жуть несдвигаема. Обывательская скука неодолима. Пошлость неистребима.

Сейчас эту «пошлость» переживают чаще «через Чехова», даже не без мягкого сочувствия. Екатерина Еланская на сцене театра «Сфера» этот тихий ужас восстанавливает через Горького. Тихо не получается: все в ярости, спорят и кричат громко, в момент любовных объяснений, сплошь и рядом притворных, бросают с грохотом на пол пустой поднос... «Сфера» — театр, знающий толк в экспрессии.

Буревестник, врывающийся в этот мир, — не чеховский милый мечтатель, а горьковский крутой преобразователь. Гидротехник, строитель. У него бур ломают, ремни крадут, а он — свое; мол, если к этой жизни руки приложить да потрудиться, лет через пятнадцать наступит счастье. Его осмеивают, называют чудачком, проклятым сказочником (какое прозвище театр ставит названием спектакля —

Горький, как известно, не успел ни дописать, ни озглавить эту свою пьесу — бросил в архив, откуда ее и достают режиссеры, желающие понять, что с нами происходит).

Герой — нашенский. По-волжски окает. По-горьковски долговяз. Песню поет — давно ставшую народной: эх, кабы Волга-матушка да вспять побегала, кабы можно, братцы, начать жизнь сначала... Срабатывает неожиданный подтекст: эх, не побежит жизнь назад, не начнете вы ничего сначала, все разрушите, а постройте то же самое...

Горечь спектакля — неподдельная, стиль — русский-прерусский, очень современный.

Одна нота в этой симфонии меня особенно поразила: самые крутые бунтарские речи горьковский герой произносит не под революционный марш, как надо бы по исторической логике, а под фоновое свирдовское церковное песнопение...

Ну и ну! Провидец он, что ли, незабвенный Алексей Максимович? Сто лет назад на взлете безбожного бунта фамилию своему бунтарю дал: Богомоллов.

Продолжение. Начало в № 7 за 2012 г.

Коллаж Юлии Спасовской

ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ

ПОВЕСТЬ

В кинотеатре Воха Павлюк с Вадиком до конца показа не высидели.

Изначально фильм вызывал предельно смелые ожидания. Польстились на название. Разгорячились.

Еще бы — «Обнаженная любовь», США. Как говорится, куда дальше. Погорячились...

Оказался про рыб и ихтиологов. С легким целомудренным флиртом. Между ними. Слушок все же какой-то в народе, видимо, предварительно прошел. Уж больно в зале мало было киноманов для американского фильма. Сеанс, правда, дневной. Но все равно.

Из темного зала выбрались на свет по опасно ветхой лестнице. Выходя из арки подворотни, столкнулись с Джоном и Губарем.

Джон когда-то был маленьким Женей Ковалевым из 61-й группы АиТа. А превратился в Джона, а не в Юджина или Джина, потому что иностранные языки учили в русле исключительно технического перевода.

Губарь был просто Олегом Губарем. Двух метров роста.

— О, Джонни! Зачем ты продал ферму в Алабаме?.. — сразу завелся Павлюк.

Джон проигнорировал выпад. Обменялись рукопожатиями.

— Все гуляете? — не отставал Павлюк.

— Нет, работаем, — среагировал Джон. — ВГортопе.

— Углем завед�ешь, что ли?

— Нет. По городу — топ, топ.

Олег Губарь молчал. Он озира́л окрестности, как маяк.

— Ну как фильмце? — улыбнулся Джон и посмотрел на написанную гуашью от руки афишу кинотеатра «Комсомолец».

Павлюк отклонился немного назад. Слово при- сматривался к незнакомым гостям города.

— Сходи. Не пожалеешь. Рекомендуем. Очень по- учительная картина для нашей молодежи.

Вадик растянул рот в деревянной улыбке. Дер- жался он скромно, не отсвечивал. В компании он был новичком.

— Не, мы аквариумов не держим, — сказал Джон и засмеялся.

— Посмотрел уже, — догадался Павлюк.

— Делать нам нечего. У нас других забот хватает.

— А откуда топаете?

— Из «Рот-Фронта».

— И что там идет?

— «Красиво уйти».

— Ушли?

— Нет.

— Ну и как — можно смотреть?

— Ну я же смотрел... — оскорбился Джон. — При- чем, заметь, не один.

— С Гариком ходили, — поведал Губарь и опять отвернулся.

Павлюк заметно оживился. Гарик Точилин был постоянным объектом его однообразного юмора.

— А где Точило?

— Пошел куда-то со своей теткой. Молочного коктейля попить, наверное...

Джон мотнул коротко стриженной головой.

— Слушай, как вы с ним в кино ходите? Затрахаля вопросами. Чего там да чего там показывают? Чуть рукав не оборвал.

— Ты еще спроси, как мы с ним живем. Несем крест, — скороговоркой произнес Павлюк. — Дома он еще не то вытворяет.

— С тобой он, что ли, живет? — хохотнул Джон. — И как, ты удовлетворен?

Павлюк развернул беседу.

— Слушай, ты написал курсовик по ТОЭ?

— Вася делает, обещал помочь.

— Так и я с вами. — Звучало это радостно-утвердительно. Как наконец-то найденное решение.

— Не получится. Сам его еле уговорил. Ты ж его знаешь... Пойдем мы.

Похоже, эта тема не устраивала уже Джона. Они переглянулись с Губарем и сгруппировались перед расставанием.

— О! А вон Гарик со Светкой. Ведет его. Цапель наш, — ухмыльнулся Павлюк. — Держатся друг за друга, ты посмотри. Налакались молока...

Навстречу, высоко поднимая ноги — переступал невидимые препятствия, — шел Гарик. Под ручку с симпатичной светловолосой девушкой.

— Слепой крот, — сказал Павлюк для Джона. — Водим его в темноте с Олежкой.

Павлюк искал подтверждения у Губаря. Губарь поднял одну бровь.

— О, Гарик! Здорово! — обрадовался Павлюк, когда до того было метра три.

Гарик прищурился сильнее.

— А, привет. А я задумался... Привет, мужики.

Девушка с приятной улыбкой поздоровалась, беззвучно шевельнув губами, и опустила взгляд.

Они поженятся на четвертом курсе Гарика. Светка была местной. Училась в авиационном техникуме. Отец у нее чем-то там рулил на авиазаводе имени Димитрова.

— Никого не узнает, пока не окликнут, — сообщил Павлюк Вадику, когда Гарик со Светкой отдалились.

Губарь с Джоном тоже подались за ними.

— Пойдем прошвырнемся по Ленинской, — предложил Павлюк.

Вадик не возражал. Точнее, он обычно соглашался. Своих предложений пока не формировал.

Ленинская была местом знакомств. Так все в Таганроге называли главную улицу — улицу Ленина, бывшую Петровскую. Те, кто искал приключений на

что-нибудь, болтались по городу в пределах от ДК комбайностроителей до Украинского переулка.

Весь город на панели. На тротуаре.

В центре по ней пересекали одни автобусы. Пешеходы, постоянно занимающие проезжую часть, выказывали недовольство их бесчинством. Во время демонстраций и это движение транспорта перекрывалось.

Не очень широкая улица. Неизменные наклоненные к проезжей части деревья. Старые многослойно побеленные здания.

Магазины в ассортименте. Включая знаменитые «Мясо» и «Щелку». В «Мясе» мяса не продавалось. Если зайти со стороны фасадного входа. Кости в бумажных пакетах. Узкая, как нора — прилавок помещался вдоль, — «Щелка» торговала импортным спиртным и фруктами от Торгмортранса в удачные дни. Для общего плана, наверное.

Оптика, аптека, парикмахерские, кафе, кинотеатры, театр (имени Чехова). «Точная копия Большого, товарищи, уменьшенная...» Предмет гордости пестрой интеллигенции города.

Белый дом с привычными для номенклатурного здания голубыми елями. Почти все рестораны. Куда еще идти?

Городская библиотека (имени Чехова) там же. Рюмочная.

И народ ходил. Бывало, что и по делам.

Павлюк любил пройтись по Ленинской. Постоять на каком-нибудь перекрестке, показаться. Покурить, побалагурить.

Собираясь на выход, он всегда протирал усики желтоватым маслянистым «Биокрином». Рассчитывал средством для укрепления волос повлиять на их густоту. Потом старался легкими движениями указательного пальца распушить. Придавал объем. Скланку с препаратом он прятал в чемодане.

Там Воха Павлюк и заметил ее. На Ленинской. Поймал взгляд. Показалось — заинтересованный. Похлопала она утяжеленными тушью ресницами.

А познакомился с Леной в БАЗе. Институтском большом актовом зале. Там проходили студенческие дискотеки. Местные проникали туда, купив билеты в студпрофкоме через своих.

Училась она в кулинарном профтехучилище. Практику вместе с группой девчат и единственным поваром-парнем проходила в 29-й студенческой столовой. И Павлюк устроил выставку достижений народного хозяйства.

Он и сам зачастил в обычно избегаемую тошнеловку, и друзей потащил. На просмотры. Ждал одобрения, невзначай издали представляя ее. Салютовал поднятой рукой.

Лена улыбалась. Подруги завистливо переглядывались.

Обедать он появился с Точило и Губарем. Лена трудилась на ответственной раздаче котлет с толстенными серыми макаронами. Полускрытая металлическими полками с тарелками и стаканами, она бойко орудовала черпаком.

Каждое посещение она подсчитывала ожидающих в очереди. Наполняла тарелку, предназначенную Павлюку, с горой. Обильно поливала подливкой со дна бака.

И каждый раз Павлюк пропускал выделенные ему продукты. Показно увлеченно разговаривал с очередными зрителями, махал руками и кивал ей.

В обед подсуетился Точило. Возможно, от голода зрение временно обострилось до орлиного.

Часов в пять Павлюк притащил Вадика ужинать. Указывая на Лену, Павлюк ожидал безоговорочного одобрения. Сожители перед этим вяло подначивали на предмет котлетного запаха. Как новой разновидности женских духов. Вадик оправдал возлагавшиеся на него надежды. Выразил достаточно прочувствованное восхищение. Павлюк расцвел.

Поковыряли в тарелкахстряпню молодого поколения поваров. Судя по качеству, наставники уже смогли научить практикантов некоторым премудростям профессии.

В любой советской столовой кулинары умели накормить несчетное количество народа четырьмя хлебами. И никакой мистики. Мало того, злаки еще и обращались в котлеты. Воду в вино, правда, не превращали. В студенческой столовой.

Вечером посетителей было мало. Лена, переложив раздачу на коллегу, подошла к столику. За ней следила вся женская смена. Студент, высокий, симпатичный. Все это уже пришлось признать.

Вадик придвинул ей стул. Лена подседа и начала, молча улыбаясь, не мигая, смотреть на Павлюка.

— Классный колпак у тебя, — выделил головной убор Павлюк, чтобы что-то сказать.

К ним за стол плюхнулся однокурсник Юрик Сорокалетов в тренировочных штанах и шерстяной спортивной кофте, в вороте которой виднелась его морская душа. Тельняшку он не снимал даже в душе.

Ему досталась усиленная порция Павлюка.

— Категорически приветствую, — буркнул Юрик.

— О, Моряк! Ты слишком долго плавал...

— Молчи, пока при памяти, — ответил выечно мрачный Юрик.

— Рады тебя видеть... в добром здравии.

Мужчины пожали руки. Юрик резко совал ладонь с растопыренными пальцами.

Носил он косую челку, аккуратно зачесанную назад гребешком. Он наклонялся, она пластом падала на лоб, он коротким движением головы забрасывал ее обратно. Раз-два-три.

Южные люди — Юрик с Вохой — сблизилась на приморской тематике. Грубоватый Юрик подтянулся в институт из Сочи. Город-мечта на Черном море, всесоюзная здравница. Пляжи, курортники, отдыхающие. Короче, Юрик выглядел истомленным вниманием женского пола.

Плюс Юрик был моряком. Белая форма, эполеты, длинный рубль...

Только трагическая эпопея мытарств на лайнерах советского морского флота подвигла его на смену профессии. Но душа его осталась навечно в соленых брызгах океана.

С мечтой о будущем заграничии, привезенных для фарцы импортных шмотках и апофеозе бизнеса, вывезенном из-за кордона обтекаемом автомобиле он окончил восьмилетку и мореходный техникум по специальности «радиот». С мечтами о будущих морских вояжах отслужил на релейной станции в несудоходном Таджикистане.

Первый раз завербовался он на корабль в Ейск. Места были только на старенькой барже, которая таскала контейнеры между Крымом и Кавказом. Обещали рейсы в Турцию. Загрузил рюкзак сухпайком и бутылками на дорогу и в составе коллектива из двадцати морских волков отбыл в порт приписки. С вещами заселились в общежитие. Ржавые койки пришлось таскать самим из подвала и собирать.

Три месяца, истощая запасенные финансы и провизию, ждали окончания профилактических работ на судне. Коллектив роптал, но стойко переносил невзгоды. Пропили выданные бушлаты и резиновые сапоги. Корабль все не выходил из ремонта. Припахали и их команду. Красили борта необрастающей краской. От моллюсков. Словно собирались выходить в тропические воды с некой тайной миссией. Однако квалификации ейских ремонтников не хватило. По прошествии квартала они сдались, и сломанное судно ушло своим ходом в док.

Вернулись домой, контактов спаянный коллектив не терял. Подоспело временное предложение потрудиться на драге. Почерпать песок в неглубоких фарватерах Азовского моря. Несколько человек неохотно согласились. Отбыли в Ростов-папу, заселились в общежитие, отбили телеграммы домой.

Драга, буксируемая баржей, должна была днями подойти. Снова отметили дебошем начало морской биографии Юрика. Той ночью он потерял где-то пиджак. Или знаменитые ростовские воры не по-

гнушались и склеили клифт в одном из пивбаров на Лебердоне. Левом берегу Дона.

При буксировке надежно закрепленная тросами к барже драга вместе с ней затонула при внезапном шквале. На траверзе Ростова отдала концы. В воду. Команду спасли катерами. Несколько человек вплавь добрались до берега, находясь под допингом.

Дальнейшее карьерное падение уже состоялось по месту жительства. Юрик, не сумев разорвать череду нелепых препятствий на пути к заморским странам, попал в сочинский порт. Плавал — то есть ходил — на буксире «Приземистый». Из одного конца акватории в другой. Шторма, муссоны и пассаты исправно обходили внутренний бассейн и посудину стороной.

И вот... После трехдневной пьянки по случаю дня, каким-то непостижимым образом связанного с мореходством, Юрик потерял сознание. Прямо на вахте у руля.

Эскулап отстукал резиновым молотком все суставы. Осмотр показал пониженное давление и диабет.

Юрика списали на берег. Предложили пролететь и возвращаться.

Капитан буксира обещал придержать место. Но Юрик, трезво оценив перспективы прописанного водолечения — бросать выпивать он не планировал, — принял кардинальное решение.

Вспомнив уютную атмосферу радиоволн на релейной станции, мягкие тапочки и молоко за вредность, Юрик подался на радиофак в Таганрог. Тем более что в институте была военно-морская кафедра. Прошел он конкурс по армейской квоте.

Оставаясь мореманом в душе и на суше.

Побитый ударами судьбы о рифы Юрик превратился в брюзгу. Доброе настроение возвращалось только после третьей рюмки. Тогда он, припоминая походы через экватор, начинал кричать салагам что-то типа «Принять на два румба сверху!» и «Заворачивай!!!». Многоступенчато матерился.

Ночами, после особенно бурных переходов и возлияний, монотонно выкликал во сне: «Айсберги! Человек за бортом!» Отгонял чаек. В него кидали тапками.

Но его естественным, не вызывавшим беспокойства состоянием было вялое полусонное недомогательство.

— Макароны — дерьмо. Скользкие, — привычно покритиковал Юрик для разгона.

— Есть можно, — миролюбиво возразил Вадик.

— Разварились, — признала Лена.

И неожиданно развеселилась.

— А у нас вчера случай был. Комиссия из треста столовых приходила с проверкой. Все блюда про-

бовали. Зачерпнули из супа, а там таракан плавает. Коричневый. «Таракан», — говорят...

— Интересно, — внятно промолвил Павлюк.

Лена выпятила нижнюю губу и сдунула с лица выбившуюся из-под головного убора прядь волос.

— Шум поднялся... Подняли шум. Подходит шеф-повар, послали за ним. Вся смена собралась, что будет?! Он берет черпак и говорит: «Это лук жареный». А те, из комиссии, орут, черпак передают друг другу. Какой лук, говорят... Таракан! А Петрович на свое напирает, лук, говорит, и все... Взял ложку, поймал таракана, посмаковал на зубах и проглотил: «Точно — лук».

— Распробовал? — заметил Павлюк.

— Если бы не съел, скандал бы был... жуткий. Страшное дело. А так ничего, обошлось.

Вадик доел и теперь прислушивался к происходящим в желудке процессам.

— Молодцы, — одобрил Юрик, не переставая меланхолично работать челюстями.

— Не наша смена на кухне работала. Ванька готовил.

Павлюк положил свободную ладонь на Ленино запястье. Он не дождал котлету и отодвинул тарелку.

И, видимо, вызвал у Моряка ассоциации. Юрик насытился и откинулся на стуле.

— А мы с Тосом недавно в кафе ходили... В «Восход».

Он поковырял в зубах большим пальцем и доел что-то. Палец облизал.

— На Свердловла. Взяли по стакану вина на разлив, по бифштексу, сидим. Нормально так... Обедать. А бифштекс, в натуре, не разрезать. Бляха-муха. Я его накальваю на вилку, зубами к себе тяну.

Юрик, оскалась, изобразил.

— Кусок во рту, кусок на вилке. Не отрывается, бляха-муха...

— Не ругайся, — сказал Павлюк.

Юрик видимым образом не отреагировал.

— Короче, не отрывается. Аж вилка гнется алюминиевая. Жила попалась. Она прям растянулась, в натуре. Вот так... И тут кусок вырывается. Выскользнул из зубов. И Тосу — прямо в харю! Он напротив сел, дурак. Весь в соусе... Тос вином поперхнулся, и стакан выпал. Пятно от винища на рубашке так и не отстиралось... У него.

Все засмеялись. А Юрик прибавил:

— А вы говорите...

Лена вернулась за стойку, поправляя под колпак волосы. Ее провожали заинтересованные перекрестные взгляды.

— Пойдем на танцы с нами сегодня, — сказал Павлюк Юрику и глянул на Вадика. — Девчонки приглашают.

Вадик подтверждающе угукнул.

Юрик задумался и осведомился:

— А куда?

— На танцы в парк. Лена с подругами придет.

— Поварихами?

— Ага.

— Клевые бабы, — вставил Вадик и облизнулся.

— Дебелые, — согласился Юрик.

Взор его окончательно затуманился.

— Не, я не могу. В другой раз. На рыбалку сегодня едем. С Тосом. На лиман. Водки уже купили... На мотоцикле.

— Опарышей откормили? — рассмеялся Павлюк.

Вадик поддержал коротким смешком.

— Не-а, на червя будем брать. И бредень есть. Раков подерем.

Юрик, не прощаясь, ушел.

А Павлюк, затвердив место встречи и по просьбе Вадика непременно присутствие подруг, расстался с Леной. До вечера.

До Спартаковского переулка Павлюк, Вадик и Точило доехали на привычном верноподданнически красном трамвае. С угловатым сварным корпусом из рифленых металлических листов. Лудили их на некоем Усть-Катавском заводе. О чем открыто сообщалось на табличке в каждом вагоне.

Без десяти восемь выдвинулись на место.

Встречались у «Слепых». Отлитые в металле разнополые пионеры-подпольщики держались друг за друга. Свободные руки вытягивали вперед. Задрав подбородки, они смотрели вдаль невидящим взором. Или, по задумке ваятеля, в светлое будущее. Завтра.

Павлюк кивнул Гарику, пробормотав:

— Кого-то они мне напоминают...

Гарик сфокусировался на друге Вохе. Конфликт не развился. Павлюк сосредоточился на прохожих.

Как три богатыря, помаялись у скульптурной композиции.

Вадик даже погнал невысокую волну, начав сомневаться. Он приоделся в выходной костюм и опасался испорченного вечера. С Павлюком они просчитывали варианты. Девушки опаздывали.

Гарик держался невозмутимо, сегодняшний вечер был свободен от назначенных свиданий. Он копался в волосах, распутывая пальцами жесткие нечесаные пряди. На нечищенные туфли внимания он не обращал. Попытки женщин по приведению в порядок его гардероба он пока стойко игнорировал.

Подъехал громяющий трамвай. По ступенькам сбежала Лена с подругами.

— Пятнадцать минут, — объявил Павлюк. — Уложились в лимит опоздания культурных девушек.

Перезнакомились. Подруги выглядели возбужденно. Опустились до оправданий. Лариса и Тамара. — Мы с Тamarой ходим парой, — выдал Павлюк.

Лена легонько огрела его плоской дамской сумочкой.

Гарик малость сник под напором суровой действительности. Павлюк избегал смотреть в его сторону.

Экземпляры не оправдывали возлагавшихся надежд. Обе с толстым слоем пудры на круглых лицах. Волосы подкрашены местами в малиновый цвет. На обеих черные брючные костюмы из атласной ткани.

— Черные моли, прямо, — простодушно высказался Гарик.

Девушки скривились, синхронно дернув головами.

Вадик поступил более нацеленно. Ему было что терять. Он отобрал себе ту, что пониже — Ларису, — и завязал беседу.

Выстроились свиньей. Впереди Павлюк с Леной. Позади четверка поддержки. Было еще светло.

В парке имени Горького за белыми каменными столбами с решетками ограды качались кроны деревьев. Купили в кассе билеты. Заглянули на танцевальный пятак. Танцы еще не начались, народ небольшими компаниями жался по окраинам круга. На эстраде возились с аппаратурой два техника. Разминались советскими вокально-инструментальными ансамблями. В колонках правой стороны что-то хрипело.

Вадик продолжал нажим, неожиданно оживленно жестикулируя. Он с Ларисой отделился, двигаясь на отдалении.

Выпили пива в кафе-мороженом. Девушки съели мороженое. По парку бродили парочки. Навстречу по осевой проехал желтый с синей полосой милицкий уазик. Прохожие расступались.

Спустились к аттракционам. Пару раз прокатились на цепочке. Девушки взвизгивали. Парни сурово улыбались. Ветер бил в лицо. Павлюк веселил девушек.

Прогулялись по песчаным дорожкам парка. Мимо неработающего фонтана прошли до Зеленого театра. На сцене выступал духовой оркестр. Трубы блестяли, музыканты пыжились, натужно выдувая аккорды наружу.

— Буховой оркестр, — сказал Павлюк.

Убили около часа.

На танцплощадке под ритмичные звуки покачивались тела. Скользили тени. Передвижение было минимальным. Стояли кружками по половому при знаку. Смешанных было меньше четверти. В них

пришедшие знали друг друга. Девушки складывали в середину круга сумочки. Кофты повязывали вокруг талии за рукава.

Во время медленного танца вещи разбирались. Девушки расходились. В углах курили. На входе отстаивались дружинники с красными повязками.

Отшлифованные плиты танцпола блестели. Блики прожекторов падали пятнами. Освещение почти как днем. Людей заметно прибавилось.

Образовали свое кольцо в промоине между другими.

Павлюк дергал конечностями. Лена улыбалась. Она однообразно выбрасывала согнутую в локте правую руку с поднятым указательным пальцем вверх и делала шаг вправо, шаг влево. Потом колесом крутила руками перед собой.

Вадик придерживался Ларисы. Тамара, уяснив отсутствие должного интереса со стороны Точило, начала косить на сторону. Гарик косолапо переминался.

Танцевал он только когда выпьет. А так больше курил. В пьяном виде его конвульсивные движения производили неизгладимое впечатление. Один, после пострадавший, назвал его технику «как будто по спине бегают тарантулы».

Поэтому танцевал Гарик мало. Когда трезвый. Смелые девушки сами приглашали на белый танец.

Во время очередного танца подошли трое. Бесцеремонно вклинились в круг. Маленький, с круглым лицом, побитым оспой, смотрел исподлобья и все время держал руку в кармане пиджака. Нож, кастет? Второй, тоже невысокий, непримечательной физиономии, квадратного вида, сжимал кулаки. Верховодил ими рыжий верзила с толстыми губами-варениками.

В динамиках зазвучал женский голос: «Вояж, вояж...» И дальше что-то неразборчивое по-французски понеслось над головами.

Рыжий нагло усмехнулся.

— Пригласить можно девушек?

Вадик стреманулся, затерся, отодвинулся в тень. Гарик жмурился от ярких лучей света. Павлюк наммурил брови. Но на лице его мелькнула улыбка.

— Почему нет, — он сделал несколько укороченный широкий жест.

— Это быстрый танец, — сказала Лена и, прислонясь к плечу Павлюка, продолжила отработанные движения. Только без рук.

Ее подруги откровенно испугались. Круг сломался, распался на сегменты. Тамаре с Ларисой пришлось уступить квадратному и маленькому. Они оборачивались, ища помощи. Танцевали, отталкиваясь ладонями от ухажеров. Маленький не вынимал руку из кармана.

— Это кто с тобой? — спросил рыжий у Лены.

Смотрел он на Павлюка. Рядом с Павлюком стоял Гарик, Вадик за спиной.

— Товарищ, — ответила та.

Она старалась держаться. Только побледнела. Это было видно даже сквозь слой пудры.

Девчонки еще потанцевали. Напряженность атмосферы не разряжалась. На их группу начинали выжидающе пялиться соседи.

— Выйдем.

Рыжий зашагал первым. Нельзя было сказать, что Павлюк испугался. Он гордо последовал к выходу. За ним шли набычившийся Гарик и поникший Вадик. Замыкали телохранители рыжего.

На асфальтовой дорожке у белой приземистой постройки остановились. Судя по отчетливому аммиачному запаху, у туалета. Нависали деревья, создавая плотную тень. Изредка проходили страждущие и облегчившиеся. Некоторые покачивались. Через клумбу в узком забетонированном желобе журчала вода. С наклоном в сторону отхожего места.

Состоялся типичный разговор. Перебрасывались фразами рыжий и Павлюк.

— Студенты?

— Да.

— Из «Радика»?

— Ну.

— Чего с нашими девчонками?

— Танцуем.

— Откуда такие?

— Из Грузии.

Рыжий обежал лицо Павлюка придиричивым взглядом.

Дальше минут десять шел обмен малозначащими цепкими фразами. Ни одна из сторон не переходила некой черты. Местные, держа марку, все же оставляли противникам возможность реагировать. Павлюк говорил односложно, но плечи расправил. Гарик немного агрессивно всматривался. Плохо видел. Павлюк один раз отодвинул его легким тычком в грудь. Вадик подпирал тылы, покусывая губы.

Накал спадал. Драка не получалась.

Наконец закурили. Зажег спичку фирменным пижонским щелчком Павлюк. Все по очереди наклонились.

После трубки мира рыжий достал из-за пазухи водку. Он кивнул Павлюку, тот принял початую бутылку и приложился из горла. Выпили по кругу. Стекло звякнуло о камень.

— Тебя как зовут?

— Воха.

Прозвучало почти как «Ваха».

— Сергей, — рыжий протянул руку.

Вадик нервно рассмеялся. Гарик цыкнул на него. Маленький опустил руку в карман.

— Зякуси нет, заьем у сталевара, — скомандовал рыжий и подал пример, не став развивать ситуацию.

Гарик фигурку стального сталевара, который в плаще, каске с очками и с гнутой шуровкой бился с потоком воды в желобе, заметил только когда нагнулся к земле. У статуэтки размером с куклу бил фонтанчик.

Гарик выпрямился, и рыжий заглянул ему во внутренний карман пиджака. Пощупал двумя пальцами. Там оттопыривался кожаный футляр для очков.

— Пошли в «Каштан», вина выпьем, — чересчур доброжелательно сказал рыжий.

— В другой раз, — ответил Гарик и запахнул полу пиджака.

Выкурили еще по одной. Разговор перешел в стадию — все всех уважают, все всё понимают, всё может быть, жить надо нормально, нормальные пацины всегда договорятся, Таганрог — прекрасный город.

— Лучший, — поправил рыжий и бросил своей челяди: — Ну ладно, пошли в парк, деньги пошкребаем.

Расстались крепкими рукопожатиями. Обещали встречаться.

— Если что... мне скажите, — оттопырив губы, сказал рыжий.

Загребая ногами гравий, местные удалились по аллее в темноту.

От Лены Павлюк узнал, что они столкнулись с бандой Огонька. Частью ее. С Касперовки. Лариса с Тамарой жили неподалеку от рыжего предводителя.

Узнал Павлюк и про городские группировки, разбитые по районам. Между ними иногда доходило до поножовщины. Нападали они всегда большими бригадами. Центр был общим.

Провожал он ее по темным переулкам от конечной автобусной остановки на станции Марцево. Жила Лена на окраине города. В противоположном конце.

Тряслись туда в полутемном «Икарусе» минут сорок. Звякала медь в кассе. В салоне под конец не осталось никого. Один пассажир заснул. До этого он пел песни и швырял невидимые предметы в окно. Или отмахивался от кого-то очень настырного.

Лена взяла Павлюка под локоть и старалась попадать в такт с его широкими шагами.

Шли длинными пролетами однообразных одноэтажных домов. У большинства уже закрылись деревянные ставни. Между дорогой и забором росли деревья и кусты. Павлюк отводил ветки, пригибался. Пару раз он поцарапался.

Лаяли собаки. Доносились неопределенные выкрики. Раскачивались тарелки редких фонарей на

столбах. Миновали группку неприкаянной молодежи. Курили, плевали. Обдало неприязненными взглядами. Поднялся гнетущий ветер, из облаков появилась луна. Засверкали лужи.

Остановились у одного из домов. Он ничем не отличался от остальных. Красный кирпич, зеленые ставни. На фасаде у водосточной трубы примостилась продолговатая табличка «12-й Новый переулок». На веранде горел светильник. В окне мелькнул чей-то профиль. Створка открылась.

— Лена? Это ты?

— Да, папа!

— А кто это с тобой?

— Товарищ.

Павлюк слегка отодвинулся от Лены, но руку с ее плеча не снял.

— Здравствуйте.

Отец Лены приглянулся к ее товарищу, молча кивнул и затворил окно.

Они отодвинулись в тень. Лена прильнула поцеловаться.

— Зайдешь?

— Поздно уже.

— Я буду скучать.

Павлюк обнял ее. Сухие губы встретились. Он торопился.

На обратном пути на него из темноты выскочила здоровая овчарка и с лаем провожала два квартала. Павлюк прибавил шаг. У железного павильона остановки собака отстала, обнюхала мусорные баки и побежала на свист.

Он ждал автобус в компании двух ханыг и хмурого мужика с клеенчатой авоськой. Алкаши, ругаясь, долго пересчитывали мелочь под мигающим фонарем. Павлюк с мужиком выглядели напряженно. Намного суровее, чем в действительности.

Дома дым стоял коромыслом. Абажур висел в невесомости. Тусклый свет слоился.

Вадик сидел на диване и раскуривал сигару, обжигая пальцы ломающимися спичками. Гарик восседал на углу стола. Он тоже пыхал толстой коричневой сигарой.

— Не тянется, — огорчился он и ковырял ногтем скрученные табачные листья.

В центре липкого стола алела глубокая тарелка с половинкой арбуза. Внутренность была вырезана, и в образовавшейся полости плавали розовый сок и осколки мякоти. Наружу торчали пластмассовые трубочки. Рядом лежал невиданный чешуйчатый ананас.

— Пунш с вином, — сообщил Вадик и икнул. — Попробуй.

— Это тебе не в столовой тюрю кушать, — добавил Гарик. С сигарой в зубах он раскачивался, как ортодоксальный еврей на молитве.

Павлюк поморщился брезгливо и потянул арбузную жидкость через трубочку. Семечки застревали. Он взял ложку и зачерпнул мякоти.

— Водки многовато бахнули, — сказал Гарик.

— Ниче, сойдет, — миролюбиво ответил Вадик. — С пивком потянет.

Он хехекнул в кулак. Облизал влажные губы, понюхал сигару и чихнул.

— Чтoб ты сдох... — пожелал здоровья Павлюк. — Лет через сто.

В общем, было понятно, что Губарю пришел денежный перевод от родителей. Иначе разгул не мог быть объяснен. На свои подобный ассортимент никто купить не мог.

На телевизоре лежали еще две серебряные гильзы с насечкой.

— «Корона Коронас», — медленно вслух прочитал Павлюк латинский шрифт и включил телевизор.

Гарик предпринял новую попытку курить в затяжку. Он разразился перхающим кашлем и не мог остановиться.

— Губарь угостил? — на всякий случай уточнил Павлюк.

— Ну, — ответил Вадик.

— А где он?

— Отскочил ненадолго. Он тут познакомился с девчонкой одной. Отец у нее в тресте столовых работает. Козырное место.

— Аа-нанас, — отрыгнул Павлюк.

— А-а мы ее, — ответил тем же Вадик. — С ананасом надо Олега подождать.

Гарик отдышался и вытер слезы.

— Проводил?

— Пришлось.

Павлюк небрежно крутанул ананас на столе.

— Далеко ездить. С мамашей ее у дома столкнулись. Домой пригласила, пришлось зайти. Чай, варенье, родители, сестра...

— Сколько лет? — заинтересовался Вадик.

— Пятый класс.

— А...

— Вилы, короче. Сбежал.

— Ну как ты? Что у вас с ней?

Вадик опять приподнялся с дивана.

— Это у нас быстро... Ломать — не строить, — небрежительно бросил Павлюк и скривил губы. — Гарик, посмотри, у меня дырка на штанах?

Павлюк повернулся к Точило спиной и слегка наклонился вперед, заглядывая назад через плечо.

— Разошлись, наверное, — оценил Гарик, не приглядываясь. — Где?

Он все же доверчиво нагнулся. Павлюк синхронным действием пукнул ему в лицо.

— Подмудок... Забью в сених вожжами! Падлюк!

Гарик гонял Павлюка, как нашкодившего кота. Худой Павлюк проскальзывал между крупными, сшибая все мелкие предметы. Костями прогремел о полотно двери. Телевизор они с Гариком удержали вдвоем.

— Что случилось, ребята? — донесся с кухни голос хозяйки тети Томи.

Гарик погрозил Павлюку вилкой.

— Смотри, Вован, два удара — восемь дырок...

А Губарь ночевать не пришел.

Он увидел ее через неделю на трамвайной остановке у института на Некрасовском переулке. Продолжая смотреть вдаль на блестящие рельсы, Павлюк отодвинулся в толпу. Лена тоже не подошла. Она села в первый же трамвай.

Ему было не по пути. Номер не тот... Хотя до своей остановки он мог доехать и этим.

Полно девчонок, которые живут ближе.

Следующим в 1982 году пошел сам Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев, верный ленинец и пятирежды герой Советского Союза и Социалистического Труда и обладатель несметного количества прочих наград и званий. Надеть все свои ордена он бы смог, только если бы пришлось использовать и брюки. Он и в мундире одном с трудом вставал. При наличии только орденовских планок.

Однажды очередную звезду — четвертую — ему вручили в весьма неподходящий момент. Аккурат перед праздником.

Пришлось ее спешно пририсовывать на портрете. Институтский художник, по совместительству электрик вычислительного центра, борода, ничтоже сумняшеся, поместил звезду на рукаве неизменно темного, как у всех членов Политбюро, костюма дорогого Леонида Ильича. Продолжил ряд наград с соблюдением размеров. Не поместилась она на груди, а нарушать пропорции, как реалист, он не захотел.

Позже он перекомпоновал ордена — три в верхнем ряду, два — в нижнем. Успел Леонид Ильич получить при жизни и пятую звезду. Но от ликования все прогрессивное человечество довольно быстро перешло к отпеванию.

Споро переименовали Набережные Челны в Брежнев и приступили к организации отработанной процедуры.

Гроб сняли с лафета и под гром оружейных выстрелов поспешно уронили в могилу у Кремлевской стены два дюжих моряка. Раздался грохот. Над серой массой людей на Красной площади, придавленной свинцо-

вым ноябрьским небом, кружилось воронье. Карканье заглушало трансляцию.

Некие малочисленные группы отщепенцев в толпе отчетливо кричали «Ура!».

Может, они видели дальше других. Или чувствовали конец эпохи, слегка оттянутый еще несколькими попытками лакировки разваливающегося строя. Но это, без сомнения, были злопыхатели и очернители действительности.

Впечатление от захоронения осталось гнетущим. Но были те, кто и плакал. Женщины переживали. Старика было жалко, под конец он уже с трудом разговаривал. Казалось, должен уйти на пенсию, на покой, но, поощряемый коллегами, он тянул до последнего.

Кончилась эпоха стабильности, относительного спокойствия и постоянного и повсеместного улучшения жизненного уровня советских людей, который не могли поколебать даже лозунги типа «Экономика должна быть экономной».

Старик имел тягу к славе, в том числе в беллетристике. Даже Ленинскую премию в области литературы отхватил. Нобелевскую, правда, не дали.

Кто писал за него мемуары, было непонятно, так как все его книжки-малышки толщиной с популярную брошюру о вреде алкоголизма выпускались без выходных данных. Даже корректоров не было. Да и кто мог осмелиться редактировать или поправлять самого Леонида Ильича.

Темы промываний мозгов подрастающего поколения борцов за светлые идеалы социализма задавались славным боевым и трудовым путем Генерального секретаря. От «Малой земли» к «Возрождению» и «Целине». Была и четвертая книжка, название не запомнилось. Не проходили, видимо.

Издавались они под общей рубрикой «Все, что было не со мной — помню».

Так издевательски использовали фразу из патетической песни корифеев жанра Пахмутовой и Добронравова.

По «Малой земле» был даже поставлен балет в Большом театре. Помнятся солдаты в гимнастерках, рьяно танцующие, руки-ноги вразлет, на буре у землянки. Переполняла их радость от подвезенной политруком почты. А вот был Брежнев в пачке или нет, забылось. Но и то, что удалось отсмотреть, вызывало неизменное чувство глубокого удовлетворения.

Ходила шутка.

Брежнев задумался, все вроде в стране принадлежит ему. Один только мавзолей — Ленину. Так он ночью пробрался из Кремля и гвоздиком проковырял два углубления над буквой «Е». Получилось: ЛЁНИН.

Смелые стихи, передаваемые из уст в уста, повествовали о, казалось, бессменном руководителе: «Что за зверь к Кремлю крадется, брови черные — густые, зубы белые — вставные, речи длинные — пустые... Кто загадку отгадает, тот получит десять лет».

При позднем дорогом Леониде Ильиче в целом время было веселое, боялись мало. Народ забавлялся.

Улица Энгельса

Вадик Черновол перебрался на квартиру к Павлюку, Губарю и Гарику Точилину в начале второго курса. Точнее, Павлюк друга перетащил. Лучшего кореша. По его словам.

До того Вадик с двумя старшекурсниками жил на квартире на Собачеевке. И Павлюк убедил, что вчетвером в своем кругу они заживут веселее. К тому же институт рядом.

На самом деле Павлюк устал добираться на трамвае к новому дружану. Повалился столоваться. Обьедал. Обедал.

У Вадика всегда были продайки из дома в достатке. Мать его работала экспедитором. Продукты развозила по магазинам. Завозила и себе по пути. Сыночку доставляла передачи регулярно.

Приезжали родители с Украины на кремовых «жигулях» шестой модели. Отец сразу же принимался мыть машину у водоразборной колонки, пока мать сгружала гостинцы.

— Из Краматорска? — любил степенно спрашивать Губарь.

Вадик терпеливо пояснял:

— Из Комсомольска. Краматорск рядом.

Губарь глумливо улыбался.

— Отец на шахте работает? — интересовался пылкий Павлюк.

Он тоже не уставал подтрунивать над другом. Вадик кивал.

— Парторгом.

— Да... место всех коммунистов под землей.

Вадик мрачнел: Павлюк быстро не отвязывался.

— Он не в забое, наверну.

— Я ж тебе говорил, Олежка, горняки живут в горах! — продолжал подначивать друг Воха.

Губарь, растянув рот, лыбился.

— Или на терриконах? Как термиты, — не слезал с мальчика для битья Павлюк.

Своим Вадик еще себя не чувствовал. Младший партнер. В голосе у него проскальзывали заискивающие интонации. Он скованно смеялся на грубые шутки товарищей. Тормозил. С готовностью принимал участие в развлечениях. Стремился к высшему свету. Впитывал.

Распахнулась дверь. Губарь открыл ее ногой. Внизу полотна на белой краске сформировалось черное пятно.

— Чего согнулись, учни? Занятия отменят. (Запас украинских словечек Губарь пополнял у Вадика.)

Он наклонился, чтобы не зацепиться за низкий косяк, и занес в проем сетку. Звякнули бутылки. Следом появилась вторая рука. Для равновесия с другой сеткой и тем же напитком.

Друзья на секунду оторвались от дралоскопа. Вадик Черновол и Воха Павлюк, согнувшись пополам, сидели на низких скамеечках над снятой с петель оконной рамой. Она возлежала на двух стульях. Стекло снизу подсвечивалось настольной лампой. Сверху лежал лист ватмана, закрепленный по краям изолентой.

Вадик с Вохой оказались в разных подгруппах на практике по начертательной геометрии и теперь передирали на просвет обильно заштрихованный чертеж на чистый лист. Один на двоих.

— Самогонный аппарат? — заинтересованно спросил Губарь, посмотрев на хитрый змеевик в разрезе. — У Васи взяли?

Он выставил часть бутылок с пивом на стол. Оба чертежника на звяканье посуды откинулись от нудной бумажной работы.

— Говорят, Брежнев умер, — сказал Губарь, пересчитывая тару по пробкам.

— Да ладно, — вяло отреагировал Павлюк на важное правительственное сообщение.

Он потянулся и включил телевизор. Зазвучала щемящая музыка. На весь экран появился симфонический оркестр в полном составе.

— Морд пятьсот, — оценил Павлюк коллектив.

— Слабительный музон, — проворчал Губарь, сморщившись. — Выключи.

Сотни смычков синхронными движениями стремились разрезать инструменты.

— Рвотный порошок, — подтвердил Павлюк и убрал звук. — Молчат что-то... — раздумчиво протянул он. — Ничего не говорят. Где новости?

Губарь со звуком засоса оторвал губы от липкого горлышка.

— Что «да ладно»?.. Ты что думаешь, он что — вечный?

— Двигатель, — вставил Вадик и хмыкнул.

— Рассыпался на запчасти, — уточнил Губарь. — Челюсть вставная потянула к земле. Тяжелая, железная.

— Ворочал с трудом, — согласился Павлюк.

Он присоединился к раздаточному столу. Одним движением откупорил одну бутылку о пробку другой.

— «Жигулевское», — прочитал он этикетку. — Вчерашнее. Нормальное пиво.

— Говорят, целый день уже пилят, — Губарь кивнул на старающихся скрипачей. — Дармоеды.

— Некоторые наверняка только делают вид, что играют. Все равно не слышно, — предположил Павлюк. — Толпа такая.

— А зарплата идет, — сказал Вадик.

Губарь не отрываясь влил себе в полость вторую бутылку.

— Сидите тут, как в камере, ничего не знаете. В школу ходить надо... Все равно учиться не надо, — противоречиво закончил выволочку Губарь и откашлялся.

— Сам-то где был? Поминали в пивняке?! — хотнул Павлюк.

— Трубы горят, — частично раскрылся Губарь.

Он не ночевал дома два дня.

— Да? — зачем-то уточнил Вадик.

— Ну. Иди пивка выпей, — пригласил Губарь.

Вадик с радостью подтянулся. Губарь опрокинул третью бутылку и развалился на стуле, благодушно поглаживая живот. Полегчало. Начало отпускать.

— А где Точило?

Словно на зов ввалился все так же подслеповатый, но неожиданно поддатый Гарик Точилин.

— На запах шел? — спросил Губарь.

— О, Гарик! Иди скорее, тут детектив показывают, — поторопил Павлюк. — Одного уже грохнули.

— Да? Какой?! — Гарик заметно гнусавил подшофе.

— По Агате Кристи.

— Гонишь?

— Чтоб я сдох.

— Чтоб ты всрался — и вода не качала... Давно начался?

Точило приблизился к телевизору. Там пачками разбегались по сцене хилые умирающие лебеди в белых пачках. Программа сместилась на балет.

— Лебединое озеро, — проворчал мирный Гарик и ткнул пальцем в экран.

Даже ничем тяжелым не запустил в Павлюка.

— Слыхали новый анекдот?

Гарик огляделся.

— Леонид Ильич приехал на пуск Енисейской ГЭС... А?

— Рассказывай.

— Короче, дело к ночи... Ну, значит, зима, митинг, народ согнали. Подошла делегация к плотине. Внизу водохранилище... Брежневу дают прочитать речь. Он надевает очки, подходит к краю котлована... И тут лед под ним трескается, льдина откалывается и плывет! И он на ней один, стоит, смотрит вверх.

Гарик вытянул лицо, отвесив челюсть, поднял голову и похлопал близорукими глазами.

— А льдину течением относит от берега. Сопровождающие лица на измене, что делать?! А охранник

Брежневу кричит: «Леонид Ильич! В правом кармане!» Брежнев достает из пальто бумажку и читает: «По-мо-ги-те!»

Отсмеялись.

— Хорошо... Знаешь, что будет, если Брежнева ударить головой о рельс? — спросил Павлюк.

Гарик, заранее улыбаясь, одобряюще кивнул.

— Ну?..

— БАМ!

А еще недавно тоненькие книжки Леонида Ильича выборочно зачитывались на классных часах. Под присмотром преподавателя.

Политинформации проходили раз в неделю. Готовили их зачастую сами студенты. Выдвиженцы. Старались те, кто рассчитывал в недалеком будущем пойти по партийной линии. Ковался будущий успех на комсомольских собраниях и в активной жизненной позиции. Выскочек с гибкой спиной не любили, всячески обсмеивали, но им это не мешало двигаться к намеченным зияющим высотам.

На последней политинформации обсуждался не свежий, но очень важный для изучения, а главное, очень поучительный для нашей молодежи первыйopus Генерального секретаря партии.

Эпопею «Малая земля» докладывал сам комсорг группы суровый Тарас Тарашук.

В периоды сдачи экзаменов туповатый Тарашук временно размягчался, стремясь к дружеским отношениям со всеми толковыми студентами. Поступал он после армии — отличник боевой и политической подготовки — и основательно подзабыл школьную программу. Если вообще ее знал. Что и требовало создания группы поддержки из дружественно настроенных коллег. Салаг, конечно.

Товарищ Тарашук имел большие перспективные планы по жизни. Поэтому не упускал открывающихся возможностей проявить себя в активной жизненной позиции. У грамотного молодого человека такие всегда были.

— Давай, Тарас, наливай, — говорил кто-нибудь из зала поощряюще.

Тарашук качал головой — такого поведения он не одобрял, — затем прокашлялся, отводя руку с брошюрой на удаление. Дома репетировал.

Петр Палыч, лысый препод по марксистско-ленинской философии, отрывал седалище. Обозначал, что разглядывает озорника.

— Только не надо на меня тарашиться, — не отказывали себе в удовольствии Людка Бакланова или Ирина Шестопалова.

Они всегда садились за первую парту. Петр Палыч показывал им огорченное их выпадом лицо.

— А чего он?

Товарищ Тарашук сильно косил. Штрихи к образу завершались глазами навывкате, покатым лбом и черным селедочным галстуком на резинке.

Издательства продолжались и по ходу прочувственного изложения боевого пути гвардии полковника Брежнева. Выступление комсорга сопровождалось ремарками.

Часто достаточно было междометий для выражения крайней заинтересованности.

— Ага... Ну да!.. Ко-нечно... Точно... Так все и было... Как живой... Так-так-так... Можно повторить, я записываю?.. Пресловутый, говоришь?..

Ведя серьезные разговоры, Тарашук часто употреблял приглянувшееся ему слово «пресловутый», за что и имел такую кличку. Как все малограмотные люди, он имел тягу к вычурным словам.

Тарашук покрылся красными пятнами от воодушевления. Повествовал со скупой слезой от упоения подвигами. Складывалось так, что не будь переломной битвы на Малой земле, и Великую Отечественную мы бы профукали.

Устав от насмешек, он на грани срыва обратился к Петру Палычу:

— Попрошу оградить меня от этих, я бы мог выразиться, оголтелых грязных инсинуаций!

— Пресловутых, — добавил кто-то с задних рядов.

Время жесткого противоборства с лагерем капитализма, ошестившимся всеми видами оружия, диктовало терминологию.

Петр Палыч приподнял кустистые брови и изобразил возмущение. До пенсии ему оставался год.

Слухи множились.

Поначалу телевизор, как заговоренный, передавал трансляции из Большого театра. С умирающими лебедями. Все подтвердилось после некоторой заминки. О смерти Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР и прочая, прочая, прочая сообщили в институте.

Студентов собирали по группам. Советовали крепиться, намекали на тревожную международную обстановку, просили сигнализировать в случае необходимости, указывали на возможные происки определенных элементов, требовали усилить бдительность. В общем, призывали сплотиться перед лицом... сомкнуть ряды... в едином строю... и т. п.

Три дня траура играл Большой симфонический оркестр. Обстановка была напряженной. Чувствовалось, что многие не понимают, куда поведет воздвигнутое рабочими и крестьянами здание социализма. А вдруг покачается. Восемнадцать лет при одном стойком ленинце. Все было понятно. И тут на тебе...

Весь траурный период хозяева квартиры выглядели сумрачными.

Тома набивала какие-то узлы. А когда передавали репортаж о похоронах дорогого Леонида Ильича, всплакнула.

— Лишь бы не было войны, — сказал дядя Сеня и замкнулся.

Только нервно курил с удвоенной силой. Опасался погромов.

Незаметно за толками о возможных переменах подступила зачетная неделя. Второй курс. Третья сессия.

У студентов в семестре три месяца: пивень, липень и дратень.

Неумолимо надвигался последний. Кое у кого начинала побаливать жопа. Знакомое состояние.

Основной поток вливался в институт между десятью колоннами корпуса «Г» на улице Энгельса.

Грызть гранит науки в институт студенты шли двумя проторенными тропами. По Некрасовскому переулку из общежитий ФМЭЭТа и РТФа. А также те, кто приехал на трамвае. И по Добролюбовскому переулку — из общежитий ФАВТа, РТФа и женского.

С сосредоточенными лицами, обремененные портфелями, реже дипломатами, они торопливо шагали мимо одноэтажных строений аборигенов. Всегда не хватало пяти минут. Пожилые вахтеры, облеченные доверием, опоздавших грозились не пускать.

Четверка с Надгорной двигалась встречным цугом. Показав студенческий билет, проникали, чтобы припасть, к источнику разума через новый корпус «Д».

Два здания соединялись стеклянным переходом. Каркасная конструкция доверия не внушала. Паркетный пол заметно вибрировал под ногами. Зимой сквозь плохо подогнанные стекла дули ветры. Обычные холодные, не перемен.

Разница между советскими архитектурами — сталинской помпезной и позднеекономной — выявлялась перепадом высот. С четвертого этажа нового корпуса попадали на третий этаж старого.

Через переход заходили в корпус «Г». Основные занятия проходили в нем. Там был центр притяжения. Там располагались родные кафедры ФАВТа — факультета автоматики и вычислительной техники.

К деканату проходили мимо доски почета с черно-белыми фотографиями первого выпуска 1953 года. В правом нижнем углу отсутствовало фото Зиновия Высоковского — известного юмориста из телевизионного кабачка «13 стульев» пана Зюзи. Его оборвали, без сомнения, как сувенир.

В углу стенда какой-то провозвестник граффити витиевато вывел черным фломастером лозунг: «Вступайте в ряды Фурье!»

Гарик Точилин, навалившись грудью на стену, переписывал с огромной «простыни» расписание экзаменов «на заборе» у деканата. Очки он забыл дома. Гарик шевелил губами, как крупная ученая рыба. Писать на колене было неудобно, буквы разъезжались.

Ногу он поставил на пенек.

Как, когда и зачем натуральный пенек затащили на четвертый этаж института, не ясно. Наука по этому поводу хранила молчание. Старожилы не могли припомнить. Знатоки признавали в нем дуб.

Одно объяснение признавалось исчерпывающе правильным. Переходящий приз за тупость.

Возникла дилемма. Дуб у отдельных мыслящих ассоциировался с мудростью. Но ею никто обладать не соглашался.

Считалось, что пенек был навечно завоеван в упорной борьбе с ФМЭЭТом — факультетом микроэлектроники и электронной техники. Самым ленивым из трех. Меньше всех курсовиков и экзаменов. Осведомленные местные учились только на гидроакустике. Самая ленивая специальность...

Подошли Павлюк с Вадиком.

— Бздишь, неуч? — в лоб спросил Павлюк.

Вадик хмыкнул.

— Электричество до конца еще не изучено? — не проигнорировал выпад Гарик, отрываясь от начертания своих иероглифов.

И разразился раскатом знаменитого, пугающего птиц и вечерних прохожих смеха.

Гарик припомнил Павлюку недавнюю сдачу зачета по физике. В текущий липень Павлюк отличился. Принимал доцент Калюжный. Он же, говорят, вел практические занятия весь семестр. Надо было принести на проверку тетрадь с решенными задачами.

Павлюку это не показалось трудным.

Бытовало мнение, что Калюжный мягок и пушист. В общем, «дятел». Проходил под кличкой Кот Базилио.

Будучи дальнорорким, он носил очки в блестящей металлической оправе. За толстенными захватанными пальцами стеклами глаза казались огромными, как за стеклом аквариума. Отчего у него было вечно удивленное выражение лица. Как у обиженной лошади. Перед отправкой на живодерню.

Вид доцента вызывал жалость. Девчонки из чувства протеста обсуждали моральные качества его жены. Доцент имел хорошую зарплату и был женат.

Не старый еще мужчина, он обладал помятой физиономией и сутулился, как старик. Ходил в за трапезных неглаженных брюках, старомодных рубашках с длинными уголками воротников. Плечи его пиджака всегда были обсыпаны атомными хлопьями перхоти, локти лоснились.

Тетрадь Павлюк достаточно быстро нашел. Обложку заменил на новую. Со своей фамилией. По черк решенных им задач, правда, был аккуратный, девичий. Но Павлюк надеялся, что писать ему не придется. Все задачи были решены. Методы решенный и ответы проверены. С тетрадью к Калюжному помимо хозяйки подходило еще два человека. Верняк.

Предвидя легкий успех, тем не менее Вадика он посадил сзади. Тот готовился, лихорадочно перелистывая учебник. Здоровенный Вася отстаивался за Вадиком. Как бронепоезд на запасном пути.

— Давайте посмотрим, — улыбнулся доцент, и на его щеках залегли глубокие морщины.

Он принял тетрадь.

— Сергей Пантелеевич, я тут хотел спросить, вы у нас экзамен принимать будете? — предпринял отвлекающий маневр Павлюк.

— Нет, — в голосе прозвучали неожиданные нотки досады.

Калюжный заломил бровь и с интересом взглянул на жаждущего экзаменовки Павлюка. Возможно, он видел его первый раз.

Павлюк пожалел, что поднял тему. Он выпрямился, поняв, что спрятаться не удастся, и, слегка наклонив голову набок, отрешенно уставился на доску позади доцента. Заинтересовался формулами.

Доцент упер локоть в столешницу, открыл ящик стола и достал огромную лупу. Развернул линзу и приставил к очкам.

— Телескоп, — прошептал Павлюку на ухо Вадик и уткнулся носом ему в спину.

Павлюк продолжал напряженно сидеть. Калюжный наклонился над тетрадью, закрываясь от Павлюка рукой. Он начал что-то неразборчиво бормотать, водя желтым ногтем по листу.

Павлюк поначалу поддерживал, что-то мычал, порываясь показывать какие-то выводы пальцем. Затем не выдержал и начал давиться от смеха. Калюжный углубился в чтение, делая вид, что ничего не замечает. Павлюк кашлял, ерзал, производил бессмысленные жесты руками. Один раз только фыркнул. Всячески крепился, набирая воздух. Наконец он прыснул.

Не в силах совладать с собой, он подскочил и, отбегая, прохрипел:

— Я там забыл...

Когда он сдуся и вернулся со второй авторучкой, Калюжный отложил лупу. Уши его горели.

— Скажите, а что вот это?

Он указывал прокуренным ногтем на незатейливую формулу из трех символов в тетради Павлюка.

— Где? — заинтересовался Павлюк.

Словно его внимание обращали на какую-то пометку. Так пятнышко, дефект бумаги. Улыбочка пропала.

Он лягнул Вадика, и тот влез, как любознательный ученик, посмотреть на любопытное доказательство.

— Вот это?.. — настаивал доцент.

— Это буква «U», — уверенно определил Павлюк.

Он правильно ее называл — «Ю». Вадик кивнул, подтверждая.

— И что это за буква «U»?

И тут сказала полная неосведомленность Павлюка в части того, что же штудировали его коллеги так старательно на физике весь третий семестр. Те, кто посещал.

История потом стала нарицательной. Изустно передавалась несколькими поколениями мучеников науки.

Павлюк брякнул:

— Как что... Напряжение.

Он четко помнил — изучали электричество. Но это продолжалось в течение второго семестра первого курса. Того, что фундаментальные основы физики так быстро меняются, Павлюк и предположить не мог. Как говорится, и в дурном сне не привидится такое. Несколько месяцев каких-то...

— Как сейчас помню — электричество было, — постоянно говорил он, когда все закончилось.

Доцент странно посмотрел на испытуемого и передвинул палец. Вадика он отогнал, как муху. Тот все же хрипел что-то неразборчивое за спиной товарища.

— А это что?

Павлюк присмотрелся к латинской букве «I». Спинным мозгом он пытался принять подаваемые Вадиком сигналы. Импульсы не проходили.

— Сила тока.

— Так, так... — неакцентированно произнес Калюжный.

Вокруг начал собираться народ. На арене цирка выступал заезжий клоун. За спиной оживленно переговаривались. Павлюк уже понял, что происходит что-то не то. Закралась даже мысль о возможной передаче зачета. У него тоже покраснели уши.

Но тем не менее он обреченно вымолвил «Сопrotивление...» на вопрос о третьем загадочном символе, так похожем на букву «R». До полного схождения.

— Пойдите подумайте, — доцент сделал вялое отсылающее движение кистью руки.

И тут Павлюку открыли глаза. Оказалось, что в третьем семестре они перешли от электричества к изучению молекулярно-кинетической теории газов. Вася топтался от смеха, как конь. Павлюка похлопывали по плечам и спине. Он отбрасывал руки. И напустился на Вадика.

Вокруг умирающего собрался консилиум. Вася работал, как ускоренная помощь. Павлюку на скорую руку втолковали несколько открытий. На всякий случай он записал кое-что на бумажке.

Через пять минут Павлюк бодро признал в «R» постоянную Больцмана, в «I» — число степеней свободы газа и что-то там еще в букве «U».

Как потом рассказывал дома облегчивший душу Павлюк для Точило с Губарем:

— У Кота Базилио аж пенсне раскалилось, а потом запотело, когда он заорал, что уже видел эти задачи и не надо его за дурака держать.

Вадик отмалчивался. Он вместе с Васей числился в числе виновных.

— А что я мог? — однообразно отвечал он на все нападки.

Зачет, однако, Калюжный Павлюку поставил. Подтвердив свою репутацию мягкого человека. Жена из него вила веревки.

А Вадика невзлюбила «тетка Петрова». Петрова вела «вышку». Высшую математику. Досталось ему на орехи от нее. Экзамена он ожидал, как вызова из камеры смертников. Отложенное правосудие.

— Будем слаживать, Черновол, получим лажу... — говаривала она в ответ на его местечковые украинизмы. — Если складывать — то, что надо. Но только не вы.

Смотрела она на него безразличным взглядом палача на осужденного к казни.

— Бормотание унитаза, — клеймила она его невнятные ответы на практике.

На занятиях Вадик держался на «камчатке», стараясь не высовываться лишней раз из-за спин.

В веселом настроении тетка Петрова прохаживалась вдоль первого ряда парт, размахивая концом пояса от платья. Меняла она их каждый день. Джинсовые, велюровые, вельветовые. Молодилась. Делала укладки жидких светлых волос, подкрашивала их хной, обильно шпаклевалась. Она была не замужем. А возраст уже был серьезным.

В плохом настроении тетка Петрова свирепствовала. Состояние «острого недооб...», в классификации Павлюка.

Начиналось это всегда одинаково. Она прикасалась к вискам, проверяя крепление усиленных латком редких прядей волос.

— Я опять такая больная пришла сегодня...

Имелось в виду несение знаний в массы недорослей. В виде различных массивов, матриц и векторов.

Павлюк кивал, подтверждая первоначально поставленный диагноз.

Естественно, предварительно кто-то успевал отличиться глубокими познаниями. Иногда этот несчастный еще продолжал стоять на фоне забуренных формул, терзая мел и тряпку от нервного напряжения или истощения.

Вадик прятался за спину мощного Васи, если, конечно, не маялся творческим бесплодием у доски. Вася прикрывал по всем вопросам.

Тетка Петрова тяжело опускалась на стул (она была невысокого роста и достаточно грузной), наваливалась на стол. Оглядев исподлобья аудиторию, она принималась монотонно орать:

— Сволочи, свиньи, вы из меня кровь стаканами пьете! Идиоты... Я из вас сделаю людей... если вы доживете!

Последняя фраза косвенно относилась к испытываемому, потерянно мявшемуся у доски.

Считая порядок наведенным, она посылала одну из девчонок в буфет. Затем она подпирала лоб одной рукой. Голова продолжала болеть. И отработанным движением другой руки, наклоняясь вниз под стол, отпивала молоко из стакана. Закусывала коржиками.

Группа самостоятельно разбирала новую тему.

— Может, на подарок денег соберем? — предлагал староста Гена Плещеев. — Вазу хрустальную...

Староста умом и сообразительностью не отличался только по предметам.

— К ней даже на лысом козле не подъедешь, — сокрушался поникший Вадик.

Как ни странно, вазу от ходяков она приняла. Не все так плохо оказалось. Вадик и еще пара предварительно насмерть запуганных протиснулись в игольное ушко зачетной недели.

Продолжение следует.

Виктор ПЕТРОВ

Стихи молодого Виктора Петрова увидели свет в «Комсомольской правде», и он стал одним из победителей поэтического конкурса этой газеты, а впоследствии — лауреатом Всероссийской литературной премии имени М. А. Шолохова.

*Известность ростовскому автору принесли публикации на страницах журнала «Юность», отметившего его своей премией (2001). За сборник «Лезвие», выпущенный также «Юностью», Виктор Петров был удостоен европейской золотой медали Франца Кафки с изданием сборника *Reserve of level* (2010) в Лондоне.*

Новая книга стихотворений Виктора Петрова «Дотла» (издание журнала «Юность»), вышедшая в этом году, состоит из двух разделов — «...И земные отринул пути» и «Скифский квадрат» — и сегодня являет собой наиболее точный творческий портрет поэта.

ГОРЕЧЬ ИСХОДА...

*Миром правит слово.
Божье ли? Гумилевское?..*

Судьбе было угодно вывести меня к азовскому лукоморью, где я обосновался в рыбацкой мазанке, обтянутой зернистым рубероидом и несчетное число раз латанной, но крытой железом — правда, наполовину. Оконце распахивалось на уровне неба, которое цепляло край крутого яра, изглоданного злым оползнем. Берег осыпался, уходя из-под ног, и море стелилось далеко внизу. Небо же впрямь казалось очень близким: еще чуть — и тронешь рукой.

Любил стоять на краю, точно бы отдаляясь от всех и вся, охватываемый лишь ветром. Слева изгибался стеганный ковыльной изморозью склон обрывистой балки с желтыми вспышками жерделин на одиноком деревце, справа проглядывал при ясной погоде Таганый Рог. Моя душа, издерганная вконец мельтешением городских дней, тянулась к неоглядности заоблачных высот, лишь бесстрастно отмечая пространство, залитое свинцовым мелководьем, иногда отступавшим далеко от берега. Позади за частую раздавался железный гром вагонных сцепок, но это не мешало растворяться в небе и принимать небо в себя — быть с небом.

Иной раз спуск увлекал своей крутизной, и я оказывался на целинном плато. Здесь ничто не вредило цветам и травам, что вольно произрастали, сплетаясь друг с другом. За купами серебристых маслин между слоистыми камнями бил студеной родник. А у берега чалились прогретые солнцем лодки да кричала в голос чеховская чайка...

Ближе к полуночи я приспособливался за шатучим столиком и жег свечу — другого света и не могло быть здесь. Из красного угла взирал Николай Угодник, чью икону чудом отыскал среди брошенного в сених хлама и храню по сию пору.

Обуреваемый тоской от невысказанности угасшего дня, тянулся к бумаге. Одно лишь слово — пусть еще слабое, не совсем верное — могло успокоить растревоженную скоротечностью бытия душу. Перед неотвратимостью судьбы защитой становилось только оно — отыскиваемое сейчас, пусть еще никому не известное, понятное разве что высшей силе. Стихами было все: небо, степь, море, разнотравье, душевная смута; а более всего — оплакиваемая восковыми слезами горечь исхода...

Мной правило слово.

Виктор Петров

КАРМЕН

Мой проспект называется именем Стачки —
 И плевать я хотел на угар перемен!
 Здесь трамвая дождусь, а сойду у «табачки»,
 Где под каменной аркою встречу Кармен,
 Чьи пиковые очи огнем истерзали:
 Вот и в небе они — звездопад, звездопад...
 Очи мне ворожат на ростовском вокзале,
 Если вдруг соберусь уезжать наугад.
 «Мой червовый король...» — прошептала вчера ты,
 А сегодня хохочешь надменно в лицо.
 Из-за черных очей совершали растраты
 И гортань забивали горячим свинцом.
 Что гадать по руке!.. Мне — любовь да измена.
 А измена — как вольному воля теперь.
 Я бы вырваться мог, да не вырвусь из плена
 Этих черных очей — и паду аки зверь.
 Зря ли арка советской эпохи барокко
 Оказалась прочнее сплетения рук!
 Счастье наше — несчастье, сплошная морока,
 И бессонные сны, и излучки разлук.
 Напоследок твои обнимая колени,
 Ужаснусь, если вывернет душу тоска.
 Ах, моя ты Кармен!.. Я — цыганский твой пленник.
 Кто мне скажет, зачем я тебя отыскал?
 Расставаться пора, а уже не расстаться.
 Серебристой дороги свернулась петля,
 И товарки твои томно выкажут статность,
 Что барона пленит и пленит короля.

ЦВЕТЧНЫЙ СОН

Дается и несчастным счастье на земле:
 Под колокольный звон, в морозном феврале
 Я спал среди живых цветов, не поддаваясь сглазу,
 И было так мне хорошо — как никогда, ни разу...

Казался явью сей благоуханный сон:
 Стоят цветы — как женщины — со всех сторон.
 Глаза не открывал, зато иное открывалось зренью:
 Предстали кругом те, кого презрел и что меня презрели.

А как я их любил... Любил — не разлюблю!
 Жаль не себя — жалею, что по февралю
 Они в слепую ночь сюда сподобились добратся:
 О, эти женщины мои — цветущее убранство!

Но был один цветок — всего один цветок:
 Он отстранялся, отстранял — и шел по телу ток.

А звался, милая, тобой. Да как же так, откуда,
Зачем ты здесь, когда уже не выйти из-под спуда

Тому, что было между нами в жизни той,
Полузабытой и казавшейся пустой?
Я обомлел — боялся вслух сказать родное имя,
Не то еще спугну цветок и сам исчезну с ним я...

Наутро вынесли цветы. И я помог
Хозяйке в том... И выйдя на метельный смог,
Дышал с трудом в разгуле раскаленной круговерти.
И помыслы меня терзали о внезапной смерти.

Их устыдился. Мир сужал кольцо — жесток:
Валялся на снегу надломленный цветок.
Такому не срастись... И жег невероятный холод,
И свидением остался заметенный город.

БАЛЛАДА ЧЕТЫРЕХ

Четвертый приходит ночами к тебе,
А с вечера третий припал к изголовью.
И север играет на дымной трубе,
И алчущих ты оделяешь любовью.

Где первый? Так вот он — стоит за окном.
И рядом второй озирается пёсьи.
И сон этот кажется больше не сном,
И страшно подумать, что может быть после...

Баллада — блокада: уже никуда
Тебе не сбежать от настырной четверки.
Поднимется дыбом речная вода,
Ударит, срывая оконные створки.

Чего ты спросонья ревешь? Не реви.
Опомниться можно — еще есть минута,
Ведь слезы твоей молодой нелюбви
Копила, скопила апрельская смута.

Оставишь, как есть, четверых в темноте —
Падут на дождливые травы бесчестья...
И кинешься к сходням, похожим на тень
От мачты фрегата, что был неизвестен

Распатланным ивам и тихой реке,
Но стал и стоит у разбитого мола!
Еще ты успеешь, как есть, налегке
Взметнуться на палубу стягом подола.

Воздушный фрегат — без руля и ветрил,
Воздушный фрегат — паруса-домотканка.
Такую никто никогда не любил,
А то, что случалось, — всего лишь обманка.

Минута — и душу и тело сменить!
И, эту мгновенную смену оплавав,
Тому изумляться, того изумить,
Чей мир одинаковый не одинаков.

* * *

Ни крика, ни плача, ни стоны, ни звука,
А их продолжение — тишь, немота.
И даже не воет соседская сука,
Чьих малых детей побросали с моста.

Змеится текучее пламя поземки,
И сбитая птица летит в буерак.
Душа пропадает, не выдержав ломки:
Я думал — сиянье, а это был мрак.

Последний стакан хлобыстну без остатка
За то, чтобы не окочурился свет!
Длиннее раздумья кирпичная кладка —
Запретная зона: кого только нет...

Я тоже там был, хотя все-таки не был.
Я знаю такое, что лучше не знать.
И хляби разверзлись, и падало небо,
И время прискпело, мой друг, умирать.

Куда ни посмотришь — глаза б не глядели,
Слезится до рези фонарь на ветру.
Дойду к неуступчивой той цитадели
И там на сей раз, может быть, не совру.

А что остается, когда не осталось
Уже ничего, что хотел и просил...
Откуда теперь на груди моей впалость,
Где билось и выбилось сердце из сил?

* * *

Мы уедем с тобой в тот просоленный город,
Где не знают о нас ничего,
И растает в глазах ожидания холод,
И проснусь возле сна твоего.

Волноломы ломают волну за волною —
Сумасшедший повтора повтор.
И гудки судовые щемящей длиною
Рвут на части крапленный простор.

Звездный крап... Шулера постарались изрядно —
Карты сдали на проигрыш мне:
Только это пустяк, если милая рядом
Укачалась на сонной волне.

...Я свое отыграл — проигрался вчистую,
А вот на кон не ставил тебя..
Умоляли о том игроки зачастую,
Душу мне и рукав теребя.

Иордань

Иорданской водою омылась
И забыла, что было вчера.
Солнце белое — высшая милость —
Осветило мои вечера.

Полетела сама голубицей
За пределы предела дорог..
Я себе показался убийцей,
Но дарует прощение Бог.

Он прощает убийство любви,
Излучая фаворский мне свет:
Повторюсь не в расхристанном слове,
А открою Священный Завет.

И теперь серебрится олива,
И заходится в плаче стена.
Ты от счастья была несчастлива,
Это счастье — когда не одна...

Потому и пройти по воде ли,
Пять хлебов, голодая, вкусить
И святую рубаху на теле
Не сорвать и уже не носить.

Мне бы тоже омыться — по-русски! —
Вифлеемскую зрея звезду..
И ворочаю плечи до хруста —
Иордань прорубаю во льду.

г. Ростов-на-Дону

Рисунок Елизаветы Горяченковой

СТРИПТИЗ

ПОВЕСТЬ

В комнате от прежней обстановки остались только два стула и музыкальный центр.

— Сколько вы хотите за номер?

— Нисколько. Поставлю тебе два номера для начала, а дальше ты сама.

Голоса гулко звучали в абсолютно пустой квартире.

— Почему вы позвонили мне?

— Почему бы и не помочь хорошей женщине, которой слегка не везет? — Щукин подошел к окну и закурил. — Не всем же дано вертеть колесо фортуны. Как это делает Лара, например. — Он вздохнул и забарабанил пальцами по стеклу какую-то джазовую импровизацию. — Фантастическая женщина. Одна из немногих.

— Вы знаете, что она приезжала в конце сентября?

— Да! Я за нее очень рад!

Акустика пустого помещения не могла скрыть фальши в голосе Ларкиного продюсера. Видимо, он сам это почувствовал и поэтому перешел на свой великосветский ироничный тон, как некогда на репетиции «ХОТ».

— Я ответил на все твои вопросы? Теперь моя очередь: как ты кончаешь?

— В каком смысле?

— В самом прямом. Пора познакомиться с тобой поближе!

— Я не могу... вам сказать.

— Я задаю тебе вопрос, значит, ты должна ответить на него, если согласилась со мной работать. Кульминация профессионального номера зависит от того, как женщина получает оргазм, как она ведет себя при этом.

— Не знаю. Может, и было что-то похожее как-то раз.

— Как все запущено! Я так и предполагал.

— В мои годы лучше и не начинать?

— Не переживай. Все поправимо!

Марина поймала себя на том, что, несмотря на пикантность ситуации, совершенно не стесняется Щукина. Она словно возвращалась в знакомый до последней пылинки в углу дом, который когда-то пришлось неожиданно покинуть. С удовольствием вслушивалась в интонации роскошного щукинского голоса, все еще до конца не веря в происходящее.

— Есть высший пилотаж профессионализма и есть массовка, — продолжал Щукин. — Раздеться под музыку и вертеться возле пилона — дело нехитрое, хотя требует внешних данных и достаточной смелости. Я ставлю номер женщине, с которой работаю. Вопрос номер два. Допустим, прекрасная фигура, интересный костюм, девушка красиво двигается, а успеха нет. Почему?

— Не вы режиссер.

— Ответ неверный. У нее нет уверенности в том, что она делает что-то нужное и что ей это нравится.

— Но стриптизерши не обучают чему-то нужному и важному. Например, великому русскому языку!

— Если стриптиз существует, значит, это кому-нибудь нужно. Это древнее искусство. Танец семи покрывал. А настоящая актриса этого жанра, как и драматическая, заставляет зал так же волноваться и переживать. Последнего жеста ждут от нее, словно завершающего слова.

— Поэтично вы о стриптизе...

— Да, я люблю то, чем занимаюсь. Хорошая актриса экзотического жанра ценится как никогда. Куда ни посмотришь — одни деловые женщины или те, что стараются казаться таковыми. К сожалению. Сильный пол по достоинству оценивает ум прекрас-

ной половины, но женщина для них лишь та, которая заставляет их почувствовать себя мужчиной. Добытчиком и охотником. Ты знаешь, что многие завоеватели предпочитали красивую женщину золоту? Ты об этом первый раз слышишь?

— Да. Но ведь Лара почти не двигалась на сцене и не раздевалась.

— Это не значит, что и ты этого не будешь делать. Принимаешь мое предложение?

— Все так неожиданно...

— Я дорожу своим временем и поэтому говорю открытым текстом: я в тебе заинтересован.

Понятно. Все до безобразия понятно: такое долгое предисловие, чтобы затащить меня в постель!

— Лара — моя подруга.

— Кстати, тебя она считала соперницей и никогда бы не упустила такую возможность!

— Она — это она, а я — это я!

— Ну наконец-то! — Шукин с хрустом потянулся. — Это то, что надо: мне иногда казалось, что ты нужна ей как фон.

— Понимаю, вы хотите меня разозлить. Зачем?

— Ты уже обиделась и готова отказаться от мечты, ведь тебе кажется, что ты должна будешь расплываться в постели с любовником своей подруги. Так?

— Мне казалось, что вы с Ларой не просто любовники, а нечто большее.

Шукин, улыбаясь, покачал головой.

— Ее нет ни в городе, ни в стране! Неизвестно, вернется ли она, а мы говорим о ней так, как будто она сейчас вот-вот войдет. Лара тебе пишет? Звонит? Может быть, спрашивает совета, как поступить? Тот мир, куда я тебя приглашаю, — без друзей. И если вдруг случится невероятное, принимай эту дружбу как подарок судьбы. Если ты сейчас откажешься, то это наш с тобою последний разговор.

Телефонная трель мобильного разнеслась по всей квартире. Шукин вышел из комнаты, плотно закрывая за собой дверь.

«Сейчас ты пойдешь в свою квартиру, а завтра на работу. И ничегошеньки не изменится ни через месяц, ни через год! Мне не в чем себя винить: он сам ко мне пришел».

— Удивительно! — Шукин стремительно вошел в комнату. На него словно плеснули живой водой. Марина мгновенно вспомнила эпизод, когда Лара самый первый раз зашла в «ХОТ» и Наумович потом выбежал за ней, как мальчишка.

— Она позвонила! За столько времени первый раз!

Откажется! Сейчас отправит меня домой!

— Ну так что? — спросил он Марину своим обычным и одновременно таким необыкновенным голосом. — Ты будешь чувствовать себя уверенней, если ни я, ни ты никогда ей об этом не скажем? На се-

годня хватит, а завтра встречаемся в это же время, и принеси музыку, туфли, белье.

На следующий день Марина снова пришла намного раньше. Как только Шукин вошел в квартиру, она еле выждала пять минут, которые показались ей вечностью, и нажала кнопку звонка.

— И на этот раз вовремя? — угрюмо спросил он.

— Точность — вежливость королей.

— Да! Но не королев...

Насмешливые реплики ставили ее в тупик, и она решила промолчать.

— Давай музыку!

Шукин покачивал головой в такт. Вдруг неожиданно выключил магнитофон.

— Все же в ночных клубах собираются не для того, чтобы медитировать. Мне это нравится, но для номера нужно совсем другое. Музыка должна быть ритмичной, интересной. Тебе надо будет продержаться на сцене минут этак четыре-пять.

— Так мало?

— А ты попробуй! Вот ты вышла. Раздеться можно и за минуту, а дальше что? Нужно не просто раздеваться, а держать все внимание зрителей вот здесь! — Шукин поднял крепко сжатый кулак. — Каждое твое движение мужчины и женщины должны предвкушать!

— Вы говорите о какой-то звезде. Смогу ли я?

— А ты разве еще не хочешь быть звездой? — Он внимательно рассматривал ее с головы до ног. — Ты очень изменилась за этот год. Раньше ты была более честолюбива. Что же произошло, если из уверенной в себе женщины ты превратилась в такого маленького, жалкого крольчонка?

— Вы, кстати, тоже изменились! Не будем затевать игру в ассоциации. Давайте лучше выберем музыку.

— Вот это хорошо! Я бы порекомендовал тебе вот эту.

Сильный хрипловатый голос Патрисии Каас растормошил вязкую тишину пустой квартиры: «Это мужской, мужской мир...»

— Или вот эту, «Мадемуазель танцует блюз». — Шукин замычал знакомый мотивчик. — Вот на ней и остановимся! Можешь еще подумать, но фонограмма должна быть яркой, чтобы ты могла «спрятаться» за нее, если вдруг растеряешься на сцене.

Марина снова слушала Шукина открыв рот, как и в начале их знакомства на Hot.

— Ну а теперь попытайся потанцевать так, как ты чувствуешь музыку.

— А раздеваться надо?

— Надо.

Французская шансонье все продолжала петь, а Марина стояла, обескураженная, прикрываясь одеждой.

— Поняла теперь, как трудно работать без поддержки — без шеста, стула или трости? Впрочем, сейчас так и работают. Выходят к пилону уже раздетые, покажут пару-тройку акробатических этюдов — и все. Бездарно. Классика жанра, не что иное, как умение красиво раздеться. А это уже обыгрывается музыкой, костюмом и танцем.

— Владимир Наумович! — с отчаянием перебила его Марина. — Ну как я со своей фигурой выйду на сцену?!

— Что ты хочешь этим сказать?

— У Лары такая красивая фигура! Грудь третьего размера! А у меня, — Марина тяжело вздохнула, — минус третьего.

— Фигура здесь ни при чем. Если ты не чувствуешь себя красивой, публика тебя не воспримет. Ты для них будешь всего лишь фоном. «Гоу-гоу». Слышала?

Не вставая со стула, Щукин дотянулся до магнитофона и выключил музыку.

— Не думал я, что с тобой все так запущено. Комплекс дурнушки у той, кого природа наградила такой внешностью. В общем, давай-ка поступим следующим образом. Через десять дней будет проходить конкурс «Мисс Зима».

— Мне надо принять участие?!

— Да.

— Но ведь у меня рост даже не метр семьдесят. И не 90-60-90!

— Ты что? Завоевать корону королевы красоты? И не надейся. Самое большее — попадешь на следующий отборочный тур.

— Тогда зачем я туда пойду?

— На людей посмотреть, себя показать! Надеюсь, что за десять дней ты сумеешь привести себя в порядок. Извини, но в таком виде я тебя близко к сцене не подпущу.

— А вы с Ларой также возились, как и со мной?

— Лара была уже ограненным бриллиантом, который только ждал своей оправы. Ей не надо было ничего объяснять. Это дар. Но не будем вспоминать о ней!

Эхо рикошетом отскочило от голых стен, обнаруживая фальшь в голосе.

Скучает по Ларке.

— Твое преимущество перед ней в том, если продолжаешь считать Лару эталоном, — продолжал Щукин, — что ты гибкая. Тебе под силу любой образ на сцене. Согласись, что ее номера в основном статичны. Сейчас набросаем рисунок и встречаемся через три дня.

Разузнав в комитете конкурса все, что необходимо для участия, Марина направилась домой почти бегом.

Не раздеваясь, прошла на кухню и решительно начала складывать в большой пакет соленые орешки, шоколадки и чипсы, словом, все, что так любила грызть перед телевизором. Для нескольких банок пива из холодильника в пакете тоже нашлось место. Таблица калорийности продуктов заняла почетное место над столом.

Главное — перетерпеть голод первые два дня, а потом привыкну.

Улица со старыми деревянными домами петляла, поднимаясь вверх. По прошествии времени дома осели, пригнулись к земле: какой-то дед скособочился, а тот склонился над тротуаром, словно нищий. В эти морозные деньки, густо припудренные инеем, дома-старички, казалось, сворачивали шеи, провожая глазами-окнами молодых девушек, снующих туда-сюда. Все как одна скрывались за дверью с вывеской «Фотография», и через некоторое время красотки уже спускались вниз по обледенелой дорожке, присыпанной песком, не замечая подслеповатых взглядов старческих окон, смотрящих им вслед.

Держа в руках листок с адресом фотографа, работающего с конкурсантками, Марина остановилась перед небольшим фотоателье, занимающим полуподвал бревенчатого дома. В тесном коридорчике она столкнулась с высокой длинноногой девчонкой. Та задержала на Марине взгляд и выпорхнула на улицу, сильно хлопнув дверью.

В коридор вышел мужчина лет сорока пяти. Потрепанный красавец с яркими голубыми глазами окинул девушку оценивающим взглядом.

— На конкурс? — подмигнул он ей, а затем кивнул на дверь, обитую клетчатой клеенкой.

В свете ярких ламп вертелась хорошенькая девочка-подросток в раздельном купальнике цвета хаки. Тяжелые армейские ботинки подчеркивали длинные стройные ноги. Шипованные браслеты на запястьях звенели при каждом движении.

Что я здесь делаю? Это же детский сад!

В студию снова вошел мужчина, с которым они столкнулись в дверях.

— Зачем ты ее ботинки снимаешь? А все остальное?!

Фотограф оторвался от съемки.

— Да пошел ты! — начал было он, но увидел Марину. — Вы на загранпаспорт?

— На конкурс!

Она решила идти до конца.

Голубоглазый указал на ширму в углу.

Марина переодевалась, поеживаясь от холода и стараясь дышать сигаретным дымом через раз. Повсюду валялись бычки со следами помады. Из сум-

ки она извлекла белое летнее платье с высоким вырезом и много лет назад очень модные, выдавшие виды белые туфли матери.

«Все-таки звезда синемаатографа — мой стиль!» — рассматривала она себя в старом, с темной патиной зеркале, небрежно поставленном на пол. По шуму — громкому хлопку дверью и стону голубоглазого — поняла, что с крошкой в ботинках закончили. Она вышла в студию.

Оба мужика уставились на нее. Как по команде, красавец извлек откуда-то бутылку вина и штопор, а фотограф метнулся к шкафчику и вернулся с тремя стаканами в руках.

— Леди Флинт! Какими судьбами?!

— Вы, ребята, меня с кем-то путаете.

— Даже если ты не работала в «Гаване», все равно давайте выпьем! Замотался сегодня. — Голубоглазый уверенно наполнял стаканы. — Меня зовут Леша.

— А меня Олег, — отозвался фотограф.

— В «Гаване» работала, но вас не помню.

— У нас с вашим Борисом была договоренность на сеанс съемки для рекламы. Но «Глянец» нас опередил.

— Может быть. А при чем здесь леди Флинт?

— Ты там смотрелась, словно этакая аристократка на пиратском корабле.

Олег настраивал камеру.

— Готова? Ну что застыла, как статуя? Не знаешь, как позировать?

Леша принялся изображать звезду на фотосессии. Марина рассмеялась, и камера защелкала.

— Челку на лицо! Это придает женщине загадочность! — командовал он.

— Не лезь под руку! У модели должно быть открытое лицо! Пошел отсюда — мешаешь!

Олег наклонялся, присаживался, вставал на ветхий расшатанный стул, ложился на затоптанный пол: профессионал завелся.

— Достаточно! Надевай купальник!

Сейчас вылезут все мои жиры. А ладно! Посмотрю на фотки, не понравится — никуда не пойду. К черту конкурс!

Но Олег как ни в чем не бывало продолжил, переругиваясь с напарником.

По окончании ей сказали, что снимки будут готовы через три дня.

На работе коллеги первым делом спросили ее, чем это таким надо заболеть, чтобы так прекрасно выглядеть.

По вечерам Марина делала бесчисленное количество наклонов, приседаний, используя в качестве груза подставку из-под чугунного школьного шта-

тива, которую они с Ирккой выкрали из кабинета физики для бодибилдинга.

Ужасно хотелось есть. После занятий она надевала новогодние туфли на шпильке и, предварительно задернув шторы, разгуливала по квартире в чем мать родила. Непрерывно звучала рабочая, по выражению Щукина, музыка: Сэм Браун, Шаде. Марина входила в образ звезды экзотического танца.

У меня больше бы получилась пародия на стриптиз. Неужели тем, кто этим занимается, не смешно?

Она вспоминала «Никиту». На сцене в кулисах была специально проделана дырочка. Во время выступления стриптизерша приближалась к кулисам и как бы невзначай прижималась ухом к отверстию, а та, что находилась за сценой, ковыряла у нее в ухе. Играли на деньги: засмеялась — деньги на бочку. Вспоминая их отточенные при этом движения, страстные или томные, в зависимости от музыки, взгляды, довольный рев публики, она думала: «Вот где настоящий профессионализм!»

После работы Марина неслась в бывший кинотеатр, где должен был состояться конкурс. Там всю толпу конкурсанток обучали тем немногим шагам по сцене, с помощью которых будущая мисс должна успеть показать себя во всей красе.

«Неточность — вежливость королев», — твердила про себя Марина, спеша на встречу со Щукиным, и все же пришла вовремя.

— Ну, — одобрительно хмыкнул Щукин, едва она закончила танец. — Если дело будет продвигаться такими темпами, то скоро состоится твой дебют. Вот только ты на зрителей совсем не смотришь, то есть на меня. В этом жанре без контакта с публикой ничего не получится. Представляй, что в зале сидит твой самый горячий и преданный поклонник — это помогает чувствовать себя уверенней. Танцуй для него, соблазняй, очаровывай!

Щукин приподнялся и взял девушку за подбородок.

— Ну что за взгляд! Если не избавишься от этого выражения лица — «Ну как я? Ничего или уже пора на свалку?», — не жди успеха. На сцене любой человек воспринимается как особенный. Представь!

Щукин развалился на стуле, выпятив живот. В какой-то момент Марине показалось, что перед ней один из «малиновых».

— Сидит этакий вот интеллектуал! Или простой мужик, который пришел отдохнуть от жены и орущих детей и постоянного «дай», и вдруг! На него посмотрели со сцены и даже улыбнулись! Он неделю на крыльях летать будет! А на женщину посмотришь — ее самооценка сразу вырастет до небес. Ведь по-настоящему оценить женщину может толь-

ко женщина. В театр ходят на актера. На тебя тоже пойдут, если... Если тебе повезет!

И все-таки эхо в квартире не терпело фальши.

Щукин вздохнул и полез в карман за сигаретами. Ларку вспоминает.

С замиранием сердца Марина достала снимки.

«Странно, а мне казалось, что будет лучше!»

Всего лишь несколько дней назад она бы никому не рискнула показать свои фотографии. Но в крови уже «бурлило шампанское». Такое особое состояние, когда она воображала себя высоким бокалом, до краев наполненным шипучими пузырьками: кураж, беззаботность, ниоткуда взявшаяся уверенность.

Поздно вечером перед конкурсом она пошла на самый поздний сеанс в кинотеатре, чтобы не впасть в искушение съесть что-нибудь вкусненькое.

Дома по привычке первым же делом побежала ставить чайник, но, увидев приготовленную на завтра сумку с одеждой, развернулась и поменяла курс. «Горячий душ заглушает чувство голода», — внушала она самой себе, стоя в ванной, в то время как обжигающие струи колотили ее по плечам.

По-моему, я уже где-то видела подобное.

Вестибюль был до отказа заполнен девушками: они прихорашивались, передевались, смеялись. Некоторые удобно расположились на подоконниках и пили чай с бутербродами. Несколько мамаш суетились вокруг своих капризных принцесс. Откуда ни возьмись появился Олег с камерой, внимательно всматриваясь в толпу девчонок. Увидев Марину, он пробирался к ней, лавируя в толпе претенденток на почетное звание «Мисс Зима — Большой Петровск».

Он начал говорить ей что-то, но она не слушала его. Почему-то ей стало страшно и ужасно неловко.

Вдруг меня увидят знакомые? Я чувствую себя, как старая лошадь среди бабочек.

Она очнулась, когда Олег взял ее за руку.

— Страшно?

— Не то чтобы страшно...

— Выглядишь прекрасно! То, что ты немного старше этих девочек, можно прочитать у тебя по глазам, но никак не по твоему внешнему виду.

— Спасибо.

— Нет! Все так и есть. Посмотри на девчонок, такие забавные! Вон та, в красном купальнике. Надеется, что какой-нибудь хороший принц с большим лохматым кошельком увидит ее, стащит со сцены прямо в загс. А она родит ему детей, и будут они жить-поживать, добра наживать.

— Откуда ты знаешь?

— У нее это на лице написано. А для карьеры модели нужно дружное.

После того, как объявили, что пора начинать, конкурсанток разбили на тройки.

— Ты, похоже, в первый раз, — обратилась к Марине девушка, которую человек только с развитым воображением мог бы назвать красавицей. — Я в пятый.

— Мыши плакали, кололись, но продолжали есть кактус? — свысока обратилась к ней явная претендентка на звание «мисс».

— Для рекламы и страшилки нужны, — ничуть не смущаясь, словно не замечая иронии, ответила та. — Мои фотки уже в картотеке. Может, меня кто и заметит!

Моя милка удалась

Красотою броскою —

В фильме ужасов снялась —

Получила «Оскара»!

Уже спускаясь по обледенелым ступеням к автобусной остановке, Марина вспоминала короткое, словно вспышка, мгновение: громкая музыка, ослепительный свет рампы и несколько шагов на дрожащих от волнения ногах до края сцены и обратно. Не дожидаясь окончания конкурса, она поехала домой.

— Подожди!

Олег балансировал на льду и в конце концов упал.

— Камеру свою разобьешь.

Девушка помогла ему подняться.

— Может, — начал парень нерешительно, когда они подошли к остановке, — у тебя будет когда-нибудь свободный вечер? Можно тебя пригласить куда-нибудь?

Марина наконец поняла, кого он ей напоминал все это время — плюшевого медведя, одетого в детскую распашонку. Высокий и полный. Джинсы хорошей марки пузырились на коленях. Рукав кожаной куртки, явно из дорогого бутика, был заляпан зеленой краской. И вообще вид у него был такой, что он ходит в одном и том же зимой и летом.

Олег ждал ответа. Марина вспомнила, где она раньше видела точно такое же выражение лица: растерянное, глупое, но крайне счастливое одновременно. Так смотрел маленький конопатый пятиклассник на первую красавицу школы.

Подошел автобус. Уверенная, что больше его никогда не увидит, она пообещала:

— Как-нибудь позвоню.

Едва автобус тронулся, Олег что-то закричал, размахивая руками, и все, кто был на остановке, словно по команде посмотрели на него.

Дома, счастливая от вкусного ужина, она вертелась перед зеркалом.

Что мужики во мне находят? Ладно! Не скромничай!

С детских лет Марину сравнивали с матерью. Дочери не досталось ее яркой красоты. «Мадам Ганди» — это прозвище как нельзя лучше подходило к матери: спокойная и властная, с величественной осанкой, копной блестящих каштановых волос, она заставляла обращать на себя внимание везде, где бы ни появлялась. Нина Александровна держала дочь в строгости и внушала ей, что хорошее образование и независимость в жизни от кого бы то ни было — единственное, к чему девушке нужно стремиться.

В школе Марина ничем не отличалась от других девочек: в меру старательная, в меру ленивая. Не слишком заметная. Да и трудно было выделяться: порядки в образцово-показательной школе, где она училась, были строгие: ни украшений, ни косметики. И не дай бог укоротить на миллиметр это нежное коричневое платье! Химичка не пускала ее на урок, заставляя смыть с волос краску. Вьющиеся русые волосы яркого пепельного оттенка блестели на солнце, вызывая у недавней выпускницы педагогического института, которую в школе прозвали «лысуха», объяснимую женскую зависть. Среди мальчишек пользовались успехом девчонки, у которых на спине отчетливо выделялась застежка бюстгалтера. Подкладывать в лифчик вату, как делали некоторые жаждущие внимания, она считала ниже своего достоинства. Марина спокойно переносила невнимание со стороны одноклассников: где-то глубоко внутри у нее была необъяснимая уверенность в том, что она красива. И даже более того: у нее есть то, что отличает ее от других. Пусть сейчас сквозь нее смотрят, как сквозь стекло, на других девчонок. У нее будет все просто замечательно, и она свое еще возьмет!

Марина внезапно расцвела на втором курсе университета, когда уже все студенты перевлюблились по нескольку раз и сложились пары. Опыта общения с противоположным полом у нее не было никакого. Тем не менее она, как само собой разумеющееся, принимала обрушившееся на нее всеобщее мужское внимание, неторопливо выбирая подходящего кандидата, чтобы расстаться с тяготившей ее собственной непорочностью.

Шестое чувство подсказывало ей, что та неуловимая притягательность, что заставляет парней выворачивать головы в ее сторону, есть не у всех. Марина приняла ее априори, как данность.

«Либо это есть, либо этого нет», — бросал как бы невзначай один из записных сердцеедов с кафедры экономики, когда Марина проходила мимо по коридору.

Но также она поняла, что родители не хотят ее видеть такой, и она, не успев до конца раскрыть

свой дар и насладиться им, научилась его скрывать, прятать.

И вот наконец среди толпы обожателей, воздыхателей и претендентов на внимание на горизонте появился он.

В красавца историка были влюблены почти все. Марина тоже не раз с замиранием сердца поглядывала в его сторону. После сумасшедшей недели любви, заполненной страстными поцелуями во всех темных углах, она без сожаления рассталась с девственностью в одной из комнат университетского общежития. Прошла неделя. Служитель Клио звонил все реже и реже. Марина переживала, но понимала, что в этой истории замешано больше ее уязвленное женское самолюбие, нежели чувства. В разгар душевной драмы сокурсница шепнула ей, что сегодня красавчик встречается с «французенкой» с факультета западной филологии.

Марина пустила в ход все свои чары, чтобы устроить с ним свидание в кафе, и захватила с собой пузырек со слабительным.

Везет так везет! Содержимое пузырька оказалось в чашке с кофе, которую незадачливый сердцеед залпом выпил, торопясь на свидание к разлучнице. На следующий день, столкнувшись с ним нос к носу в библиотеке, она не удержалась и участливо спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Сука! — донеслось ей вслед, когда она, довольная собой, гордо вышла в коридор, ловя на себе восхищенные взгляды.

Антиреклама всколыхнула новую волну популярности среди студентов мужского пола. Это был девятый вал успеха. На гребне той волны она и познакомилась со своим будущим супругом. Нежная дружба переросла в нечто большее, и через год состоялась настоящая свадьба с фатой, белым кружевным платьем и церемонией в загсе.

Рассматривая себя в зеркале после конкурса, Марина понимала, что не успела по-настоящему порадоваться всему тому, чем ее так щедро одарила природа.

Отражение в зеркале ей очень нравилось. За десять дней ей действительно удалось преобразиться: плечи расправились, талия стала тоньше, ноги благодаря бесчисленным наклонам и приседаниям приобрели наконец-то те самые, нужные очертания. Маленькая и упругая грудь отчетливо выделялась под тонким свитером. Глаза, нос, губы обрели значимость, подчеркивая ее женственность. Она раздалась и, следуя внутреннему импульсу, сделала несколько извивающихся, неизвестно откуда взявшихся движений. Напевая хит Джо Коккера «Шляпу можно не снимать», Марина от души поцеловала свое отражение.

— Ты молодец. Обожаю.

— Медленно! Делай все медленно, не торопись. Скользи руками по телу, если не знаешь, куда их девать. Улыбайся, но не так жизнерадостно! Если сможешь, постарайся улыбаться загадочно. Вот, так лучше!

Шел второй час репетиции. Весь вечер Марина чувствовала на себе раздевающий шукинский взгляд.

— Дразни зрителей! Держи их в кулаке! Пусть все только и думают, что ты мечтаешь раздеться. То, что ты получаешь кайф на сцене, должно сверкать бегущей строкой на лбу!

Он меня сегодня просто так не отпустит.

— Дразни зрителя, издевайся над ним! Как можно дольше не снимай плащ. Играй! Останься только в поясе и чулках! Умница!

— На сегодня все! Через два дня в это же время.

Переодеваясь, Марина почувствовала мужскую руку пониже спины.

— Поехали ко мне.

— Если бы перевести стрелки на год назад...

— Ты все еще ищешь прошлогодний снег?

— Выходит, что так.

В воздухе повисла неловкая пауза.

— Я так понимаю, что мы через два дня не встречаемся. — Марина первая нарушила молчание.

— Отчего же?

Шукин смотрел на нее, словно видел в первый раз.

— Ты от нас уходить собралась? — любопытничали в бухгалтерии. — Нашла местечко получше?

— С чего вы взяли?

— Ты так выглядишь, будто прикатит сейчас черная «ауди» и увезет тебя на Лазурное побережье.

А ведь я на самом деле все это время ни о ком не вспоминаю!

Мужчины из других отделов стали как бы между прочим заглядывать в бухгалтерию, предлагая подвезти до подъезда.

«Пусть будут!» — думала Марина и всегда прихватывала с собой на всякий пожарный еще одну из сотрудниц.

— Это еще зачем? — Шукин вертел в руках черные дамские очки. — Испугалась?

Марина вздохнула.

— Скажи мне, чего ты боишься больше всего, — продолжал он спокойно, усаживаясь на стул.

— В зале сидят знакомые и обсуждают, какая у меня задница или ноги. Например, с моей бывшей работы. Злорадствуют: «Докатилась, главбух».

— Что еще?

— Родители узнают.

— Они часто ходят по ночным клубам?

Марина представила эту картинку.

Отец бы живо разогнал к чертям собачьим всю эту «Империю»!

— Нет, конечно!

— Как они узнают? В конце концов можно все отрицать: «Не вы первые говорите мне, что одна из стриптизерш похожа на меня».

Шукин вскочил и зашагал по комнате.

— Ты просто-таки одержима своими комплексами! Успех не приходит к тому, кто боится, что о нем скажут. И кто? Посторонние люди! «До чего наш главбух докатилась!» Они, между прочим, немалые деньги заплатили, чтобы на тебя посмотреть и обсудить животрепещущую тему твоей задницы. И хорошо. Пусть у них отвиснет челюсть, когда они увидят тебя. Если уж ты «докатилась», то сделай так, чтоб все только и думали, не до чего ты докатилась, а какая ты красивая! «Какая она красивая!»

Шукин стремительно вышел в коридор и начал одеваться.

— Со мной такое в первый раз: как правило, те, кому нужен номер, рвутся в бой. А я уже которую неделю ташу за собой на веревке упрямую ослицу!

— Когда я могу начать?

Шукин продолжал одеваться.

— Ты действительно этого хочешь?

— Да, хочу.

— На сегодня закончили. Ты мне все настроение испортила.

— Прошу вас! Давайте продолжим!

Тело растворялось в музыке и было полностью ей подвластно. Заученные раньше стандартные движения обретали смысл. За время танца Шукин как-то незаметно помолодел и сменил гнев на милость.

— Значит, так. Давай на «ты»!

— Давай.

— Запомни, на репетиции всегда получается лучше, чем на сцене. Сверли любимого зрителя взглядом. Оставляй одежду в одном месте, подальше от публики. И еще: все пришли получить удовольствие, и ты в том числе! Играй, наслаждайся жизнью! Забудь о том, что это дебют. Ни пуха ни пера!

— К черту!

— Послушайте! — обратилась Марина к водителю, который вез ее на служебной машине по центральной части города. — Куда вы меня везете?

— Куда мне сказали, туда и везу.

В последнем разговоре Шукин четко и внятно произнес название ночного районного клуба, который находился чуть дальше «Никиты». Когда они свернули на набережную, до Марины наконец дошло. Руки похолодели. Охранник распахнул дверцу машины перед служебным входом «Империи».

Железные ступени винтовой лестницы подвели девушку к небольшой двери.

Ну, пошла!

Дверь оказалась запертой. Тогда она нажала на кнопку звонка.

Девчонка в розовых трусах с заячьим хвостиком и в толстом свитере ручной вязки бесцеремонно рассматривала Марину.

— Кто? — донеслось из комнаты.

— Новая щукинская соска!

Пятеро девушек в тесной комнатенке, размноженные, словно на ксероксе, зеркалами, накладывали грим, скоблили бритвой подмышки, выдавливали на лице так некстати вскочивший прыщ, курили, стряхивая пепел в пудреницу соседки. Одна сидела спиной к двери в спущенном до талии красном блестящем платье и пришивала бретельку к огненно-красному бюстгальтеру. Большие шарообразные груди покачивались в такт движению руки. Она перегрызла нитку зубами и оглянулась.

— Это своя! — голосом вожака стаи произнесла Наташа, когда-то самая худенькая из всех стриптизерш в «Никите».

Марина обрадовалась ей, как родной.

— Ни за что бы тебя не узнала!

«Худышка» собрала груди в пригоршню, словно взвешивая их:

— Вот, вложила капитал. Да и от контрацептивов расперло. Проходи, располагайся!

Она поставила сумку Марины к себе на стол, тем самым показывая свое покровительство.

Вдруг одна из девчонок, которая перед этим задумчиво курила, громко всхлипнула и выбежала из комнаты.

— Вот какое дело, — зашептала Наташа, когда они вдвоем сидели у зеркала, накладывая макияж. — По штату положено пять стриптизерш. А ты пришла на место той. Они из Казахстана сюда подались. Ребенок родился, а ее муж-лейтенант запил... Скотина. Ты с жиру бесишься, а ей кусок хлеба.

«Может, меня разводят? На жалость давят?» — вспомнила Марина любимое выражение в зубровской конторе.

— Не повезло.

Раздался звонок в дверь.

— Иди открывай, это за тобой! — подтолкнула она Марину.

— Готова? — незнакомый парень с любопытством рассматривал девушку. — Я диджей, Белый. Идем!

Узкий проход, поворот, дверь, лестница. Наконец потянуло сквозняком. Сквозь запах пыли, копившийся десятилетиями в огромном бархатном занавесе, все отчетливее чувствовались табачный дым и запахи кухни. Где-то совсем рядом слышался зага-

дочный шум: приглушенная музыка, смех, стеклянный звон.

«Меня от зрительного зала отделяет только этот кусок пыльного бархата!» — метеором пронеслось в голове.

— Что дрожишь? Где музыка?

Марина протянула ему кассеты.

— Тебе для номера нужен стул. Девчонки сказали, что принесут. Да не бойся ты! Знала же, куда идешь!

Пальцы намертво вцепились в рукав Белого.

— Ладно, так уж и быть — я тебе дыма побольше подпущу.

— Зачем?

— Некоторые просят. Особенно те, что в первый раз. Как тебя объявлять?

— В смысле, как меня зовут?

— Твой сценический псевдоним!

— Мара?

Темноту закулисья, словно лазер, прорезал яркий тонкий луч света, пробивающийся сквозь дырочку в занавесе.

«Включили рампу!» — вспомнила Марина начало Ларкиного шоу.

— А сейчас, уважаемые дамы и господа, — бархатный вкрадчивый голос ведущего заинтриговал зал, — на сцене «Империи»... впервые... — голос понизился до интимного шепота, — мисс Мара-а-а... Мур-р... Ш-ш-ш...

«Нет!» — едва не вскрикнула Марина.

Занавес распахнулся, и она увидела, что сцена пуста. Ничего напоминающего стул не было на ней и в помине. Целый месяц она училась обращаться с этим предметом как с живым существом и до тончайших нюансов изучила, что можно выжать из этого зверя на четырех ножках с сиденьем и спинкой.

Сцена была залита мерцающим светом вращающихся зеркальных шаров. Звучала знакомая музыка. Все было именно так, как не раз Марина себе и представляла. Но никакого чувства, похожего на щенячью радость от исполнения мечты, она не испытывала. Только страх, делающий ноги мягкими, а все тело — ватным и непослушным.

Вдруг она поняла, как поступит, и шагнула вперед.

Медленно подошла к краю сцены, словно так и было задумано, и посмотрела в зал, который, как неизведанный океан, шумел у ее ног и жил своей, отдельной от нее жизнью.

Впереди за столиками на меня уже смотрят.

«Это мужской, мужской мир!» — пела Патрисия Каас.

Покачивая бедрами, Марина спустилась в зал. Луч прожектора неотступно следовал за ней. Шляпа

и плащ (старый отцовский «Штирлиц») вспыхнули стразами и блестками, старательно пришитыми портнихой. В своем костюме она была уверена, и, уже чувствуя что-то похожее на игру, направилась к столику, за которым сидели только мужчины. Все они, как один, смотрели на нее, как смотрит цирковой голодный пес на дрессировщика. Шелковый мужской галстук выскользнул из глубокого выреза плаща и обвился вокруг кисти, словно плетка.

За полшага до цели чья-то сильная рука развернула ее в сторону: Зубров, сидящий в компании двух хихикающих дам, насмешливо смотрел на нее.

«Доигралась?» — спросил кто-то сильный и трезвый, постоянно оценивающий ситуацию и присутствующий внутри нее.

«Молчи, зануда!» — мысленно ответила она и потянула Зуброва за галстук, наматывая на локоть. По выражению его лица Марина видела, что

он оторопел от такой неожиданной наглости. Но Игорю Петровичу ничего не оставалось делать, как встать.

— Давай! Давай, мужик! Не посрами флага!

— Главбух, ты куда меня тащишь? — оторопел Зубров.

— Поздно метаться, шеф! Возьми стул — и за мной! — приказала Марина. — Возьми стул, говорю!

Под одобрительные возгласы публики она поднялась на сцену вместе с Зубровым, ведя его, словно на поводке, за собственный галстук. Ко всему прочему он тащил за собой стул.

«Свободен!» — как только стул был водружен на середину сцены, указательный палец небрежно указал Зуброву обратный путь.

В то небольшое время, что оставалось до окончания, зал воспринимал каждое движение танцовщицы на ура.

— Еще! Мара! Во дает! Класс! — слышала она, уже стоя за кулисами.

Диджей объявил белый танец, и постепенно возгласы утихли. Свет на сцене погас. Скрываясь за пеленой белого дыма, Марина собирала части своего наряда.

— Для первого раза очень даже. — Белый протягивал пояс от «Штирлица». — Через десять минут — номер два.

— Мадмазэль шантлэ блю-ю-ю! — подпевала публика мадемуазель Каас и танцевала на столах.

Подойдя к краю сцены, танцовщица вытянула из кружевного бюстгальтера толстую сигару. Зал взревел от восторга. Табачный свиток скользил по гибкому телу, исполняя главную роль. Чулки, длинные полупрозрачные перчатки, волнующие движения рук девушки, ее смуглая кожа — все это было лишь декорациями.

«Здесь главная — я!» — утверждала сигара, то скрываясь в копне пышных волос, то снова появляясь в руках танцовщицы.

На сцену кидали деньги. Охранники стаскивали со сцены подвыпившего мужичка. Последние аккорды утонули в общем вопле восторга. Публика была в экстазе.

Когда Марина забегала в примерку переодеться, ее встречало дружное женское молчание.

— Поздравляю! Вечеринка, так сказать, удалась. Ты слышала, что о тебе говорят в «Ночном полете»?

Шукин с видом триумфатора наполнял Маринин бокал шампанским в баре «Империи».

— Почему ты меня не предупредил?

— Решил рискнуть, как в Лас-Вегасе. В том клубе публика не твоя: зачем лишние волнения. Тебя бы просто не заметили, не оценили по достоинству. Признаться, не ожидал такого успеха, да еще в первый раз.

Около входа послышалась какая-то возня.

— Я же предупредил: никого не пускать! — крикнул Шукин, но было поздно.

Словно на танке, сметая на своем пути охранников и пшикая им в глаза лак для волос, в зал ворвалась высокая роскошная блондинка в распахнутой шубе и стремительным домкратом направилась к их столику. В вырезе полосатой майки в обтяжку с надписью Lady колыхалась, как знамя, впечатляющих размеров грудь. Бар все отчетливее заполнялся удущающе-сладким ароматом парфюма.

— Что за дела?! Меня отвезли, как барахло, в какую-то задницу, а эту шлюху, — женщина-танк махнула рукой в сторону Марины, — в «Империи»? Ты же мне обещал! — навела она баллончик на Шукина.

Громко топая сапогами, как в голливудском боевике, откуда ни возьмись появились ребята в камуфляже и пошли на штурм разбушевавшейся красотки.

— Не трогай меня, холуйская морда! Руки, я сказала! — кричала она им.

Охранники после непродолжительной борьбы скрутили «леди» и выволокли из бара.

Пораженная увиденным, Марина вопросительно посмотрела на Шукина.

— Да, была интрига, кто придет первой. Нужна замена Лары. Я начал работать с несколькими девушками и остановился на вас двоих. В последний момент сделал ставку на «черную лошадку». В общем, рискнул.

Марина вспомнила, как Александр Семенович говорил: «Когда очень хочется поверить, что тебе говорят правду, дели на два — потом не ошибешься».

Венера в мехах — его любовница. Без сомнения. Ставки сделаны, ставок больше нет! Марина почувствовала сразу же на своей шкуре, что Шукин работает только с ней одной. Он гонял ее до изнеможения. Шел второй час репетиции.

— Тянись! Медленно! Еще! Представляй тело более длинным, вытянутым! Ты — змея: гибкая, красивая, опасная.

— Я не могу больше! — взмолилась Марина, которой казалось, что у нее не тело, а перекрученный, натянутый до предела нерв.

— Ты — змея, — невозмутимо и монотонно, словно заклинание, продолжал Шукин. — Твоя мама — змея, твоя бабушка — змея, и прабабушка тоже была змеей. Ну как?

— Здорово! — представила Марина переходящую из поколения в поколение врожденную гибкость, и телу возвратились мягкость и податливость.

— В качалке удели особое внимание косым мышцам и прессу. Всегда будь в форме, как будто ты в любой момент готова раздеться!

— А крыша не съедет?

— Остановим, не переживай! Кстати, каждый день надевай такое нижнее белье, как сейчас на репетиции. Ты — мисс Провокация! Не расслабляйся!

— Влад, откуда ты все знаешь?

— Дорогая моя, у меня были хорошие учителя. Кстати, то, что особь женского пола носит соответствующую одежду, еще не значит, что она — женщина.

— А что такое женщина?

— Ты смотришь на меня так, будто ждешь откровения. Ну что ж, значит, тебе пришло время задать этот вопрос! Женщина — это не что иное, как состояние. И ни возраст, ни внешность, ни характер тут ни при чем. Кстати, ты разве еще не заметила, что

я тебя здесь учу, как пользоваться тем, что у тебя и так в избытке? Кто знает, может, ты будешь второй Матой Хари?

— Она плохо кончила.

— Ей надо было всего лишь вовремя остановиться.

В пятницу вечером после трудовой недели народ по обыкновению развлекается в зависимости от толщины кошелька: радостно напивается на дружеской вечеринке, смазывает мазью лыжи, готовясь к здоровому образу жизни в выходные, долго и нудно тянет чашечку кофе в баре, надеясь снять кого-нибудь на ночь. А «Империя» в пятницу вечером подверглась осаде толпы любителей изысканного эротического зрелища.

Не успев насладиться восторженным воплем публики после окончания шоу, Марина и Шукин, который представлялся всем не иначе как продюсер, летели в ночной тур по клубам, появляющимся в Большом Петровске как грибы после дождя. За ними неизменно следовал кортеж поклонников клубной «клубнички», смакующих каждый эпизод шоу, словно дорогое виски.

— Не ожидал! — довольно кричал Шукин после очередного визита к директору очередного клуба, пряча в потайной карман пиджака свой растолстевший за ночь бумажник.

— Но мне благодаря всем этим ночным гонкам хватает только на костюмы, — попробовала возразить ему Марина.

— Костюмы — соль программы! Надо разогнаться: выкладывайся и вкладывай! Это инвестиция в твой же бизнес, в себя, в твой бренд! Платят за имя! Постоянно нужно что-то новое: костюм, жест, взгляд! Странно, что ты заговорила о деньгах: хлеба купить не на что? Кстати, рано или поздно с бухгалтерией придется расстаться. Нужно всегда быть в форме!

Марина как могла выкраивала время для занятий. Рано утром, еще сонная, она натягивала старые кроссовки и выбегала в утренний морозный сумрак. По пути следования тянулась вереница городских достопримечательностей: длинный забор школьного стадиона, закрытый магазин, улица с вереницей гаснущих фонарей, по которой возвращалась ночная заводская смена.

— Е...ть тебя по утрам надо, а ты все бегаешь! — слышала она реплики в свой адрес от проходящих мимо работяг.

— Кого принесла нелегкая? — Сквозь шум воды, наполняющей ванну, прорвался настойчивый звонок в дверь. — Не открою!

В дверь настырно трезвонили.

Увеличенная глазком чья-то и без того круглая физиономия расплылась по лестничной площадке.

И все-таки как он похож на плюшевого медведя!

На пороге, поедая Марину глазами, стоял Олег. Столкнувшись с вопросительным взглядом девушки, торопливо стащил с головы мохнатую лисью шапку.

— Нашел тебя в адресном столе, — он неловко извлек из-за пазухи небольшую коробочку. — Может, ты все-таки согласишься поужинать со мной?

Марина осторожно развернула тонкую бумагу. Живой цветок тигровой орхидеи, словно тропическая бабочка, расположился в лапах крохотного медвежонка. Черные глазки-бусинки поблескивали, подтверждая надпись на медвежьей маечке: «Я хошой».

Чтобы не заскучать в ресторане окончательно, Марина рассматривала спутника, делая вид, что внимательно его слушает. Олег так увлекся рассказом, что, казалось, не замечал откровенного равнодушия, сквозившего в глазах спутницы. Скрывая зевок ладонью, она пыталась развлечься.

Интересно, существует ли одежда, которая не смотрелась бы на нем, как банный халат?

— Тебе скучно? О чем ты все время думаешь?

— О том, как приятно получать зимой живые цветы.

— Я не очень галантный кавалер. Наверное, прозвучит глупо и банально, но нет на свете цветка, который сравнится бы с тобой.

— Да, достаточно глупо.

Перед тем, как сделать заказ, Марина вспомнила, что завтра шоу и наедаться не следует. Цепляя десертной вилкой то дольку апельсина, то виноградку, она отводила взгляд от подносов официантов, разносящих заказы к другим столикам, и делала вид, что совсем не голодна.

Вечер окончательно и бесповоротно испорчен.

Олег заказал такой же фруктовый салатик, быстро с ним расправился и устался на Марину.

— Поехали ко мне в мастерскую! Ты не подумай ничего такого! Я хочу показать то, что наверняка будет тебе интересно.

— Что же там интересного?

Голодная и злая, она не смогла скрыть раздражения.

— Твои фотографии. Отец был художником, вот я за ним и повторяю: «Моя мастерская».

Олег долго копался в замке тяжелой двери. Наконец дверь неохотно поддалась, и они оказались в знакомой студии.

— Они с матерью развелись, и он переехал в Москву с молодой женой. Благодаря его связям я училась в академии фотографии в Берлине. Мой кумир — Хельмут Ньютон.

Олег щелкнул выключателем. Один за другим за-
жглись софиты.

Всюду фотографии — на стенах, на столе, на полу...
Одна и та же модель. Марина с удивлением рассматри-
вала снимки: она себя такой еще не знала. Олег скло-
нился над столом и внимательно, будто в первый раз,
начал изучать женское лицо, изображенное на фото.

— Надо же! Идолопоклонство. Кстати, ты отдал
мне на конкурс не самые лучшие снимки.

— Как раскрывается твое лицо! Ты разве не ви-
дишь, каким капиталом владеешь? — Словно за-
гипнотизированный, Олег медленно перебирал
глянцевые фото и, казалось, был погружен в себя. —
Правильно, у тебя не лучшие снимки. А что, если бы
на конкурс явился профи круче меня и переманил
тебя? У каждого фотографа, если он хочет стать зна-
менитым, должна быть своя модель.

— Ты хочешь прославиться? Честолюбие — каче-
ство для мужчины совсем не лишнее.

Олег наконец оторвал взгляд от фотографий и
перевел его на Марину.

— Хотел бы предложить тебе вот что. В январе
стартует ежегодный конкурс «Девочка для плей-
боя», и я хотел бы представить тебя в качестве мо-
дели. С твоего разрешения, конечно.

— А кто будет оплачивать мою новую силиконо-
вую грудь?!

— Это не журнал «Плейбой»! Конкурс не имеет
к нему никакого отношения, туда можно представ-
лять любые фотографии женщин. Все зависит от
того, как снять. Подумай и... — Олег вдохнул пол-
ную грудь воздуха, будто перед прыжком в холод-
ную воду, и быстро произнес: — Выходи за меня за-
муж. Не перебивай!

— Ладно, — пожала плечами Марина, когда на ее
попытку возразить Олег отчаянно замахал руками,
словно угодил в прорубь.

— Мне нужна жена, но больше, чем другом, я ей
быть не могу. Мужик я никакой. Так уж получилось.
Ты дашь мне уверенность, а я тебе — деньги и сла-
ву. Обещаю, что наша жизнь не будет скучной, а ты
будешь независима. Никто не будет тебе указывать,
как жить.

— Ты серьезно?

— А что? Если все сложится, то усыновим ребен-
ка, или твой ребенок станет моим. Давай поможем
друг другу! Уверен, что тебе нужен такой человек
для жизни: талантливый и порядочный. Ну так как?

Или Олег ненормальный, или все в жизни так и слу-
чается: неправильно и быстро, все и сразу...

Каждый раз, случайно проезжая мимо «Бугро-
ва», Марина всегда старалась не смотреть в сто-
рону гостиницы. Но помимо воли взгляд выхва-

тывал какую-нибудь деталь из притягательного
пространства: новогодние украшения на фасаде,
сквозь распахнутую дверь виден освещенный мяг-
ким светом ламп коридор. Блеск утреннего солнца
отражается в полукруглых окнах. Она даже приню-
хивалась, пытаясь уловить запах кофе. Если про-
езжала вечером, то вглядывалась в освещенные
окна холла, теплый красноватый оттенок которым
придавали малиновые шторы. Вот и сейчас сквозь
пелену внезапно начавшегося снегопада из окна
такси Марина увидела, как большой темный джип
неторопливо притормозил и уткнулся в сугроб ря-
дом с крыльцом.

— Остановите!

Номера не его. А что если я спрошу?

Она взлетела на крыльцо и прежде чем открыть
дверь, в один миг представила себе картинку:

«Я к Максиму Ильичу.

— Его нет.

— А когда он будет?

— Сведений о наших постояльцах мы не даем.

Сто долларов ложатся на стойку ресепшен. Не
снимая с лица дежурной улыбки, администратор
переводит взгляд с купюры на Марину и, недолго
думая, прикрывает деньги папкой.

— Ничем не могу вам помочь. Его действительно
давно не было».

Ее пальцы лишь скользнули по тяжелой дверной
ручке. Марина развернулась и решительным шагом
направилась к ожидающему ее такси.

Сумасшедшая! Забудь его! Забудь!

Но воспоминания не оставляли ее всю ночь.

Начинаю все по-новому. Не оглядываюсь! Хва-
тит! Смотрю вперед. А что впереди? Стриптиз?
Плейбой? Со мной ли это происходит?

«Возьми, что идет к тебе в руки, — вдруг вспом-
нила она слова, будто услышала гипнотизирующий
голос Наумыча, — и делай это с блеском! Запомни —
с блеском!

— Но таких, как я, много!

— Делай с чувством, что ты — единственная!
Только ты!»

Марина встала и подошла к большому зеркалу.
Легкой тенью ночнушка легла у ее ног.

Вот это да! Как там говорит Щукин? «Ты — пред-
мет вождления всех мужчин, присутствующих в
зале». С ним невозможно не согласиться...

— Не пей столько кофе! Ну хватит же! Если ночью не
работаешь, спи!

Репетиция началась в пустом стрипбаре рано
утром, когда только-только разбрелись последние
посетители. Медленно, пошатываясь на нетвердых

ногах, словно мореные тараканы, любители праздника жизни ползли к парковке, поеживаясь от крепкого декабрьского морозца. Некоторых волокли на себе охранники, сдавая драгоценную ношу на руки личным водителям.

Утреннее солнце пробивалось сквозь тяжелые шторы. По залу витали рассеивающиеся облака ночного табачного дыма.

— Молодец! Еще подкачаешься — и все нормально! Начинай! Та-ак... Вживайся в эту музыку: медленная, тягучая, сладкая, словно ликер... Еще медленнее... Тянись! Делай тело более удлиненным, представляй его таким. Выгибайся... Играй... Кстати, у тебя есть загранпаспорт?

— А что?

— Если нет, то начни делать уже сейчас. Я снял тебя на видео как-то раз и отослал своему другу. Нас в марте приглашают в Crazy Horse на конкурс стриптизерш. Так что поедem в Париж. Ты что, от счастья язык проглотила?

Родители... Что я им скажу?

— Своей маме можешь сказать, — Шукин будто читал ее мысли, — что поехала к подруге в деревню! Сегодня в одиннадцать — «Империя», а потом — частная вечеринка. Я уже договорился. Еще раз сначала!

Выступление мисс Мары на вечеринках афишировалось в газетах. Только ее присутствие на празднике возносило фирму на другой, более высокий уровень в глазах конкурентов.

Вначале Марину очень смущало то, что она на расстоянии вытянутой руки от зрителей. Иногда они этим пользовались. Как-то раз с виду почтенный благообразный господин преклонного возраста во время танца схватил ее и, словно осьминог, крепко оплел руками, умудряясь запихивать ей в чулки валюту. Никто не ожидал от папаши директора банка такой прыти: стриптизерша с трудом вырвалась из цепких стариковских лап.

С тех пор на каждую вечеринку Марину стал сопровождать один из претендентов на звание «Мистер Монстр-Империя», габаритами напоминающий шкаф.

Часто после выступления подходили с откровенными предложениями составить нескольким гостям компанию.

— Мы же цивилизованные люди, исключительно для украшения общества! Не подумайте ничего такого!

«Не танцевать приглашают, и ежу понятно!» Марина отказывалась, ссылаясь на усталость.

Однажды на одной из вечеринок хозяин пригласил мисс Мару и ее продюсера в кабинет и открыл перед ними кейс. Такое зрелище можно было уви-

деть лишь в американских боевиках: нежно-зеленые пачки валюты. Чемоданчик долларов.

На обратном пути Шукин качал головой:

— Да... Меня не постеснялся. Соблазнительно, а? Стоит только раз взять — и все. Тебе конец.

Новый год пролетел незаметно: из клуба в клуб. Единственное, что запомнилось, — сквознячок за сценой и танец, исполняемый в энный раз будто в первый. Не было ни ожидания боя кремлевских курантов, ни предпраздничной суеты.

Знакомый до боли в висках пейзаж за окном. Метель гоняет по улицам обрывки подарочной бумаги. Принимая сигналы с далеких спутников, в небо тянутся заросли антенн на пятиэтажках. Сквозь белый вихрь проглядывают купола церквушки, покрытые новой позолотой. Россыпь мельчайших пузырьков в оконном стекле, чуть тронутым морозной росписью. В комнате Марины ничего не изменилось с тех пор, как в ее жизни появились салон-кабинет с китайским шерстяным павлином во всю стену, просторный коридор, ветки липы, царапающие окно залитой солнцем кухоньки.

Ветер пытается сорвать блестящую мишуру и гирлянды, развешанные под крышами ларьков, торгующих день и ночь всякой всячиной.

— В годы своей бурной молодости я даже не мог себе такого представить! — не переставал удивляться Шукин, останавливая машину у освещаемой тусклым фонариком будки, когда после ночного часа по клубам давало о себе знать чувство голода.

— Там есть все, — хрустел он горьким темным шоколадом, — от американского флага до французского нижнего белья! Ночью!

Марина вдруг отчетливо вспомнила Лару на кухне у родителей, когда пару лет тому назад никому не известная танцорша из «Никиты», возвращаясь после шоу, заруливала к ней в три часа ночи с абрикосовыми рулетами в руках и, не дожидаясь чая, начала задумчиво, отламывая по кусочку, поглощать их один за другим.

Голоса родителей тихонько переругивались, стараясь не разбудить спящую дочку, которая «соизволила зайти к ним аж на второй день после Нового года!». Аромат пирогов проник сквозь плотно закрытую дверь.

Марина с удовольствием потянулась.

— Ты стала другая. Красавица. У тебя кто-то есть? — с надеждой прозвучал вопрос, едва дочь переступила порог родного дома.

Марина обняла мать.

— Красавица... Ну и ну! Такое я слышу от тебя первый раз в жизни.

— В ушах-то как блестит! Неужели настоящие? Подарок? У тебя кто-то есть.

— Бижутерия, — небрежно вынула Марина из ушей бриллиантовые сережки. — Сама себе подарила.

Знакомую телефонную трель было слышно даже на первом этаже. Неторопливо открывая дверь, Марина вошла к себе и проверила автоответчик. Первый раз в этом новом году.

Непрерывные звонки от Олега. Теть-Катя приглашает зайти. Несколько раз звонил Пискарь и вешал трубку. Поздравление от Любы: с того самого достопамятного новоселья они так и не виделись.

«Кстати, — легкий укол по женскому самолюбию не заставил себя долго ждать, — Зубров не звонил. Ему не до этого!»

Директор «Оникса» стал часто появляться в «Империи» со спутницами, которые все как одна — молоденькие, очень красивые, одетые в самые дорогие вещи с городского рынка. Марину он просто в упор не замечал!

Не иначе как в нем проснулись отцовские чувства. Щукин окончательно и бесповоротно взял курс на Париж. Фантазия и энергия «продюсера» не знала границ.

— Не расслабляйся! Для уровня этого города — да, ты первая. Но чтобы тебя заметили не только в России, нужно показать себя! Вперед, в Париж! Возьмем штурмом «Бешеную лошадку»!

В бухгалтерии замечали, что с Мариной происходит что-то из ряда вон, и поэтому ее заявление по собственному желанию никого не удивило.

— Давно пора, — прокомментировал Владислав Наумович, с каждым днем и часом становясь к ней все более требовательным. Как-то раз он внезапно нагрянул к ней и собственноручно произвел осмотр ее старенького, но продолжающего старательно выработать холод «ЗиЛа». Только зеленые овощи, фрукты и куриные грудки имели право появляться в его алюминиевом чреве.

Вначале было непривычно: не нужно идти куда-то каждое утро. «Можно поваляться», — потягивалась она и как только вспоминала, что нужно было сделать, вскакивала с постели.

Тренажерный зал — как дом родной. И так каждый день.

Далее по расписанию значилась портниха, более или менее соображающая, что он нее хотят. Но она жила на окраине города, и ежедневно приходилось ездить на примерку. Щукин взялся за обучение своей протеже основательно: он требовал не только совершенства в каждом жесте, но и неподдельных эмоций.

— Если бы актеры на сцене переживали все, что требует от них роль, то через год-два — на свалку, — раскрывал он некоторые секреты актерского мастерства.

Каждый день Марины заканчивался шквалом аплодисментов, но несмотря на это всякий раз с замиранием сердца она слушала первые аккорды мелодии: волнующие синкопы медленной и тягучей, словно сладкий ликер.

Кому-нибудь удастся разглядеть этого самого любимого зрителя, или это очередная выдумка Наумыча?

Лица зрителей, дым сигарет, блики зеркального шара — непременно атрибута каждого ночного клуба, — сливались в одну блестящую, как фольга, картинку.

Иногда во время выступления, словно молнии, неожиданно проскальзывали в памяти откровения Щукина.

— Они платят за обман: ты даешь им то, что хотят видеть, — чувственную, роскошную женщину, готовую отдаться им немедленно, — открывал он все новые и новые тайны мастерства. — Она всем телом обещает наслаждение. В зависимости от музыки она то приглашает, то дразнит, то требует. Желает, чтобы ее взяли! Немедленно! Стоит лишь руку протянуть! Иллюзия!

И раз... Взгляд... Жест... Чуть влажная от волнения ладонь скользит по бедру... Какая гладкая, нежная кожа... Поворот... Взгляд... Взмах... Словно бабочка села на плечо и шевелит длинными усиками... это непослушная прядь волос выбилась из прически... И два!

— Ты — картинка, которая движется! Слушай музыку, играй! Получай удовольствие от своей же игры! К твоим волосам так и хочется прикоснуться, твоя кожа — бархат. А груди! — увлеклся Щукин описанием женщины-мечты. — Если их сжать, то брызнет сладкий сок — они так похожи на спелые персики! Как говорится, он увяз в ней по самые уши? Вот примерно до такого состояния ты доводишь всех присутствующих в зале со сцены. Они, кстати, сами уже хотят этого, раз пришли и смотрят. И как это тебе удается?

Марина решила промолчать о том, что иногда пользуется подслушанными советами стриптизерш из «Никиты», прошедших через портовые кабаки на Кипре.

— Соски торчат, трусы мокрые — вот что нужно этим одноклеточным! На это только и смотрят! — откровенничали они между собой. — Можно подумывать, что их пивные животы и зеркальные лысины кого-нибудь заводят. Короче, берешь лед и прикладываешь к соскам! Ну как? Торчат?

— Будь искренней, — прерывая свои хвалебные оды образу, созданному его подопечной на сцене, Щукин конкретно и по-деловому учил Марину все новым тонкостям. — Вспомни то, что вызывает желание у тебя. Помнишь наш самый первый разговор?

Чувство желания... Морозный вечер, жаркая печь, продолжающий гореть в восковом мареве темный фитилек расплавленной свечи... Густой аромат красных роз... Это все детали... Не то...

Стоило ей только вспомнить подвижную тяжесть мужского тела, как желание горячей змейкой проползло внизу живота. Жаркие губы, язык, которые успели добраться до всех укромных уголков ее тела. Нетерпеливые покусывания сквозь тонкое кружево бюстгальтера.

Постепенно перед ней вставали все новые и новые подробности ночи, которую она так долго и старательно хотела забыть. Память тела подбрасывала ей воспоминания одно за другим: все живо, ярко.

— Ну как? — голос Щукина возвратил ее на репетицию. — Вижу по тебе, что получилось. Поняла настрой?

Чувство, сравнимое с джинном, высвободившимся из своей древней лампы через тысячу лет, охватывало ее на сцене. Это было настолько осязаемым: ходит по улицам, разговаривает, делает миллион ежедневных привычных вещей одна женщина, а на сцене, которой надо отдать несколько минут жизни, сопровождаемых музыкой, рождается другая: женщина, в совершенстве владеющая магией соблазнения. Жрица, служащая идола соблазнения. Чувство свободы и власти над зрительным залом заканчивалось, лишь только она переступала порог гримерки. Великолепная мисс Мара превращалась в Марину.

То и дело охранники отбивались от вездесущих любителей сплетен и скандалов — представителей бульварной прессы или телевидения. В ответ на молчание, игнорирующее их бесстыжие вопросы, в газетах появлялись интервью с мисс Марой — откровения о сексуальных пристрастиях и подробности интимной жизни. Персонажами, разделяющими с Мариной плотские удовольствия, были то Щукин, то хозяин «Империи», охранники, то все сразу во всевозможных комбинациях.

— Это же полный бред!

— Это реклама, — поднимал с пола Щукин клочки газет.

— Пойдем пообщаемся, — приглашал Марину хозяин «Империи» в небольшой зал для частных клиентов.

Пока они сидели в баре, Медведь молча пожирал глазами девушку. Затем оставлял на барной стойке конверт «Марина», в котором неизменно лежали

пять самых достойных нежно-зеленых купюр, и ни слова ни говоря уходил.

— Как на этот раз он тебя созерцал? — иронизировал Щукин. — Было у меня подозрение, что он эстет, но не до такой же степени. Вот к чему приводят вояжи в Японию. К сожалению, не пришлось мне в жизни полюбоваться тамошними гейшами. Говорят, впечатление — незабываемое!

Приватное общение привело к тому, что мисс Маре был предложен контракт с «Империей» на год, костюмы, гримерная, такси оплачивается заведением, зарплата в зеленых с тремя нулями.

Марина была приятно удивлена, но Щукин остудил ее своим всегдашним скепсисом.

— Знаешь, сколько сейчас стоит приглашение в «Империю»?

— Не может быть... — прошептала Марина.

— Что-то произошло?

Щукин сиял. Он появился на репетиции с небольшим свертком в руках, улыбающийся и помолодевший.

— Что это? — Марина удивленно перебирала полочки легкой и прозрачной ярко-красной шелковой ткани. На дне бумажного свертка позванивали тонкие браслеты.

— Твой новый костюм и моя новая идея. Насколько новая, настолько и древняя. Если сможешь воплотить то, что я от тебя хочу, и поймешь меня — Париж у наших ног. Серьезно.

— Как это надевать и снимать? — вертелась Марина перед зеркалом, пристраивая куски ткани.

— Завязать и развязывать.

— Не понимаю... Пять узких, как шарфы, и два широких полотна.

— Танец семи покрывал.

— Ого! И голову кого я должна попросить после танца? Это ведь знаменитый танец Саломеи?

— Там, кто наверху, пусть простят меня за богохульство! — с шутовским видом сложил он ладони на груди. — Но если бы Иоанн Креститель мог зреть своими глазами этот танец падчерицы царя, молодой и прекрасной, то понял бы, что лучше и красивее этого он уже ничего в жизни не увидит. Как мужчина я в этом уверен.

По коже от соприкосновения с холодным шелком бежали мурашки.

— Представь! Саломее, совсем еще молодой девочке, — продолжал Щукин, — ничего не оставалось делать, как танцевать перед своим отчимом, соблазнять его, чтобы спасти себя и свою мать. Все уверенней в своей женской силе и спокойней, все откровенней и соблазнительней она сбрасывала один покров за другим и под конец танца уже знала, что

получит все, что пожелает. Тот, кто сидел на троне, со звериной силой желал обладать ею и готов был отдать ей полцарства, а может, и жизнь! Но она попросила всего лишь голову несчастного Иоанна. Все уже было кем-то решено.

— Нужна какая-то особенная музыка. — Марина один за другим нанизывала на руки браслеты, цепляла длинные звенящие серьги, все больше и больше погружаясь в воспоминания какого-то забытого чувства, будто все то, о чем рассказывал Щукин, происходило именно с нею.

— Вот! — Щукин метнул горящий взгляд. — Это может быть или «Энигма», или... но есть кое-что еще! Слушай внимательно.

Медные удары гонга, возвещающие о приближении шествия. И вот уже слышен шум процессии.

Глухие и резкие звуки труб. Сбивающийся на сильных долях, но четкий ритм: тум-тум — тяжело и важно ступают слоны. Бешеная россыпь тамтама: извиваются подобно змеям темнокожие танцовщицы в прозрачных одеяниях. Сверкают дамасские клинки на шелковых поясах обнаженных по пояс телохранителей восточного владыки, блеск смуглой кожи и россыпи драгоценностей, аромат мирры и сандала. Языки пламени масляных ламп.

Видение, как наяву, пронеслось и растаяло вместе с музыкой.

«Я сохранию это, — очнулась Марина, по-новому ощущая знакомую прокуренную тишину зрительного зала. — Теперь я знаю, где искать ответ на вопрос «Кем вы были в прошлой жизни?»»

— Танец живота или арабский танец. — Щукин, словно справляясь с наваждением, покачал головой. — То, что нам нужно, — перешел он на свой обычный иронично-саркастический тон. — Стоит тебе вызвать в каждом из мужчин, сидящих в зале, чувство, что он готов пожертвовать жизнью, лишь бы только увидеть твой танец — и все! Легко и просто! Считай, что благополучная старость тебе обеспечена. А обеспеченная старость не может быть одинокой! Начнем!

— У меня нет живота!

— Исправим! Двигайся по интуиции!

И вновь раздался удары медного гонга.

— Стоп! Ты крутишь попой из стороны в сторону, а это не самба в Рио-де-Жанейро! У арабских танцовщиц другая пластика. Сначала!

Зал затих. Медленно погас свет.словно тысячу лет назад, вдоль сцены — свечи в плошках. Удары гонга нарушают тишину. Вздрагивают клубы табачного дыма, плавающие над столиками.

Прозрачные покровы, стянутые замысловатыми узлами на бедрах, груди и талии, обволакивают фи-

гуру красной аурой. Звон тонких браслетов. Тело с наслаждением окунается в шелк и, повинаясь только ему одному ведомому ритму, начинает свой танец, вечный женский танец соблазнения.

Первое покрывало взмывает в напряженный ожиданием чуда воздух.

Нервная дрожь браслетов на щиколотках и запястьях сопровождает легкие шаги. Каждая клеточка ощущает тяжесть серег как иго, как бремя непреходящей женской красоты. Тело покачивается не в такт, словно шея верблюдицы, пересекающей пустыню.

Второе покрывало шелковой алой лужицей замерло у ног рабов.

«Я змея, моя бабушка змея», — вихрем проносится в голове, освобождая пространство для гортанных криков погонщиков верблюдов, вплетенных в канву мелодии, словно вещающих всему миру правду о губительной красоте и опасности женщины.

Третье покрывало, словно багровая дымка на закате, тает во тьме.

Обнаженные руки, гибкие лианы, скользят по телу, обвивают его, распаяя и рая воображение. Длинные шарфы, прежде чем расстаться с бронзовым, блестящим от пота разгоряченным телом танцовщицы, как бы случайно соскальзывают и запутываются между бедрами.

Четвертое покрывало растворяется в воздухе прерывистым дыханием на ложе любви.

Долгим и плавным движением, наперекор жаркому ритму, руки вытягивают прозрачный шелк, и...

Еще один покров красным языком пламени взвигается в раскаленный воздух и оседает мерцающим пеплом.

Бешеная скачка музыки. Каждое движение — как единственное и неповторимое.

В глазах добытчиков и охотников, воинов и полководцев, следящих за пурпурным, волнующимся силуэтом на сцене, полыхают костры.

Шестое покрывало полночным ветерком приближающейся пустынной бури овеивает разгоряченное воображение.

«Каждый ждет лишь взгляда, как приказа, я это чувствую... Чью бы голову на серебряном подносе попросить? Ты? Или, может быть, ты? Нет, слишком легкая добыча, мой преданный зритель! Мне нужен только он, тот самый, которого нет со мной, и я не знаю, будет ли...

Закружил бешеный вихрь пляски, и, наконец, дамасской розой цвета крови расцвел, подсвеченный лучом прожектора, седьмой покров.

Тишина...

Зажав уши ладонями, Марина бежала от сцены до гримерки по отдающей эхом железной лестнице: «Что угодно, но только не это!»

Сколько времени прошло с тех пор, как она села у трюмо и бессмысленно уставилась в зеркало, Марина не знала. Она постепенно пришла в себя лишь тогда, когда услышала шум с лестницы, проникающий сквозь толстую, обитую клеенкой дверь. Только она направилась к двери, как та вдруг сорвалась с петель и упала к ней под ноги.

— Что с тобой? Открой! — словно издали раздавался взволнованный голос Шукина.

Охранник, сопровождавший их на все внеклубные мероприятия, бывший спецназовец, невозмутимо потирал руки, будто ожидая привычной команды «уложить», «отключить» или «закатать». Медведь в своей неизменно расстегнутой гавайской рубашке подошел к Марине. В могучей лапе хозяйина «Империи» покоилась внушительная пачка зеленых.

— Еще.

— Да, суббота. Как сегодня? — звонок родителей прозвучал словно с другой, немного забытой планеты.

У Александра Семеновича — юбилей. Родители сразу отказались от приглашения, ссылаясь на неотложные, очень важные дела, и чтобы как-то сгладить неизбежные острые углы, возникшие между сестрами много лет назад, просили дочь зайти за подарком юбиляра.

Марина совсем забыла об этом событии, хотя давно приготовила свой подарок дяде: два серебряных позолоченных кубка с тонкой вязью филигрании по краям. Она так же, как и родители, не испытывала большого желания присутствовать на празднике из-за своих двоюродных сестер, с которыми за всю свою жизнь не обмолвилась и несколькими словами, вспоминая их высокомерные, пренебрежительные взгляды.

— Победа! Первое место! Возьми трубку, — раздался по всей квартире голос Олега, доносившийся из автоответчика. — Надо срочно увидеться!

Мимолетный взгляд Марины с удовольствием скользнул по отражению в зеркале: платье цвета темного французского вина обволакивает стройную фигуру.

— Надо срочно встретиться! — надрывался автоответчик голосом Олега. — Возьми трубку!

Зеленый огонек такси терпеливо ждал у подъезда. Успею!

Несколько капель «Фиджи» на запястье — и головокружительной высоты шпильки с легкостью вынесли ее в теплый и влажный мартовский вечер.

— Где ты пропадаешь? Ты хоть понимаешь, что это редкая удача? Получилось! — Олег метался по мастерской, как помешанный. — Вот! «Адамас»! «Полет»! А главное — La Perla! Ты хоть знаешь, что это за марка?

Вместо ответа Марина пожала плечами. Ей было неприятно оттого, что видит Олега принявшим «допинг».

— Без разрешения ты послал мои фотографии?

— Не куда-то, а на всероссийский конкурс! Темно-та! Главное — тебя заметили! Не сбавлять обороты! Извини, конечно, но упускать такую возможность я не хотел! — Он бросился к Марине и начал трясти ее за плечи. — Ты что сидишь, как будто не рада?!

— Не знаю, что тебе и сказать, — медленно поднялась девушка и направилась к двери. — Позвоню завтра!

В актовом зале университета закончилась долгая и нудная торжественная часть, посвященная заслугам юбиляра. Приглашенные с облегчением высыпали в коридор и теперь толпились около высоких дверей в банкетный зал, делая вид, что их совершенно не интересуют ломящиеся от изобилия столы.

Тетя с племянницей еле протиснулись сквозь толпу гостей. И молодые аспиранты, и солидные корифеи наук в открытую пожирали глазами супругу преподавателя и ее спутницу. Тетя дарила улыбки направо и налево.

— Хочу познакомить тебя со своей подружкой — свидетелем моей дикой и необузданной деревенской молодости. Сейчас вместо Малых Криуш только лопухи да ямы от колодцев — вся вода ушла, — журчала тетя, выискивая кого-то глазами в толпе. — Может, слышала от матери о Тamarке Сироткиной? А вот и твой дядя!

По мере того как Александр Семенович в окружении гостей приближался к ним, Марина в твердом уме и крепкой памяти, окруженная ореолом восхищенных мужских взглядов, вдруг судорожно начала вспоминать, как происходит такое общеизвестное действие, как дыхание. Сердце в груди отчаянно стучало, требуя очередной порции кислорода.

— Разрешите вам представить, сударыня, моего друга Илью Сергеевича! Весь Кавказ облазали с ним, когда были студентами. Покоритель вершин и женских сердец!

— Очень приятно.

— А это продолжатель славной династии любителей риска и опасности Максим Ильич!

Теть-Катя, будучи деревенской девчонкой послевоенных лет, по-женски мудро распорядилась подарком, который по неизвестной прихоти подкинула ей благополучная судьба, — знакомством на одной из

вечеринок с веселым студентом Сашуликом. Среди многочисленных поклонников, которые постоянно крутились вокруг женственной и нежной Кати, он не выделялся никакими ярко выраженными достоинствами. И все-таки... Может быть, удача благоволит тем, кто следует своей интуиции?

— Извини, Саша, — на ходу чмокнула она мужа в щеку. — Мы ненадолго оставим вашу дружную мужскую компанию.

— Но, Катя?

— Мы сейчас вернемся! — увлекла она племянницу за собой по коридору в одну из пустых аудиторий.

— Он? Впрочем, зачем я спрашиваю.

— Очень заметно?

— Ничуть! Твой сценический опыт тебе на пользу.

— Какая сцена?

— Если бы сама своими глазами не увидела тебя в «Ночном полете» — ни за что бы не поверила!

«Родители знают!» — Марина обмерла внутри, но не показала виду. Лишь только кровь предательски подступила к лицу.

— А смотрели вы вместе с тем брюнетом, высоким таким? Он, по-моему, с Александром Семеновичем работает?

Глаза женщины блеснули в сумерках аудитории, как у дикой кошки: в какую-то долю секунды она вдруг невероятно помолодела.

— Да... Заметила. Счет: один — один.

Она потянулась всем телом совсем по-девчоночьи и присела на краешек студенческой парты, исписанной вдоль и поперек откровениями о смысле жизни.

— Красивой женщине многое позволено.

Марина совсем не знала ту, что сейчас сидела напротив. В голосе тети появились какие-то звенящие нотки, и все, что она говорила, звучало необыкновенно завораживающе. «Как будто только что выели. В хорошем смысле этого слова!» — вспомнила Марина наивысшую оценку Щукина.

— Это какой-то рок. Ну почему снова Максим Самойлов? Знаешь, ты не оригинальна, ведь и мои дочери были в него влюблены.

— И из-за этого они не пришли к отцу на юбилей?

— Как взбесились! По очереди ездили к нему в клинику, когда он в самый первый раз разбился на гонках. Даже дрались между собой! Наверное, за право из-под него горшки выносить. — Женщина недобро усмехнулась. — Как же я врала их мужьям!

— Он гонщик?

Запотевшее окно остужало пылающие ладони.

— Ты не знала? Я не слишком разбираюсь во всех этих вещах, но говорили, что он участвовал в «Формуле-1». Высокая скорость, поворот... В общем, два года его собирали по кусочкам в швейцарских клиниках. Если бы не Илья. Он спас сына.

— Максим женат?

— Ты задаешь такие вопросы, будто с ним едва знакома!

— Так оно и есть.

— Угораздило же тебя! Про его личную жизнь я ничего не знаю: он всегда был очень скрытным. В прошлом году перед самым Новым годом ему сделали еще одну операцию: восстанавливали ноги, что за гонщик на костылях! Но неудачно: что-то не рассчитали с наркозом. Он долгое время лежал в коме, и только недавно, буквально неделю назад, нам сказали, что все худшее позади и Максим приезжает к Саше на юбилей. Гонки — это несерьезно, баловство. Илья готовит сына на свое место. Но нрав у обоих! Ведут себя, будто соперники.

— У него есть брат?

— У его мачехи есть сын. Ей было на руку, что бывший гонщик не вылезает из операционных. Думала, что сыну все достанется. Илья очень богатый человек, но пока делить он ничего не собирается. Конечно, оплачивает парням разные причуды: новый «феррари» или салон сигар в нашем захолустье...

— Жену зовут Тамара?

— Откуда ты знаешь? Та самая Тамарка, с которой я хотела тебя познакомить. Господи! Как бедно жила их семья! Вечно бегали семеро детей по деревне, все грязные, голодные, оборванные!

— Теть-Кать! Скажите что-нибудь дяде. Не обижайтесь на меня!

Эхо под высокими сводами аудитории откликнулось на дробное стаккато убегающих прочь шпилек.

— Марина! — раздалось вслед. — Не дай ему уйти!

— Мисс Мара!

Наумыч был навеселе. Он звонил ей после каждого субботнего шоу «на свежую голову».

— Сегодня — великолепно! Ты в прекрасной форме. Вдыхаешь?

— Ушам своим не верю! Ни одного замечания!

— Все прекрасно! Смотри не наешься на радостях. Помнишь, что нас ждет?

— Париж!

— Вот! И все-таки у тебя странный голос. Кого-то ждешь?

— Устала.

— Спать!

«Жду».

Короткие гудки в трубке, словно учащенно бьющийся пульс.

Ничем не нарушаемая тишина спящего дома казалась звенящей: ни звука, ни голоса, никого.

После звонка Щукина Марина всегда прокручивала в голове пленку своего выступления. Сегодня

она убедилась, что стала профессионалом: «Мне удалось скрыть, что на самом деле со мной происходит».

Провалившись в забытье на какой-то миг, она очнулась от шума шагов по лестнице и, забывая дышать, слушала.

На второй этаж... Нет... На третий, выше...

Шаги замерли у двери.

«Постучи! Ну позвони же! Да взломай же дверь, черт бы тебя побрал!» Секунда растянулась во времени минут на десять перед тем, как раздался долгий звонок.

Ухо у замочной скважины, казалось, было способно улавливать сигналы спутников, а не только шелест шин по улицам ночного города и скрежет льдин на проснувшейся от зимней спячки Большой реке.

— Кто там?

Мужской голос назвал ее имя.

— Я сплю.

— Открой!

— Я не одна.

Через минуту затрезвонил телефон, и определитель высветил номер нежданного гостя.

— Игорь, поговорим завтра!

— Нет, звезда моя! Сейчас.

— О чем?

— Не прикидывайся овцой! Все, кому надо, уже знают. Открой!

— До завтра!

За дверью послышался шорох.

— Высоко взлетела, но думаешь, твой полет вечен? Да этот старый педик Шукин променяет тебя на другую, как только ты станешь для него отработанным материалом! Ты не в курсе, случайно, какие бабки он на самом деле на тебе делает? Ты для него как курица: крошками покормил, а золотые яйца — в карман.

Черный длинный плащ — как крылья большой луночной птицы, севшей на насест. Едва различимый шорох мягкой кожи послышался внизу, под дверью.

Бультерьер устроился на коврике. Надо признаться, он во многом прав.

Марина сидела у двери с трубкой в руке, а прямоугольник высокого окна то вспыхивал, то вновь затухал в такт весеннему ветру, раскачивающему одинокий фонарь во дворе. В такт беспорядочным ударам сердца.

Внезапно в ночном мраке блеснули тонкие ветки, подсвеченные сильными фарами въезжающей во двор машины.

— Папиного сынка ждешь? Он никто без отца и зовут его никак. Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Давай я тебе клуб куплю! Будешь там сама девок дрессировать!

Слушая излияния Игоря, Марина скорее почувствовала, чем услышала, тяжелый хлопок входной двери и шаги, поднимающиеся по лестнице. Телефонная трубка заполнилась двумя мужскими голосами.

— Пойдем выйдем, — предложил кому-то Зубров.

На шум начавшейся драки отреагировали соседи, словно зрители, внимательно следящие за спектаклем за своими дверьми.

— Сейчас милицию вызовем! Да что ж это такое? Опять к этой б... пришли, спать не дают!

Чувства были на взводе. Марина крикнула куда-то сквозь дверь.

— Прекратите немедленно! — Голос утонул в холодном колодце темного подъезда.

Мужчины вышли из подъезда и направились к иномаркам, каждая из которых могла дать сто очков вперед любой другой в этом городе.

Это — он!

Оконная рама, плотно оклеенная на зиму толстым слоем бумаги, уступила сильным рывкам и распахнулась.

— Макс!

Машины, мигая красными огнями, одна за другой исчезли в арке.

Утром, еле дождавшись положенных девяти часов, раньше которых неприлично делать звонки, особенно в воскресенье, она набрала номер Шукина.

— Мариночка! — медовый голос Елки затопил слух приторной сладостью. — Он спит. Что-то случилось?

— Это срочно.

«Сама любезность», — вспомнила Марина «Хот», где Елка, не стесняясь в выражениях, подперев руками крутые бока, устраивала скандалы своему неверному супругу.

Наконец в трубке раздался голос, спросонья напоминающий голос Воланда.

В кафе рядом с детским театром на центральной площади несмотря на ранний час с трудом можно было найти свободное местечко. Утренняя чашечка кофе была очень кстати для мамаш, чьи чада, полные энергии в предвкушении спектакля, вскочили ни свет ни заря.

— Мама! Посмотри, какая тетя! — тянул мать за рукав маленький рыжий мальчишка, указывая на Марину. — Она артистка, да?

— Смотри-ка! — Шукин кивнул в сторону вихрастого ценителя женской красоты. — Понимает!

— Что делать, Влад? Он его убьет!

— Правильной дорогой идете, товарищи! Мужики сейчас редко из-за кого дерутся по-настоящему, чтобы морду в кровь! Ты выглядишь так, что тебя хочется украсть!

— Еще накаркаешь, хватит и мордобоя! Господи, ну где же он? Что мне делать? — Марина вскочила, пытаясь попасть руками в рукава пальто.

— Ничего. Не сегодня — так завтра объявятся: либо один, либо другой, либо оба сразу. — Шукин невозмутимо потягивал кофе с коньяком. — А вообще, я хотел тебе сказать еще кое-что.

Готовая сорваться с места, Марина обернулась, удивленная новыми нотками в голосе шоумена.

— Сегодня репетиция. Через десять дней нас ждет Париж. Подумай! Любит — не любит, плюнет — поцелует: это все пройдет. Ты сейчас не та, чем тогда, когда познакомилась с ним. Может, этот мужчина был своего рода мечтой о другой жизни? Интересной и обеспеченной? Сколько тебя знаю, ты всегда хотела, ты достойна большего. Может быть, ты сама об этом не догадывалась. Воображение у тебя богатое, вот ты и придумала себе сказку, которой нету.

— Откуда ты узнал, что он приехал?

— Сорока на хвосте принесла.

За ночь резко похолодало. Глаза слезились от сухой колючей пыли, которую взметал на асфальте резкий ветер, налетевший с Большой реки. Под ногами хрустел ледок. К стенам домов жались последние остатки грязно-серого мартовского снега. Марина почувствовала, что кто-то идет рядом.

— Илья Сергеевич?

— Любите гулять в холодную погоду?

— Да.

— Вы рано ушли вчера.

— Дела.

— Может, зайдём куда-нибудь, погреемся?

— Нет, спасибо.

— Как-то двусмысленно прозвучало. Извините. Я хотел сказать, по чашечке кофе?

В маленькой кофейне она усиленно делала вид, что о чем-то задумалась, и вскоре на самом деле осталась наедине со своими мыслями: сидела, помещивая ложечкой уже остывший кофе.

— До встречи.

Она очнулась, сразу не понимая, что обращаются именно к ней.

— Привет супруге.

У дома ее окликнули.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Хорошо.

— Пригласите войти?

— Звучит как приказ. Проходите.

«Держится как хозяин», — наблюдала Марина за тем, как Илья Сергеевич проходит в комнату, не разуваясь и не снимая пальто. Гость неторопливо разместился в кресле.

— Наша первая встреча была не из приятных. Во всяком случае, ни для вас, ни для меня. Но с тех пор я, признаюсь, интересовался, как складывается ваша жизнь. Я знаю, где вы работаете.

— ?

— Неожиданно было увидеть вас на вечеринке «Инкомбанка». Может, перейдем на «ты»?

— А зачем?

— Для меня противоестественно обращаться на «вы» к женщинам. А вы — одна из самых красивых, которых я видел в жизни.

— Спасибо.

— Вы бесконечно хороши, Марина. У вас в жизни сейчас удачный период, чтобы устроить свою судьбу так, как могут лишь немногие. Большинство ваших современниц и мечтать о таком не осмеливаются. Выбор за вами, стоит лишь только посмотреть вокруг.

— Молодой, красивый, богатый... Пусть даже умный! — Девушка устроилась в кресле напротив.

— Молодой — это обязательное условие? — Илья Сергеевич подхватил ироничный тон. — Неужели вам не интересны мужчины зрелого возраста? Старый конь борозды не испортит.

— Но и пашет неглубоко! А что? Похоже на то, что вы кого-то сватаете. У вас есть на примете старый богатый конь?

Гость Марины вытащил из кармана темного кашемирового пальто золотой портсигар.

— У меня дома не курят.

Илья Сергеевич, словно не слыша предупреждения, спокойно закурил.

— Кажется, я попала в точку.

— Ты уверена, что так, как ты живешь сейчас, будет всегда? Ты талантлива, не спорю. Что собираешься делать дальше? Открыть свой ночной клуб? Или школу экзотического танца, и тебе, чтобы набраться опыта, нужно будет путешествовать по странам? Молодой женщине нужна защита и поддержка...

— ...состоятельного друга, — закончила фразу Марина. — Островский. «Бесприданница».

— Все правильно. Одно твоё слово — и у тебя будет все. У меня нет времени на разговоры и букеты.

На журнальном столике появился сияющий чистотой помыслов хозяина белый бумажный конверт.

— Мне поддержка не нужна. — Марина легким щелчком задала конверту обратное направление. Тот скользнул по полированной поверхности. Не-

крупные, но сильные и властные мужские руки держали его скольжение у края стола.

Усмехнувшись, мужчина надорвал конверт. Белый прямоугольничек визитки спланировал на ковер.

Напоминающий тигра на охоте, Илья Сергеевич легко поднялся с кресла и направился к выходу.

— Если ты уже выбрала мужчину согласно твоим параметрам, то вычеркни из перечисленных слово «богатый». Ни черта не получит твой молодой, красивый, пусть даже умный.

— Да! Еще дома. Я такси возьму, не волнуйся.

Телефонный звонок застал Марину, когда она уже собиралась уходить.

«Наумыч делает вид, что все равно, а сам пасет, как бы я с крючка не соскочила».

Перед тем как окончательно выйти из дома, она бросила взгляд в зеркало и замерла, услышав звонок в дверь. Стараясь не стучать каблуками, она подкралась к двери.

Звонок повторился.

Жду. Это не он.

Звонки не прекращались.

Ждать — это уже моя привычка. А если опять не он?

Кто-то стоял за дверью и непрерывно, требовательно трезвонил.

«Только бы это был не он! Ты ведь не хочешь снова испытать боль, если он вдруг оставит тебя? — настойчиво шептал ей разум. — Такое не прощают. Не открывай! Оставайся свободной!»

Но по велению неразумного сердца она распахнула оказавшуюся незапертой дверь и тихо спросила тревожную полутьму вслед удаляющимся шагом:

— Максим?

Мрак подъезда ожил. Шаги зашевелились вверх по лестнице.

— Ты...

Разговор сух и холоден после разлуки, после жерла страсти, которое поглотило их, едва они коснулись друг друга. Оттаявшая лагуна стала вновь затягиваться льдом. Марина чувствовала это, но ничего не могла с собой поделать. «Сейчас бы завывать, как баба в деревенском сериале о настоящей любви, обнять любимку за ноги и не отпускать, а будет уходить — волочиться за ним по полу, — выдавало ее воображение одну картинку за другой. — Но не могу. Почему?»

Все ступени испытания на выживаемость пройдены: сводящее с ума ожидание, горечь отчаяния, боль, пустота в душе и надежда на то, что на выжженной земле прорастут новые всходы. Зачем ей эта встреча? Почему не искал? Почему не нашел?

— Приходил твой отец.

— Это многое объясняет.

В темноте соседней комнаты раздраженно замигал красный огонек автоответчика, требуя немедленного к себе внимания. Внезапно застеснявшись своей наготы, она, накинув шелковый халатик, как к спасительной соломинке бросилась к аппарату и нажала на клавишу.

«Не подводи меня! — Шукин был на взводе. — Жду в течение часа!»

«Возьми трубку или на глаза не показывайся!» — рычал уже разъяренный Воланд.

«Почему не отвечаешь, — умолял Олег, — у нас с тобой все получится!»

— Кто это? — внезапно спросил Максим.

— Фотограф.

«Звезда моя! Надо поговорить! — настаивал Зубров. — Возьми трубку!»

— А это вчерашний. — Максим закурил, располагаясь в кресле, где несколько часов назад восседал Илья Сергеевич. — Да, богатый улов!

— Ревнуешь?

Там, в темноте, где далеким маяком в ночном океане мерцал огонек сигареты, дышал тот, на встречу с которым она надеялась все это время. Но что-то останавливало ее, словно подсказывало ей не делать шаг первой.

«Я столько ждала. Сейчас торопиться больше некуда. Пережила одно расставание, — забытая заноза в груди неожиданно кольнула, — переживу и другое».

Шелк мягко соскользнул с плеча. Девушка прошла в спальню. Слово связанной невидимой нитью и осознававший это, Максим последовал за ней.

Она и не она. Обнаженная женщина, сидящая сейчас перед ним, несмотря на недавнее бурное сближение была бесконечно далека от той, которая жарче самой горячей печи, затопленной в мороз, страстно отдавалась ему той незабываемой зимней ночью. Помимо мягкого ласкающего взгляда, волнующего тела в ней было что-то жизненно ему необходимое. Это «что-то» с первой их встречи проникло в кровь, словно вирус, и заполнило его.

Он смотрел на нее и не узнавал: безвозвратно ушла хрупкость и беззащитность. В ней появилось что-то вечное и властное, как течение жизни. Вероятно, пока его не было, за это время с ней произошло что-то невообразимо серьезное, и ей должны были сделать полное переливание крови. Теперь под ее атласной кожей текла кровь сильных мира сего. Кровь яркая и крепкая, пьянящая, словно рубиновое вино в чашах монархов, вершащих судьбы стран и народов, не вставая с алькова.

Недоступная и свободная, словно сон, молодая женщина сидела на кровати и была словно из мира, где кипят шекспировские страсти, где ставка больше, чем жизнь, где бешеный калейдоскоп событий вращает рука судьбы. Его нет в ее жизни. Надо бы встать и уйти, но привычка идти до конца мешала ему сделать это немедленно.

Он и она молчали, словно предоставляя кому-то право решить все за них.

За окном светало. Осунувшееся за ночь лицо порозовело от восходящего над парком солнца. Поживаясь, она натянула на плечи плед и, обхватив колени, уставилась в окно.

Она мне нужна. И только она.

— Марина.

Легкие руки, словно быстрые ящерицы, нагретые на солнце, только и ждали сигнала, чтобы снова сплестись в неразмыкающийся замок. Скользнули по спине, пробежали по груди. Из-под льда провалился вулкан.

— Я люблю тебя... Люблю тебя, — шептали они друг другу, лишь только появлялась возможность вздохнуть, перед тем как жадно и исступленно задохнуться в новом поцелуе на вершине волны накатившей жаркой страсти.

Утреннее солнце затопило весенним теплом и светом кухню. Голуби, воркуя, царапали коготками жестяной карниз. Рядом звонко чирикали нахальные воробьи, деля между собой какие-то крошки.

— Доброе утро, моя радость. — Макс почувствовал присутствие девушки, обернулся и удивленно замер.

Она и не она. В распахнутом халатике, шурясь от яркого солнечного света, лениво, словно хищница после удачной охоты, Марина вошла в кухню и достала с полки эссендуки. Металлический кружок легко отскочил, поддетый скобкой на краю стола, и запрыгал по полу. Она припала к горлышку и жадно, большими глотками начала опустошать бутылку. Шипящая вода стекала с подбородка по шее, по ложбинке между грудями, по смуглому, чуть выпуклому животу... Взлохмаченные волосы, распухшие губы, синяки под глазами еще более заметны от осыпавшейся косметики.

«Потрясная мочалка!» — вдруг вспомнил Максим высшую похвалу женской «самости» у них в институте. Как давно это было!

Ему необыкновенно хорошо было сидеть на этой нагретой солнцем кухне, где почти большую часть пространства занимал огромный, но совершенно пустой холодильник. Белые тюлевые занавески трепетали от легкого сквозняка. В буфете — непарные чашки, разномастные хрустальные бокалы.

— Ты поедешь со мной? В Швейцарии жизнь спокойная, размеренная. — Максим, чтобы скрыть не-

ловкость от того, что он пялится на нее, как мальчишка, закурил. — Там даже на лавочках сидят медленно.

«Голый мужик в стильных очках курит у меня на кухне... Макс...» — Марина медленно вздохнула, боясь расплескать чувство переполняющей ее нежности, и запахла халатик. — «Как сказала бы про меня тетя-Катя, “она вся плавилась, томилась и вздыхала”».

— У меня... — расправившись с эссендуками, она, словно большая кошка, взобралась к нему на колени и завладела сигаретой. — Я могу подвести одного человека. Ты знаешь, где и кем я работаю?

Прохлада рук девушки, словно поток ручья, успокаивала жар его раскаленных плеч, стекла по спине и запуталась в поросли на крепких бедрах...

— Слышал. Это неважно. — Максим потер на плече след от укуса: мгновенно откликнувшись на легкую боль, желание не заставило себя ждать. — Мы поедем сначала в Москву, а потом, после регистрации — в Женеву.

— После регистрации? Куда? — равнодушно переспросила Марина, хотя веселые бесенята радостно запрыгали в глазах.

— Ты не согласна выйти за меня замуж? Ты сможешь отказать мне?

— Признайся, что ты меньше всего этого ожидаешь!

— Ах ты... Никому тебя не отдам! — Макс с силой притянул Марину к себе.

— Пусти! Дышать нечем! — хохоча, девушка вырывалась из крепко сплетенных рук.

— Кусайся теперь, моя любимая тигровая акула!

Белая фарфоровая чашка, задетая локтем мужчины, деликатно упала на бок, покачалась из стороны в сторону, словно раздумывая, и наконец рухнула вниз. Вдребезги. На счастье. Темный ручеек кофе стекал со стола.

Все осталось далеко-далеко, за стенами этой комнаты. Они были только вдвоем.

Но все-таки существовал немой свидетель всего, что происходило в комнате с тех пор, как на стену повесили ковер. Китайский павлин, шерстяной красавец, всю ночь тщетно вглядывался в темноту, но все самое интересное происходило в спальне.

«Вот это да!» — встрепелась уже готовая заснуть любопытная птица и устроилась на ветке удобнее, чтобы не пропустить ни одну из подробностей эротического сериала, разворачивающегося перед ней широким планом.

На телефонные звонки Шукин не отвечал. Оставалась вероятность встретить его там, где он обычно баловал себя дорогим коньяком в воскресенье утром, после шоу. Это был тот самый редкий слу-

чай: Шукин один, без свидетелей, сидел за столиком в баре «Империи», потягивая «Курвуазье».

— Я же сказал: на глаза мне больше не показывайся.

— Влад! Давай поговорим!

— О чем? У нас не было с тобой контракта. Собралась замуж — скатертью дорога! — Шукин сделал большой глоток и вздохнул. — В тебя столько вложено.

— Была и отдача!

— Ты подсчитываешь минутную выгоду. Это ничто по сравнению с тем, что тебя могло ожидать в будущем. Ты вправе выбирать, как, впрочем, и Лара. И вообще, тебе лучше сейчас уйти. Не уйдешь сама — позову охранников.

— Влад! Не думай, что мне легко.

— Вот! — Шукин наконец посмотрел на Марину. — Потом будет еще тяжелее. Мне ли не знать женщин! Как ты собираешься жить дальше после того, испытала такой сумасшедший драйв? Ты сможешь жить без сцены, без зрителей? Как банальная домохозяйка?

— Другие живут — и счастливы.

— Даже твоему поколению успели вбить в голову, что каждый человек — один из многих и ничем не отличается от других. Скромность, сударыня, украшает лишь тогда, когда нечем прикрыть наготу!

По волшебному щелчку пальцев из ниоткуда материализовался официант, который тут же наполнил пузатый теплый бокал золотисто-темным крепким напитком.

— Ничего, — сделав очередной глоток, Шукин зажмурился. — Твоя мама, которую ты так боишься расстроить, будет довольна. Пристроила дочь! Главное — удачно выйти замуж!

— Не могу понять твой издевательский тон.

— Собралась жизнь вполсилы прожить? За спиной мужа или любовника? Не выйдет! С тобой этот номер не пройдет.

— Твоя Елка, между прочим, очень довольна тем, что живет вполсилы.

— Речь сейчас о тебе. Никогда не сказал бы, но сейчас особый случай. Не с целью, чтоб тебя удер-жать. Если уж ты решила... Живи, как хочешь.

Шукин поднял бокал и стал рассматривать содержимое, подсвеченное пламенем восковой фигурки голой дамочки, расплавленной до самых аппетитных коленок.

— Ты сильная актриса, Марина. Врожденное чувство сцены. Харизма. Я тебя еще на пробах в Нот заметил.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Только то, что сказал. Ты сопротивляешься самой себе.

Широкий бокал нагрелся от пламени свечи, и аромат коньяка просочился за его тонкие стеклянные стенки.

— Влад, дорогой мой! Спасибо тебе за то, что ты для меня сделал. Ты лучший, единственный, неповторимый.

— Заканчивай быстрее эту сентиментальную чушь, — оборвал ее Шукин. — Я уже скучаю.

— Но рано или поздно наши пути бы разошлись!

— Значит так, — Шукин поднялся и, стараясь удержать равновесие, вцепился руками в край стола. — Завтра я жду тебя на репетиции. Но только завтра. Или никогда.

Оставив позади лабиринт улиц старого города, залитый утренним солнцем мост через сонную реку, покрытую растрескавшимся льдом, такси мчалось по пустому проспекту. За окном проносились микрорайоны: остановка автобуса, школа, магазин, однотипные хрущевки. Серое здание железнодорожного вокзала, словно полипы, облепили торговые палатки. И снова: остановка, магазин, пятиэтажки.

Париж... Всего лишь год назад я бы уже обгоняла такси, если бы знала, что меня ждет Максим.

— Почему он, а не я... — вздохнул немолодой водитель.

— Простите, что вы сказали? — Марина очнулась от дум и поймала его взгляд в переднем зеркале.

— Почему он, а не я... Тот, к которому ты так мчишься...

«Что делать? Как поступить?» — поднималась она по ступеням домой, так ничего и не решив.

— Макс! — позвала она с порога.

Тишина.

На вешалке в прихожей лишь сломанный зонт.

Ушел!

«Я тебе больше не позволю!» — усмирила она усилием воли занозу, которая снова напомнила горячим уколом в груди о своем существовании.

Вдруг вздрогнула от неожиданности. Теплые ладони закрыли глаза. Шею защекотали поцелуи.

— Макс, — развернулась она, вдыхая уже родной запах. На одном дыхании, словно из самого сердца, вылетели слова: — Я люблю тебя и буду твоей женой... И через неделю я уезжаю в Париж.

Марианна ТАРАСЕНКО

Кое-что о Марианне

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске, в младенческом возрасте эмигрировала в Таллин, где благополучно выросла и прожила всю свою сознательную жизнь. По свидетельствам очевидцев, как только научилась говорить, сразу начала всех поправлять и поучать и так допекла этим родителей, что по окончании школы была принудительно отправлена ими на филологический факультет Тартуского университета.

Получив диплом по специальности «филолог-русист, преподаватель», продолжала удовлетворять пагубное пристрастие к поучениям, работая сначала учителем в школе, а затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После того, как в начале 1990-х кафедру — за ненадобностью «языка оккупантов» — ликвидировали, еще пять лет проработала в школе. Распрощавшись с педагогической деятельностью, занялась журналистикой, по-прежнему продолжая поправлять и поучать все и вся уже со страниц газет, а в устной форме — коллег, которые относятся к этому снисходительно: как к неизлечимой, но не особо опасной форме душевного заболевания.

В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

ШПИОН, УКРАВШИЙ ОТРИЦАТЫ, И НЕГАТИВНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Заимствования могут мирно уживаться в языке с его «родными» словами, к которым они являются синонимами. Но здесь стоит вспомнить, что синонимы — это слова не только одинаковые по значению, но и близкие. И это означает, что далеко не во всех случаях можно заменить один синоним другим. Вот, например, слова «грустный» и «печальный» — синонимы практически чистые. Музыка, настроение, история, стихотворение, взгляд, финал — все это мы можем назвать и грустным, и печальным (правда, происшествие мы, скорее, оха-

рактеризуем как печальное, но это уже стилистические тонкости).

Слово «унылый» тоже является синонимом к этим двум словам, но по значению оно им не идентично, а всего лишь близко, и, скорее, тяготеет к слову «скучный»: тоже синониму к «грустному» и «печальному», но синониму контекстуальному. Например, опечаленного человека мы можем озадачить вопросом «ты что такой скучный?», но в принципе существо грустное и существо скучное — далеко не одно и то же. Глядя на ноябрьский пейзаж

за окном, мы можем назвать его и скучным, и унылым, и печальным, но скучный рассказ и грустный рассказ — разные вещи.

Но вернемся к нашим баранам. В последнее время мы явно злоупотребляем словами «позитивный» и «негативный», хотя в русском языке есть отличные слова «положительный» и «отрицательный». Обе эти парочки успешно сосуществовали в нашем языке немало лет без всякого ущерба друг для друга, но теперь что-то стряслось: то у нас динамика позитивная, то ответ негативный. Процесс односторонний — наступают заимствования. Но при таком раскладе возможен предсказуемый результат: обидятся славянофилы и вместо «позитив» и «негатив» начнут активно употреблять новообразования «положит» и «отрицат».

Давайте сравним словосочетания «положительное отношение» и «позитивное отношение». Допустим, к жизни. В первом случае это, скорее, будет означать, что человек в принципе приветствует жизнь и не собирается агитировать народ в массовом порядке наложить на себя руки, а во втором — все же оптимизм. То есть слова эти являются синонимами, но «положительный» в данном контексте означает

просто утверждение жизни, а «позитивный» — что-то хорошее. Подчеркиваю: в контексте. Герой литературного произведения «позитивным» быть не может.

И если термины фотодела — именно «негатив» и «позитив», то математика все же оперирует словами «положительный» и «отрицательный», а их заимствованные синонимы не ассоциируются у нас со знаками «плюс» и «минус». Короче, синонимы в данном случае не являются взаимозаменяемыми, а когда употребляются с одним и тем же словом, то смысловые оттенки меняются.

Поэтому стоит запомнить, что положительными или отрицательными могут быть: ответ, заряд, герой, отклик, отзыв, динамика, результат, ресурс-фактор, реакция (например, на прививку). А негативными или позитивными — взгляд на вещи, фон, налог, реакция (например, на заявление политика). Негативным, кстати, еще может быть бюджет, но при этом не стоит говорить «позитивный бюджет». Это не гримаса кризиса: антонимом к «негативному бюджету» в большинстве случаев является просто «бюджет», без всяких определений.

Однажды зимой я родился во Мценске. Какой-то весной видел огромное наводнение на Зуше. Некоторым летом узнал, что есть орел и решка. Следующей осенью пошел в первый класс. Хотя у меня был хороший костюм и фиолетовые гладиолусы, я сильно волновался в тот первый день сентября. Подбросил монетку, советскую, пятикопеечную. Решка обещала, что все будет хорошо. Так и было — все одиннадцать лет. Перед поступлением в Литературный институт я очень боялся и сомневался во всем. Давно потерялась прежняя монетка — подкинул новую, хотя тоже копеечную. Выпала решка. И вот совсем недавно стал выпускником. Я уверен, что все сложилось хорошо. Если и было порой мучительно грустно, то монетка в этом не виновата, ведь она, в конце концов, ничего не решает...

...Что-то невысказываемое находится по эту сторону век. Можно говорить стихами, можно говорить прозой — в любом случае результат будет один: попытка бегства из стен самого себя провалится. Бессмысленно желание произнести сокровенное, вынести уставшую в заключении душу на свободу, к людям. Одинокaя камера сплошь — стены, но если снять с кирпичей решетку рифм и размера, то есть шанс обмануть себя, что за ней откроется окно наружу, ведь можно верить в то, что глаза видят мир, какой он есть, а рот говорит то, что хочется сказать.

Павел Терехов

ДВА РАССКАЗА

Рисунок Юлии Спасовской

НЕДОДУМАННЫЕ МЫСЛИ

1

Вышел в остывший пятничный сумрак, подсвеченный разноцветным электричеством, втиснулся в людскую гущу и медленно движется, движется, плетется к своему тихому жилищу. Там, за стеклом окон, тепличная тишина. Там, в окружении матовых ламп, родная однородность интерьера. Там, в предвкушении нежного прикосновения, мягкая плоть мебели. Там, сосредотачивая на себе окрестный уют и освещая предметы тонким светом утешения, ждет ласковая жена. Вот она уже выступает изящным миражом из тумана будущего.

2

Как же вкусно жена готовит мясо. В животе легкая тяжесть. Вечернее рассеяние воли обещает остаться до понедельника.

В округлом свете под настольной лампой блокнот, неизменный жилец кармана.

«Сколько уже со мной этот блокнот? Столетие? Кажется, что родился с ним и живу давным-давно, медленно проползая сквозь время».

Вначале немного заметок школьного периода. Потом — пяток институтских записей.

«Сборник буддийских притч в твердой коричнево-красной обложке лежит на столе, ря-

дом — прямоугольные блики ламп. Обтянутая кожей кисть водит перед глазами ручкой. Краешком зрения схватывается вздрагивающий от насморка нос. Приятно расширяется тишина за окном: только что там перестали сверлить. Люди вокруг ведут себя совершенно обособленно: сдержанно жестикулируют и шепчут, а за кафедрой докладчица зачитывает доклад, думая, видимо, о чем-то не связанном с предметом и несвязном. Студенты не откликаются на вопросы преподавателя. Ее вопросы и замечания становятся риторическими. Гудение ламп, голоса, шорохи, покашливания висят разряженным воздухом. Розоватый свет неба стоит в стеклах рам. По эту сторону утра с неохотой создается обстановка».

«Как тщательно ни заворачивай свое мучительное одиночество в обертку бытовых забот, в фольгу фантазий или в бумагу вычитанных образов, одиночество беспощадно разорвет любые покровы, даже покровы, сделанные из живой ткани твоего сердца».

«Так есть, как это есть. Твой жест и твой взгляд проникли в меня и там живут. Иду через минуты, густые, как лес, иду с огнем души наперевес. Смотрю вокруг — будто мир живет в моей голове, и только ты — вовне. Ты за краем света. Где край лица, где край бровей, там часовой, там ров, граница, панцирь существа, в котором ты живешь одна. На что мне все внутри меня, когда там нет тебя, когда тебя там не будет никогда? Ты лишь мечта, хотя и рядом. Тебя сегодня встретил, смотрел в глаза и видел взгляд. Он светел был».

«Почему она опаздывает? Или она старательно замаскировалась, и близорукими глазами не удастся рассмотреть среди женских спин ее узкой спины? Нет, я бы заметил ее появление: если не включен свет, она зажигает его. А этим сумрачным утром лампы пока слепы».

«Выписать все, что есть в груди, выписать большими кусками, живыми и яркими мазками, выписать до дна, до конца. Что может быть желаннее? Что может быть доступнее и недостижимее? Берешь что-нибудь с внутренней стороны глаз, окрашенной в цвет памяти и предположений, и начинаешь писать, чтобы не быть потерянным в лесу невозвратности. Сосны мешают смотреть на горизонт, мелкие мушки вьются в жарком воздухе, молекулы газа жгут оболочку белков. Щурясь, вытирая слезы, близоруко топаешь, отталкиваешься от шершавых стволов. Раздавленные грибы издают удушливый запах. Страшно, что не выберешься, но деревья расходятся, и под резиновыми подошвами оказывается твердый и безоговорочный асфальт шоссе. Остается поймать автомобиль и доехать до ближайшего населенного пункта и там узнать, где твой дом, в кото-

ром ты сидишь, ушедший в себя и выдумывающий бесплотные фантазии».

Далее несколько страниц, исписанных мелким неразборчивым почерком.

3

«Ты хочешь куда-то идти, но выходишь из дверей и слышишь топот ног, и лязг слов, и странное бормотание воздуха. Кажется, что приближается очередная сфера неизвестности, спускаешься по лестнице — звуки усиливаются, мешая переставлять ноги. В голове тяжелеет желание идти, но в ботинках наливается непрístupное ощущение привязанности к месту. Звуки уплотняются до состояния свинца и отбрасывают назад. Волна непонятого и необоримого накатывает, потом накрывает полностью, затопляя все помещение, где лежишь и смотришь в тесное пространство потолка. Двери сломаны, и только на их восстановление уйдет несколько лет. Когда они будут сделаны, ты снова двинешься из своего убежища, из своего теплого и замкнутого жилища, где небо заколочено стеклом, а земля прибитая гвоздями и застелена линолеумом.

Прибитая земля набирает в суставах усилие отправиться по своей траектории, заложенной в генах судьбы, но железные шпильки, железные пальцы держат крепче внезапного приступа тошноты. Усилие накапливается в щиколотках, в коленях, в бедрах — кости ломит от попыток сдвинуться, шагнуть во всю ширину взгляда, во всю заоблачность мысли, кости ломит от скручивающихся в тугую спираль витков потенциальной жизни. Витки напоминают кольца под корой дерева: срез показывает число не прожитых периодов, не осуществленных оборотов. Сделанное из ствола первое колесо катилось само, набирая скорость, пока не столкнулось с невозможностью вечно быть колесом и не раскололось от удара.

Прокручивая в голове нескончаемую мысль, поднимаешь ногу в черном ботинке, стираешь с него пыль, отряхиваешь со штанин пух разлетевшейся по воздуху надежды и записываешь на бумажке новое имя и новый сценарий. Из букв должны получиться слова, из слов должны родиться образы, из образов — люди и положения, увидев которые ты вздохнешь и закроешь глаза, сказав, что увидел то, что хотел. С листком в кармане пиджака переступаешь порог, но внизу нарастает гул, сверху опускается густое встревоженное скрежетание. Мгновение — и все застилает дым, разъедающий глаза, опаляющий ресницы, обжигаящий щеки. Пробирается сквозь боль и воплощающийся в пламя дым нет возможности. Противогаз уже придуман, фильтрация воздуха раз-

работана до мелочей, детали досконально записаны, но теория не помогает, а практическое средство оказывается бессильным. Отступаешь, спотыкаешься и падаешь. Стонешь от отчаяния и от чувства перебитого бедра. Врачи как будто вездесущи, но никто не откликается, даже совет никто не дает, никто не протягивает руку, никто не смотрит. Возвращается прерванное молчание. В углу кусок толстой деревяшки. Бросить его в окно с привязанным листком, где просьба о помощи, где на другой стороне план жизни, график становления человека, мечта вхождения в общее существование. Листок, деревяшка, окно — все на месте, но место где-то не здесь.

Остается ждать и надеяться, что когда срastутся под кожей осколки, еще будут силы сделать третью попытку».

4

Немноголюдный вагон подземки. Проехать от дома несколько станций, чтобы долго добираться пешком обратно. Солнечной субботой в метро столько же света, как в любой другой день.

Поодаль, на сиденье возле дверей, сидит девушка в красном платке. Тонкие черты лица. Гладким полумесяцем выглядывает каштановая челка из-под платка. В воздухе мерцает слабый запах облепихи, пощипывая память.

5

Кому-то встретившийся и кого-то миновавший, бредет по узкой улице. Смотрит на небо. Смотрит под ноги. Глядит по сторонам. «Сколько осталось на земле призраков... Сколько невысказанных мыслей лежит по карманам людей... Редко думается важное. Много мгновенной чепухи выходит из головы, словно ветер развеивает волосы. Хотя книгопечатание уже началось... В прошлом люди ходили по деревянным мостам. Музыка играла под водой...»

Из-за блестящего окна слышится ссора.

За пазухой ощущается блокнот. Слишком недосказываемые понятия хранятся на бумаге. «Некоторые смотрят поверх глаз», «Куда мне быть?», «Желание выглядеть»...

Пожилые супруги сидят на ярко-зеленой скамейке, перебирают ветхие фотографии. «Нет ничего снаружи, что было бы им близко». С грохотом проехал грузовик.

В мыслях ворочаются жирные коты. Маслянистый солнечный свет перемазал руки, лицо, шею.

Дома предпринял мытье себя водой. Высохнув, подошел к виду с застекленного балкона. Рамы стягивают небо, как ребра чахоточную грудь. В комна-

те компьютер гудит пискливым кодом. В тамбуре дети хлопают дверьми и кричат: «Слышно!» или «Вышла!» — не разобрать среди густоты воспоминаний. «Сколько бы ни смотрел на портрет умершего, не вспомнить, о чем он думал».

Где-то в области правого виска разворачивается сцена прощания с матерью. Она подает что-то завернутое в платок. Резко звонит телефон. Это извне доносится. Внутри все тягуче и грустно. Платок жалобно серый. На щеках матери розовые пятна. Слышалось бы теперь гудение поезда... но поезд стоит и не гудит. Тяжелыми шагами ходит по перрону сотрудник невыясненного учреждения, всех поголовно рассматривает, у некоторых отбирает вещи. Медленно дыхание перекачилось в сторону. Торопятся люди, спотыкаются, оборачиваются...

Вошел в комнату. Пустое зеркало смотрит в глаза, притворяясь, что понимает внешность. За стенами дома опускается вечер. Удушливое движение разворачивается на километры вокруг. А где-то не здесь в эту пору на постаменте тихо, будто ничего не происходит.

6

На улице заморосил оперенный в красные лохмотья холод. Опустошенные глаза смотрят вниз, на асфальтовые дорожки. Сыро. Едва солнечно. Улавливается запах беспокойства. Прямо под ногами скрип привычного пространства. Если зажмуриться, то можно подумать о чем-то веселом. Снизу машет рукой пухлый ребенок, деревья одобрительно качают кронами. «Первые вздохи раздаются под тенью первых ожиданий».

Сзади подходит родной человек, шепчет на ухо об ужине. На десерт розовый зефир.

Плачет неизвестная птица. Хочется ее слушать — есть хочется больше. В кармане халата блокнот, где сегодняшний список недодуманных мыслей. Скоро ложиться спать — новый день не принесет решения, потому что импульс мыслей угаснет: бодрый, но пугающе невчерашний отправишься гулять по городу, зайдешь в воскресный магазин, купишь фетровую шляпу, дашь монетку бедняку, улыбнешься соседской собачке. Так много еще остается времени до наступления будущего. Хочется закурить, чтобы не ждать так долго, чтобы скоротать время, чтобы отвлечься.

В третий раз из глубины квартиры доносится ласковый голос об ужине.

Шаркая и сглатывающая тягучую слюну, отправился на кухню. Съев кусочек говядины, можно выдумать, сколько еще придется длиться тесному переулку надежды. Можно ли что-то изменить?

Сел за стол. Смотрят тревожные и такие родные глаза жены. Она протягивает руку, гладит по щетинистому лицу. Выговориться не получится — остается улыбнуться и сказать что-нибудь приятное. На щеках любимой краснеет ощущение тревоги. «Разве можно ее мучить своими глупыми предубеждениями и теориями? Ей незачем думать о том, что я думаю. Пусть призраки остаются там, где есть, — в моей голове».

Говядина жирная, сочная. Салат такой зеленый. С чего бы ему не быть зеленым? Кот сидит в дверях, наблюдает: смотрит, как едят люди.

Разбитое стекло может поранить. Сам взялся подмести.

«Милый...» — начинает она.

Поцеловать ее и успокоить.

Свет редеет, совсем скоро жена включит лампу. «Людям удалось создать свет, а я все чем-то мучаюсь».

Стены стоят. Осколки звенят по мусоропроводу. Сосед покуривает в коридоре. В сумраке он похож на пятно отчужденности, на потерянный кусок бархатной ткани. Огонек его сигареты выглядывает из воздуха подобно странному нераспустившемуся цветку.

Те дома, что за окном, — живут ли в них люди счастливей, спокойней? Разные есть люди, да только все они похожи, у каждого есть что-то такое, о чем трудно проговориться, что трудно выговорить.

Лифт ездит вверх-вниз уже много лет, устало открывая двери, — ему, пожалуй, нет дела, кого он возит: фотографа или дворника, человека с чемоданом или человека с тростью, девочку с куклой или женщину с коляской. Можно выполнить свою детородную функцию и можно любить детей, можно стать частью уравнения и можно остаться невыясненной переменной — границы головы останутся теми же.

В квартире теплее, чем в коридоре. Жена уже налила вина. Лампы распространяют свое существование на окружающие предметы. Кажется, что все уже случилось. Звонок в дверь не принесет ничего. Влетевшая в окно птица ничего не изменит. Распахнутая книга не закроется от землетрясения.

Заклинание тоста не облегчает душу, не вселяет веры, не приближает будущего ни на дюйм.

Над головой что-то передвигают: мебель ли, винные ли бочки, тяжелые ли артиллерийские орудия — отсюда не видно, а все одно: шум неизвестности, шум за границей приватизированного пространства. Почему нельзя приватизировать пространство душевного спокойствия? Если бы приватизировать умиротворение и беззаботность...

После ужина деревья за балконом черны, пухло ребенка нет. Стекланная рама — словно обык-

новенная защита, ограждающая человека от ночи. Пахнет одиночеством, пахнет неопределенностью, пахнет отчуждением ото всего. Покурить бы, чтобы приблизить будущее. В руках — воздух. «Зачем быть на этом балконе? или чуть позже в спальне? или завтра в магазине? а в понедельник на работе? нужно ли это?»

Недодуманные мысли оттягивают карман. Завтра этот ценный листок в блокноте обесценится, завтра заботы заставят забыть о прежней валюте, захрустят купюры, фетровая шляпа прикроет волосы, окутает сегодняшние бесполезные призраки под ними.

Начинается лето, скоро отпуск.

Недодуманные мысли останутся недодуманными. Огонек около лица такой же, как огонек около лица соседа. На днях сосед сказал о египетских пирамидах, что они высоки, как человеческий дух, что в древности люди были иные.

Хочется решить что-то, да только толком неизвестно даже, что. А будущее так и стоит в своей дымке времени. Наверное, будущего нет, наверное, оно только мираж. Светящаяся точка сигареты отражается в стекле балкона. Сзади подходит родной человек, обнимает за плечи. Где-то плачет ночная птица.

7

День регулярно вечереет. Вот уже его причина совсем приблизилась к горизонту. За спиной послышался легкий удар об пол. «Видимо, это упала моя тень». С кухни доносится шелест воды. Ужин, как всегда, был восхитителен.

Фетровая шляпа нежно прижимает волосы к голове. Стоишь высунувшийся в окно балкона. Огонек сигареты. Мрачные деревья. Женщина возит в коляске пухлого ребенка.

Пустая бочка катится сквозь время, и тело — это бочка Диогена. Если ее врыть в землю, она, может быть, пустит корни и раскинет по воздуху тонкие ветви.

Сколько же, сколько живешь и живешь собой. Уставая быть закрытым, закупоренным, запертым. Совершить бы экспедицию вовне себя. Выйти, выбраться, минуя пограничников, уйти из утомивших пределов с какой-нибудь страшной контрабандой в виде сокровенных мыслей, грудных мук и внутричерепных призраков. Продать все это на черном рынке и на вырученную сумму приобрести пожизненную свободу и право никогда не возвращаться в опостылевшее пространство самого себя.

Выйти во двор. В каком-нибудь темном подполье приобрести вместе с новой одеждой новое тело, с шероховатой кожей, с золотистыми глазами, с изу-

мрудными волосами. Встать под сень неизгладимо знакомых деревьев, поселиться под деревьями на детской площадке. Врыть свои ноги в землю. Пустить корни. Пропитаться лучами горячего солнца. Прорезать листьями воздух. Проникнуть мыслями куда-нибудь в небо. И расти, расти, расти — до скончания века, пока можешь расти, пока мир может существовать и держать тебя в своей утробе, пока не выпустит тебя из своей теплой плоти, из своего бережного тела. Когда прекратится, когда закончится рост, развитие внутри живота этого мира, внутри жизни, куда же попадешь? Куда выпустит тебя мир? Куда ты выйдешь?

Вечность, возможно, бывает. О ней думают, говорят, пишут — да только случается ли она? Заканчивается одно — начинается другое. Что-то не вечно, другое не вечно, а вместе все, пожалуй, составляет вечность.

Придется выйти из уюта этой жизни. И где придется оказаться? Сменится ли эта утроба светом неизвестного мира или тьмой небытия, теплым воздухом эфира или холодной пустотой вакуума? Одно выглядит неизбежным: выйдешь, как выходит горячий хлеб из печи, как слово выходит из ума, как вылетает синица из рук, и окажешься где-то не здесь.

Пока что здесь. Наедине с предположениями и ожиданиями. Что может быть проще — напроорочить себе будущего и регулярно поглядывать в него.

В кармане то, чего хватит на жизнь.

Живут саманы и живут богачи. Сотни, тысячи, миллионы людей движутся вперед, живут вперед, куда-то в направлении солнца, растут макушками к солнцу, руками своими тянутся к небу. Воздевают руки в минуты страстной мольбы, торжества или отчаяния, в мгновения радости, горя или благодарности.

Волосы развеивает ветер, проникая до самой глубины мыслей своей мятной мякотью. Воспоминания невесомы, неосязаемы, кроме воспоминания настоящего момента. Надо что-то не забыть, что-то

отложить про запас, но условия хранения не соответствуют пище. Потом не удастся это употребить. Ни пустоте, ни пожару родовых схваток нечего будет съесть в твоей памяти.

Мир милосерднее, чем кажется. Утверждать этого нельзя, но невозможно не надеяться.

Видит ли кто-нибудь ангелов? Слышит ли кто-нибудь трубы Иерихона? Живет ли кто-нибудь завтра? Все минуемо, все пройдет и окажется там, где все утешены, где все успокоены и блаженны. Можно с трепетом ждать. Теперь же деньги кружат голову, деньги требуют жертв, знание выветривается, тривиальное дыхание слабеет, мизерное говорение немеет. Рухнувший город обжит мышами и червями. Под землей хранится память и золото.

Амнезия спасительна. Рождение спасительно.

Раздаются удары в ворота. Отоприте замерзшему на кремнистой дороге, он шел один, он устал. Постелите ему на дубовой кровати, дайте чая с мелиссой, дайте мягкого воздуха, развеите его сомнения, укройте спокойным сном.

Привилегия вымышленных героев — оставаться неизменными. Необычно быть каменным. Гораздо привычнее смотреть на себя и не видеть вчерашнего. Прерывистая речь замолкнет. Гирлянда лепестков повиснет на заслуженной шее. Вдали различимы пушистые соцветия облаков. Глянцевитый небосклон раскроется понятной книгой.

Черный постамент разломится под весом взгляда. Если суждено оказаться остановившимся, время остановится. Посмотришь, и все случится само собой. Выход близок, как лунное затмение. Ощутимо движутся интервалы. Календарь свернется в трубку, и орнамент покроет окна домов.

Пресыщенный географией, вышел во двор. Двор сжат до размера свитка. Вырасти настолько, чтобы заглянуть за стены домов. За ними горизонт уже распрямился. Кто-то стоит рядом с тобой. Это невозможность что-либо изменить, повернуть назад. Ничего уже не случится. Все уже произошло.

СОННЫЙ СУМРАК

В последнее время мне часто снится страшный сон.

В этом сне сижу на стуле один в центре незнакомого зала. На полу, как поверженные персонажи трагедии, лежат сдернутые с окон шторы. В окнах стоит сплошное черное небо. Лишь в левом верхнем углу этого неба висит, притворяясь луной, большая желтая лампа. На стенах располагаются красивые

картины. Долго пытаюсь разглядеть, что на них изображено. Знаю, что нечто там есть, но рассмотреть удастся только пустоту в массивных рамах.

И вдруг понимаю, что сижу с закрытыми глазами. Открываю глаза, но вижу то же самое. Откуда-то начинает раздаваться неприятный звук. Постепенно он обретает отчетливость. Становится различим од-

нообразный хрипловатый голос. Верчусь на стуле, но не могу обнаружить дверей. А голос все звучит и звучит, заканчивая и сразу начиная, начиная и опять заканчивая, и снова начиная одно стихотворение. Непрерывным монотонным потоком голос читает и читает стихотворение Верлена «Лунное сияние»: «...никто на самом деле не влюблен и песня их слита с сияньем лунным с печальным нежным что мечтать зовет в широких кронах соловьев несмелых и сладко плакать учит водомет меж мраморов колеблющийся белых у вас душа изысканный пейзаж где пляшут маски выются бергамаски брэнча на лютнях и шутя глаза ж у всех печальны сквозь прорезы маски и воспевая на минорный тон восторг любви сердцам любезный юным никто на самом деле не влюблен и песня их слита с сияньем лунным с печальным нежным что мечтать зовет...»

Без пауз, без интонации, без всякого чувства стихотворение раз за разом повторяется и повторяется. Хочется избавиться от гнетущего голоса, но он сковывает все усилия воли. Хочется избавиться от

этого голоса, но он раздается в голове вместо мыслей. Хочется избавиться, но голос начинает казаться моим.

* * *

С тяжелой грустью просыпаюсь. В окне ночное небо. В дальнем углу угрюмо гудит холодильник.

Знаю, что теперь долго не засну. Одеваюсь и выхожу за дверь.

В коридоре тихо. Слышно, что остальные люди еще спят. Стены, подоконники, случайные предметы в полумраке отдыхают от напряженной дневной зримости.

Чтоб резким звуком шагов не нарушать ночной магии и мягкости, останавливаюсь около лестничных перил, смотрю вниз. В смутном воздухе пятнами растекаются воспоминания, сливаясь с бархатной чернотой. Обретают материальность «Мистические сумерки» Верлена: «Воспоминание с Вечерней Мглой / Дрожит и рдеет в раскаленной дали / Надежд...» Призраки наших встреч близко,

здесь, передо мной, но в какой недостижимой дали происходили эти встречи?

«Тюльпан, вербена, лилия, левкой». Как грустно созвучие стихотворного образа с родным образом утраченного прошлого. За несколько дней до расставания я подарил тебе комнатные азалии. По странному соединению деталей, азалиями завершилась наша история.

Сколько важных вещей связывало нас! Помнишь ли первый просмотренный вдвоем фильм? Конечно, ты помнишь. Это были «Дети райка» Марселя Карне. Драма непонимания происходила с нашей стороны экрана. Ты мучилась моим безразличием к тебе, но не догадывалась, что внутри это был ужасный страх. Я немел и слабел в твоём присутствии. Слова ускользали, руки начинали потеть и казались неуклюжими, совсем неуместными. Мое молчание и неподвижность выглядели отчуждением и даже равнодушием. А в груди болело от непреодолимой робости.

В одну декабрьскую пятницу мы впервые вместе пошли в театр. Смотрели скучную пьесу о непонятной стареющей даме, убежали в антракте, а потом долго гуляли. Когда сидели на случайной пустой остановке и о чем-то говорили, прохожие, вероятно, думали, что двое несчастных мерзнут в ожидании своего автобуса.

«Тюльпан, вербена, лилия, левкой». В темноте моей комнаты на столе лежит сейчас сборник стихотворений Поля Верлена, как и лежал прежде, в те дни, когда ты приходила ко мне в гости. Никогда не спутаю ни с чьим твой стук в мою дверь, этот сказочный стук с его легкой громкостью, мелкими промежутками и тихим эхом в сердце. Возможно ли снова услышать его?

Ты приходила ко мне, и мы пили чай и говорили на самые разные темы. Ты злилась на меня, ожидая поцелуя, которого и я желал, но при этом всегда боялся приблизиться. Ты злилась, требовала, чтобы я говорил, когда заканчивалось то, что мне косноязычно удавалось сказать, иронизировала и колко смеялась надо мной. Потом внезапно смягчалась и с улыбкой подходила к письменному столу, спрашивала, что читаю, брала книгу и произносила ласковым голосом: «Чудесно. Верлена».

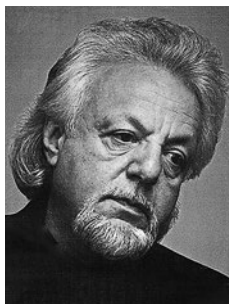
Бывало, мы с тобой играли в шашки, бездумно переставляя пластмассовые фишки, потому что в мыслях были только поцелуи. Но теперь ты замужем за каким-то практичным человеком. Уверен, вы с ним ни разу не играли в шашки. У вас теперь есть дела намного важнее: какой выбрать чехол для дивана, где купить новые ботинки, сколько гостей пригласить на праздник. Наивные игры в шашки разменяны на бытовые заботы, а скромные и важные сближения губ забыты ради формальных и обыкновенных поцелуев прощания и приветствия.

Жаль, что обложка и страницы стихов Верлена больше не почувствуют теплоты твоих пальцев. Часто я наугад открываю сборник и читаю. Там есть стихотворение «Соловей», заканчивающееся таким четверостишием:

И лишь дуновенье прохлады ночной
Едва ощутимую синей волной
Баюкает заводь и в сумраке прячет,
А листья все плещут, и птица все плачет.

Временами я на шумном поезде метро приезжаю в спокойный Измайловский парк, в котором шелестели листья и плакала птица — то ли о прошлом, то ли о будущем, а мы с тобой бродили среди осенней травы или гуляли в окружении весеннего цветения. В те дни всегда было ясно, теперь, когда бы ни пришел, над деревьями висит облачное небо, а под деревьями стоят густые тени. Уныло плетусь по пустым тропинкам, никогда не достигая нашего заветного пруда, останавливаюсь около знакомых скамеек, вспоминаю произносимые слова и легкие прикосновения, «а листья все плещут, и птица все плачет».

Смотрю на воздушные воспоминания перед собой. А было ли это на самом деле? Не сон ли сказочный мне приснился? Или единственное, что было действительным в моей жизни, и есть наши далекие свидания? А то, что происходит сейчас, — ущербная иллюзия, болезненное видение, душный кошмар? Ты вышла замуж за другого. Не снится ли мне все это?

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, или ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ

(Воспоминания Михаила Моргулиса. Начаты в 2008 году, в августе)

Полеты через жизнь

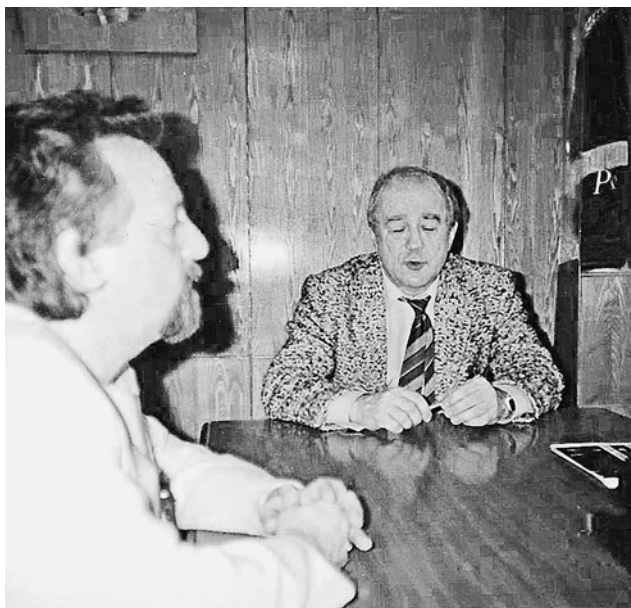
Я сейчас подумал, что многие люди, которых вспоминаю, достойны отдельных книг, и знаю, что уже их пишут, и некоторые из них книги уже написали. Эмиграция — как грипп: вначале всегда должна быть температура. Но вот некоторые после температуры получают воспаление души, а другие становятся здоровей и крепче. Коржавин как-то патетически воскликнул: «Мы не в заслании, а мы в послании!» Может быть, частично и так. Но я видел это по-другому: нас просто послали, всех вместе по-русски послали, и Коржавина, и Бродского, и Некрасова, и Максимова, и Солженицына, и всех других. Это, скорее всего, не послание, а посылание, а может быть, заклятие. Но оказалось, что после массового посылания потом ко многим пришло какое-то признание. Горбачев помог, Интернет помог, да и книги эмигрантов стали востребованными.

Моя жена, Татьяна, служила в ООН, в районе нью-йоркской Первой авеню. А мой офис находился на углу известной Пятой авеню и 23-й стрит. После работы мы встречались и забредали в маленькие ресторанчики, искали места с европейской кухней. Цены в то время были доступными. Была пара любимых мест. Приходили в крошечный ресторанчик «Белый якорь». Там стояли маленькие круглые столы и маленькие стулья. На стенах — картинки с якорями. Официанты зажигали свечи, издававшие яблочный запах. Пахло летом. Полумрак охватывал Манхэттен и Нью-Йорк. Гудзон начинал светиться огнями. Мы, как и все люди, вспоминали прошлое и задумывали будущее. Иногда я понимал, что время летит слишком быстро, но жизнь кружила, был отвлекал, литература завлекала. И потом, в тот год,

я стал много времени уделять духовному самообразованию. Помимо западных богословов по-новому открывал Флоренского, Бердяева, Франка. Поэтому рокот моторов времени почти не слышал. А кто их слышит? До наступления старости мы все страдаем глухотой, не слышим рокот моторов, уносящих наши жизни к их логическому концу.

Второй ресторанчик назывался «В гостях у Джонни». Джонни был венгром и его по-настоящему звали Фридеш. Он рассказывал, что его дядя был известный венгерский писатель Фридеш Каринти, в честь которого и назвали. Дядя написал пародию на книгу Жюль Верна. Хозяин был обладателем глубоких черносливых глаз. Он рассматривал нас, вздыхал, мы ему нравились. Подавали суп-гуляш, мясо по-венгерски, щедро посыпанное красным сладким перцем — паприкой. Хозяин пил рубиновое вино и однажды сказал: «Вы умеете забывать плохое. Поэтому вам хорошо. В ваших глазах только настоящее, в них нет прошлого и будущего. Я завидую вам, потому что всегда помню прошлое и боюсь будущего». Мы улыбались. Мы не знали, что будущее уже стоит за углом и ожидает нас. Впрочем, всех.

А еще иногда мы заходили в сербский ресторан «Сербская деревня», в районе Астория. Там хозяином был бывший танцор, седовласый красавец, который приглашал на танцы всех дам, заходивших в его заведение. Он кружился в вальсах, седые волосы развевались, пожилые дамы млели. Иногда он пел грустную сербскую песню о моряке, который навсегда прощается со своей страной и любимой девушкой. Люди не понимали язык, но улавливали грусть, сердцевина песни была печальной, и ее чувствовали

Михаил Моргулис и Виталий Коротич

все. Конечно, язык — это средство коммуникации, но музыка может стать мостом между сердцами.

У великолепного художника огромного Сергея Львовича Голлербаха мать была маленькой старушкой, бывшей институткой и последовательницей основателя теософии Рудольфа Штейнера. Штейнер был тогда чрезвычайно популярен, оказал большое влияние на русских поэтов Андрея Белого и Александра Блока. Мать Голлербаха подарила мне самодельные брошюры с несколькими лекциями Штейнера, которые она с подругами перевела на русский язык с немецкого. Ох, какая это была невероятная редкость! Сергей Голлербах — один из лучших американских художников, изобразивший повседневный, не праздничный Нью-Йорк. У меня есть некоторые его картины, изданные в иллюстрированных изданиях. Однажды он нарисовал картинку к моей сказке. Чудесные картинки! Сергей Львович — член американской Академии искусств, профессор Академии американской живописи. Он написал книгу «Записки художника», где любопытно рассказал о своих взглядах на жизнь и искусство. Однажды мы беседовали, и я неосторожно спросил: «Так в чем смысл жизни?» Он тихо ответил: «Не знаю». За это «не знаю» я благодарен ему. Ведь все знают, а вот он — нет. Это и есть смиренность перед Богом и людьми.

Милая Валентина Сенкевич, ее знали все. Поэтесса, неплохая, настоящая, мои рассказы и ее стихи часто соседствовали в газете «Новое русское слово», где властвовал добрый Андрей Седых. Валя, мягкая, симпатичная, приходила на литературные встречи со своим мужем художником Владимиром Шатало-

вым. Валю знали и в Киеве, и в Америке. Б. Олейник и Е. Евтушенко, вспоминая ее, улыбались добрыми улыбками. Выпускала она и поэтический альманах «Перекрестки», очень неплохой. Там печатала и настоящих поэтов, и просто хороших людей, любящих поэзию. Но все же это было постоянное, радующее душу явление. На земле миллионы поэтов, а хороших, мне кажется, ну сто, ну двести. Настоящая поэзия — это сплав из Божественного участия и человеческого таланта. Чтобы стихотворение разорвалось горько-сладкой бомбой в душе, мало умения, нужен особый талант, помноженный на тяжкий труд. Я говорю только о настоящей Поэзии. Многие даже не догадываются, что она еще есть, она выживает, и вы помогайте ей. Она всегда как после боя. Поэзия — всегда раненая.

Мягкий и интеллигентный Григорий Поляк, издатель Булгакова и Бродского в Америке, друг Довлатова, познакомил меня с интереснейшим человеком, на которого злились все старые известные писатели. Это был независимый Василий Яновский, писатель еще из первой эмиграции. Но ко всему и врач-гинеколог. Это и давало ему возможность быть независимым. Он написал книгу воспоминаний о русской эмиграции в Париже «Елисейские поля». Его не жаловали литераторы первой парижской волны эмиграции, и, будучи человеком злым и желчным, он вылил в книге на каждого из них по ведру помоев. Довлатов со своей злостью на всех кажется по сравнению с Яновским пай-мальчиком.

Например, о замечательном поэте Георгии Иванове Яновский писал: «Он был моральный урод, но человек умный». Досталось и Бунину, и Ремизову, в общем, всем.

Он спросил меня, читал ли я его книгу «Челюсть эмигранта». Я честно ответил, что нет, не читал. Он вздохнул: «А будут ли меня читать?» Я знал, что даже добрейший Андрей Седых не хочет с ним иметь никаких дел, но все же сказал: «Думаю, что вашу книгу о Париже читать обязательно будут. Потому что писатель-автор и писатель-человек — вещи совершенно разные. Вы пишете о писателях-людях, а это всегда будет вызывать интерес масс, но не литературоведов». До этого он слушал меня благожелательно, но при слове «литературоведов» покраснел и резко ответил: «Будут, еще как будут читать литературоведы!» Я промолчал.

Вспоминаю мамонтов, которых я успел застать живыми: Александра Львовна Толстая, Роман Гуль, Андрей Седых, Николай Первушин, Василий Яновский, Никита Струве... Это были остатки великого племени писателей первой волны русской эмиграции.

Сейчас упомянул Николая Всеволодовича Первушина, моего преподавателя истории в Норвичском университете. Он считал себя учеником выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского, и когда я его встретил, ему было больше восьмидесяти лет. Интересно, что Первушин был родственником жены Ленина, Надежды Константиновны Крупской. Маленький, сухонький, по-старинному вежливый, он казался мне случайно залетевшим в жизнь осколком прошлой эпохи. Николай Всеволодович невероятно любил Тютчева. Я о нашей с ним беседе написал эссе, которое назвал строчкой из Тютчева «На старости я сызнова живу...». Господи, тогда слова великого Тютчева казались анахронизмом, а сегодня, перед приближающимся концом, они кажутся такими желанными и прекрасными.

Пришла на память Ольга Михайловна Хаузер-Жигалова. И сразу запахло цветами и свечами. Она была из русской помещицкой семьи. Злые языки говорили, что она пережила трех мужей-иностранцев, и каждый оставил ей наследство. Жила она в Нью-Йорке на знаменитой Парк-авеню, в роскошной квартире. Ольга Михайловна также написала две книги, я их храню, — «Ветер ветку клонит» и «Шалая Кассандра...». Иван Бунин хвалил ее, предсказывал большое литературное будущее. Но большого будущего не получилось, ее отвлекали многие земные дела. Книжки мне нравились, в них были величавость слова и отличное умение описывать природу, поведение ветра, шум вод, дуновение, щебет, раскат грома.

Сейчас подумал, у меня книг с дарственными надписями около ста, может, по этим надписям и писать мои воспоминания? Нет, пока память выдает материал, буду вспоминать. Так вот, Ольга Михайловна иногда приглашала нас в гости, сама варила крепкий кофе и угощала непомерно дорогими пирожными из кондитерской на Парк-авеню. Она рассказывала, как за ней ухаживал Леонид Пастернак, отец Бориса Пастернака, известный художник. В ее комнатах висели подлинники Коровина, Левитана и даже одна картина Гогена. Однажды мы сидели у нее на кухне, пили кофе, а Ольга Михайловна рассказывала, как за ней ухаживал принц Монако. Игнорирующий ее воспоминания наш трехлетний сын Зиновик бродил по квартире. В тот момент рассказа, когда влюбленный принц уже становился на колени, из соседней комнаты раздался грохот. Мы вбежали туда и увидели, что Зиновик стоит на столе, придвинутом к стене, и рассматривает упавшую на пол картину. Мы поняли, что он пытался снять ее со стены. Возле нас всплескивала руками Ольга Михайловна. Нет, она не возмущалась происшествием, а повто-

Михаил Моргулис и Юрий Шечокчихин

ряла: «Вы подумайте, какой умный мальчик, он не снимал другие картины, а хотел снять подлинник Гогена! Нет, вы подумайте, какое чувство прекрасного, вы оцените его выбор!»

Ольге Михайловне было уже за восемьдесят, но она всегда была подтянутой, красивой, элегантной. В ней был этот непередаваемый шарм старой России — в каждом движении, в каждом слове. Иногда, в минуты волнений, она слегка грассировала, помню слова: «Ну, Иван Алексеевич (Бунин), это был 1938 год, и он стал Нобелевским лауреатом, ну, конечно, он хитро ухаживал и хотел добиться своего. Но я ему говорила, годной мой Ванечка, я не такая, вы гусский помещик и я гусская помещица из Самагской губегнии, и ничего у вас не получится...»

Цветы у нее в вазах не увядали, не засыхали по два-три месяца. Она ежедневно поглаживала их руками и наверняка передавала цветам свою чудесную энергию. Милая Ольга Михайловна, она лежала в гробу в элегантнейшем черном платье, к темным волосам была приколотая красная роза (так она завещала), казалось, что через прикрытые глаза она куда-то далеко смотрит. Может быть, туда, куда смотрят люди, уходящие в небеса.

В Вермонте мы жили в университете рядом с Коржавиным, его женой Любой и милой Любиной мамой. Люба всех просила: «Пожалуйста, не расстраивайте Эму», т. е. Наума Коржавина.

Эма очень добр, мил, нежен, пока вы не касаетесь поэзии. Тогда он начинает нервничать, жестикулировать. Особенно когда неосторожно вспоминают Бродского. Тогда Эма взрывается полностью. Я о Бродском никогда не вспоминал. Но однажды опро-

метчиво вспомнил знаменитые строчки Мандельштама «Художник нам изобразил глубокий обморок сирени...». И в ответ мне закатили скандал: «Чего вы все носитесь с Мандельштамом...» И т. д. Хорошие люди есть везде, и в полиции, и в милиции, и среди дворников. Но поэт особо должен щадить других поэтов, тогда когда-нибудь и его пощадят. Но вместе поэтам быть трудно. Как и фотомоделям. И те и другие тогда спокойны и добры, когда нет рядом коллег по цеху.

Нет, Коржавин большой поэт, и поэт-публицист, и поэт-лирик. Его многие ценили и любили, но многие и не щадили. Как и он сам. На выступлениях его часто просили прочитать стихотворение «Памяти Герцена» («Колокол»), которое заканчивалось строчками: «Какая сука разбудила Ленина, кому мешало, что ребенок спит...»

Коржавин умел готовить хлебную водку из спирта. Ржаные сухари заматывал в марлю и опускал в спирт. За три дня спирт пропитывался хлебным запахом, и получалась «Хлебная коржавинская самодельная».

Я часто вспоминаю, как он приходил в наш дом в Вермонте возле университета. Замечательный философ и поэт, добрейший и честнейший, побывавший в советской тюрьме. Он напоминал мне мудрого цадика из местечка, не знающего, где он забыл галоши, но знающего, что случится в будущем. С ним дышалось хорошо. Мою жену он всегда называл Танечка. Во всем был добр, кроме поэзии. А может, так и надо.

Как-то мы пошли с ним и Виктором Некрасовым в цирк шапито. Эма зацепился за барьер, ограждавший манеж, и упал. Ему помог подняться клоун. Эма страшно обрадовался. Он был счастлив, как ребенок, к которому подошел всамделишный клоун. Но надо сказать, что так же счастливы были и мы с Виктором Платоновичем.

К нам в Вермонт приезжали разные гости, в том числе в то время молодые, писатель Саша Соколов («Между собакой и волком», «Школа для дураков»), журналист и поэт Алексей Цветков и восхищавший меня стихами Бахыт Кенжеев. Он когда-то написал мне письмо в виде стихотворения, которое потом вошло в одну из его книг. Я не хвастаюсь, просто вспоминаю. Его поэзию особо ценю. В ней по дорожкам Тоски разлита Доброта, в ней стихи, на-

писанные как бы разговорным языком, становятся совершенными, каждая строчка часто читается как единственная. Может быть, я мало понимаю в поэзии, но когда читаю его, то вспоминаю Пушкина. Не пугайтесь, ведь Пушкин не только великий, он тоже был поэт. Эфиоп, казах... Какая разница. Кто и, главное, каким материнским молоком культуры их поили. Их поили одинаковым молоком.

А Солженицын с семьей жил в тридцати пяти милях (пятидесяти километрах) от нас. Когда эти молодые и талантливые люди приняли необходимую подбадривающую норму, то решили сообщить Солженицыну, что они самые заметные люди в литературе и что напрасно некоторые мэтры такое не замечают. Решили они это сказать лично Александру Исаевичу, и немедленно. Кто-то их к нему повез. Они стучались в ворота, но им не открыли. Тогда поборники справедливости хором стали выкрикивать какие-то не вполне лестные слова о своем отношении к творчеству писателя. Кричали они довольно громко. Кто вызвал полицию, семья или соседи, неизвестно. Но целую ночь им пришлось провести в деревенском полицейском участке. Мы их очень жалели. Они были такими красивыми и талантливыми. Но в тот злополучный день с этим не посчитались.

А вот пришел на темечко Париж. Я иду в гости к писателю и редактору журнала «Континент» Владимиру Емельяновичу Максиму. Он очень серьезен, строг, в 62-м номере напечатал два моих рассказа. Глаза постоянно о чем-то думают. Заходит жена Татьяна, высокая, красивая. Я только недавно прочитал его книгу о Колчаке «Звезда адмирала». Замечательная книга, книга скорби, книга о самом себе. Максимов и был описанным им Колчаком, себя он и выразил в этой талантливой книге. Невероятно чувствовал свою родственность с погибшим адмиралом и болел своей оторванностью от России. Я видел все это в его серьезных глазах. Таким, а не другим, запомнил. Для него эмиграция была боем с превосходящими силами противника. Он предчувствовал и понимал, что проиграет сражение, его флот состоял из бригадин и парусников, а против него стояли линкоры и крейсера. Он знал, что погибнет, но желал погибнуть достойно. Мне кажется, я понимал, куда смотрят его глаза, когда они поднимались вверх.

Продолжение следует.

Морис БЭРИНГ

Рубрику ведет Евгений НИКИТИН

Евгений НИКИТИН

Морис Бэринг (1874–1945) — английский поэт, прозаик, драматург, журналист, дипломат. Автор сборников «Черный принц и другие стихотворения», «Стекольщик и другие рассказы», «Полминуты тишины и другие рассказы» и др. Много путешествовал, в том числе по России, о которой написал книгу «Русские люди». Был военным корреспондентом британской газеты во время Русско-японской войны. Занимался переводами русской литературы — его последней книгой стала антология «Русская лирика» (1943).

Рисунок Елизаветы Горяченковой

ПОЖАР

Прежде чем колокол торопливо забил тревогу, огромный столб дыма и пламени, взметнувшийся в небо безветренной августовской ночью, уже возвестил всей деревне о беде. Пожарные, крича и трясясь на ухабах, провезли по изрытой колеями дороге бочки с водой и брандспойты. Огонь бушевал в центре деревни. Мужчины, женщины и дети устремились туда. Горели два дома — кирпичный и деревянный. Пламя было чудовищным: оно рвалось в небо подобно извергающемуся вулкану. Деревянный дом — бревенчатый, с пылающей крышей — походил на жертвенный костер, жадно пожирающий тело какого-нибудь викинга. Беззвездное спокойное небо с большой полной луной в свете пламени сменило цвет с синего на зеленый. Горящие постройки окружила плотная толпа.

Пожарные трудились как пчелы, изо всех сил стараясь погасить огонь и помешать его распространению. Добровольцы из толпы помогали, как могли. Один человек взобрался на угол деревянного дома, где огонь уже потушили, и сбрасывал с крыши вниз огненные язычки, прыгавшие подобно духам земли. Его жена, оставшаяся внизу, ругалась и умоляла мужа покинуть опасное место. Толпа злобно высмеивала ее страх, женщина отвечала грубой бранью. Накануне был день Иоанна Крестителя, и кое-кто из деревенских успел отметить его выпивкой. Один из них от избытка чувств воскликнул:

— Какое счастье, что я пьян и смотрю на огонь!

Однако в основном толпа, похожая на столпившиеся вокруг яркого света тени, просто наблюдала, время от времени комментируя происходящее. Кто-то пытался сбить пламя с помощью топора — тщетно. Неподалеку играли на аккордеоне, монотонно напевая.

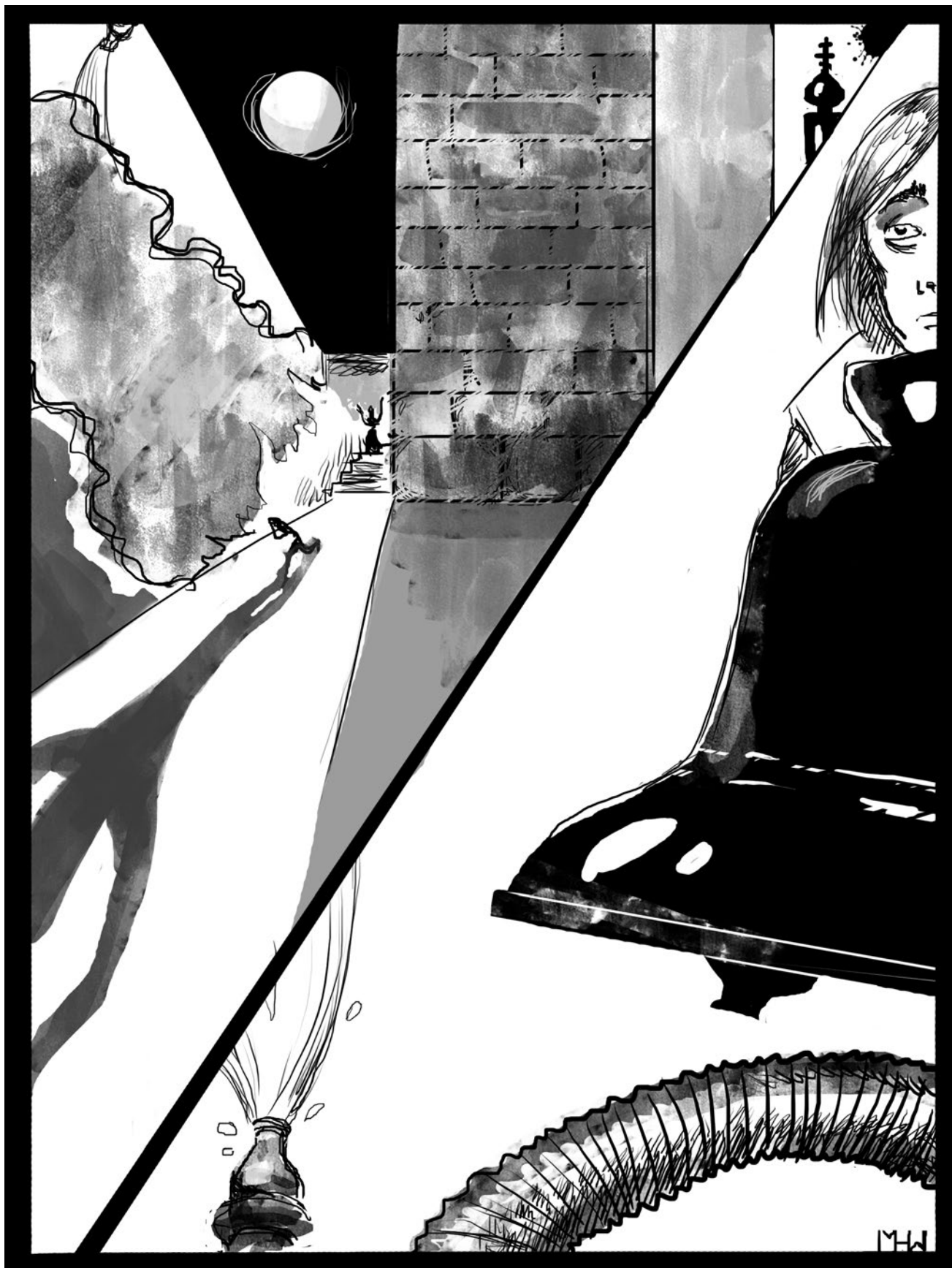
Среди теней я заметил странный причудливый силуэт, подозвавший меня.

— Вижу, ты близорук, — сказал он. — Позволь дать тебе очки.

Его голос был тонким и потусторонним. Незнакомец протянул мне кусочек стекла, выглядевший непрозрачным. Я взглянул сквозь стекло — и увидел совсем иную картину.

Сельские дома исчезли; на их месте оказались большие здания с высокими портиками, широки ми колоннами и резными фризами. Их тоже окружало пламя — ревущее громче и пылающее ярче прежнего. Прямо передо мной возвышался окровавленный алтарь, на его ступеньках лежали тела нескольких юношей в броне, покрытой пылью и кровью.

Не успел я разглядеть подробности, как все окутало большое облако дыма, а когда оно рассеялось, картина переменилась: казалось, за несколько секунд пожар произвел невероятные разрушения. От зданий, алтаря и тел не осталось ничего, кроме груды бревен, откуда вверх уходило облако огня и

дыма. Луна по-прежнему спокойна в небе, которое приобрело зеленоватый оттенок. На земле лежали сотни мертвых и умирающих в агонии. У горизонта виднелась тонкая полоска света — слабая дрожащая нить, будто сотканная из пены; мне почувствовался доносящийся рокот моря.

Внезапно перед горящей грудой бревен появилась высокая женщина. Шелк облегал совершенные изгибы ее тела, ниспадая до земли. Она шла царственной походкой, и ее движения напоминали величественную музыку. Свет пламени озарял ее волосы, перевязанные узкой золотистой лентой, — они походили на сотканное из солнечного света облако и сияли ярче огня. Она шла, потупив взор, но, приблизившись, подняла голову. Лицо ее было спокойно и безупречно, как у статуи, мастерски высеченной из мрамора. Лицо не было ни ангельским, ни божественным, в нем не проступало и дьявольских, злых, жестоких черт; не походило оно и на лицо сирены или ведьмы. Казалось, любовь и удовольствие слепили ее подобные цветочным лепесткам губы; безграничная беззаботность сияла в глазах — синих, как два океана, не знавших ни ветров, ни бурь, а ведавших лишь вечное наслаждение солнечным теплом под безмятежными небесами да баюканье сладким бризом.

Она взглянула на пожар и улыбнулась. От одной ее улыбки небеса должны были бы разверзнуться, а звезды пуститься в пляс — так невероятно было ее очарование, так безгранична была неземная ее красота. Она была женщиной — и все же больше, чем женщиной. Рожденная из земли, вылепленная из жемчуга, росы и лепестков; хрупкая, как паутинка, но полная жизни; подобная сумеркам, пылающим кроваво-рубиновым цветом, — и безмятежная, спокойная, равнодушная и невозмутимая, как серебристая луна. Завидев эту улыбку, умирающие поднимали к ней глаза, в которых светилось чудное, удивительное счастье. А затем они опускали головы и умирали.

Дымное облако скрыло сцену. Когда оно исчезло, полная луна по-прежнему сияла в посиневшем

небе. Пожар бушевал вдалеке. Вся деревня уже пылала, но разрасталась на глазах и казалась бесконечной, простираясь за дальние холмы. Прямо передо мной высилась кипарисовая роща, почерневшая от пламени, скачущего тут и там, — огромный светящийся круг, цепочка огненных языков и танцующие молнии.

С вершины холма мы смотрели на большие здания и храм, куда еще не добрался огонь. Там было много мужчин, женщин и детей. Это была все та же толпа теней — кричащих, жестикулирующих, безразлично наблюдающих. А прямо передо мной стоял невысокий темноволосый полноватый мужчина с низким лбом, глубоко посаженными глазами и тяжелой челюстью. Он был увенчан золотым венком и перебирал струны арфы. На кипарисах вдали вдруг появились пылающие факелы, осветившие сад не хуже бенгальских огней. Мужчина бросил арфу и восторженно заплодировал яркому фейерверку. И вновь дымное облако легло непроницаемой завесой на картину.

Когда завеса рассеялась, я опять оказался в другой местности. Вокруг все пылало; сияла луна; заметно похолодало. Я увидел множество церквей, чьи бесчисленные купола простирались далеко за освещенные границы. Ни толпы, ни голосов, ни криков — лишь длинная линия низких пламеняющих деревянных зданий. Местность казалась заброшенной. Если бы не треск пламени, царила бы полная тишина. Потом на соседней улице показался низенький толстый человек в серой шинели и треуголке; он ехал к нам верхом на белой лошади. Я услышал ритмичный грохот — топот копыт сотен грызущих удила коней, тяжелую поступь множества ног и грохот пушек. Неподалеку виднелся окруженный зубчатыми стенами холм, украшенный куполами церквей, которые были выше и величественнее всех в округе. Они сверкали, выделяясь на фоне покрасневшего неба.

Низенький человек на лошади взглянул на холм и достал щепотку нюхательного табаку.

Перевод с английского Евгения Никитина

Евгений Никитин — студент четвертого курса переводческого отделения лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Александра САМСОНОВА

Здравствуйте! Я родилась в 1994 году, живу в городе Истре Московской области. Начала писать стихи в шесть лет, с двенадцати лет занимаюсь художественными переводами с английского языка (Дж. Толкиен, У. Шекспир, Дж. Китс, У. Блейк). В течение нескольких лет перевожу стихотворения с английского, французского и испанского языков и пишу песни на этих языках.

С детства увлекаюсь историей и иностранными языками, несколько раз становилась призером и победителем Всероссийских олимпиад по истории, обществознанию, праву и французскому языку. В 2008 году участвовала в конкурсе переводов Уильяма Блейка, организованном Британским советом и ГМИИ им. А. С. Пушкина; стала лауреатом XIII Московского регионального конкурса «Эра фантастики». Публиковала стихотворения в районной газете «Истринские вести».

Увлекаюсь музыкой, иностранными языками и литературой. Любимые писатели — Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. Бунин, В. Набоков. Из поэтов мне наиболее близки А. Блок, Федерико Гарсиа Лорка, Иосиф Бродский, Пабло Неруда.

Давно мечтаю издать сборник своих стихов.

Присылаю вам небольшую подборку своих стихотворений. Очень надеюсь, что вы их опубликуете.

С уважением, Александра Самсонова

* * *

Я не надеюсь получить ответ,
И мною любопытство только движет,
Когда сквозь темный мутный полусвет
На цыпочках бегу и снова вижу

Ступеньки под ногами, желтый блеск
Скупой и тусклой лампочки подъездной
И призрак очарованных небес
В аквамарине ящиков железных.

Металла скрип, как будто барабан,
Изрежет в клочья тишину сырую...
Шаги людей таятся по домам.
Под крышей ржавой голуби воркуют...

И дверца, мир далекий приоткрыв,
Невидимо захлопнулась. Там пусто.
Идти наверх, письма не получив, —
Поистине великое искусство...

* * *

Лунная полоска серебра
Шепчет, разбиваясь в темноте
Клавишей дрожащею Сёра
На большом полуночном листе.

Так темно, что слышно мотылька
Шелково мерцающий полет...
Бьется бесконечная река
На туманном сне в лимонный лед.

Лунный свет челестюю звенит,
Мокрыми арпеджио листвы
Ветер, как прозрачный сон, летит,
Где жасмина нежатся цветы.

Арфою становится река,
Пальцы чуть касаются струны,
И поет мелодия, легка,
Как в июле невесомы сны...

Воздух — очарованный восторг.
Вдох волненьем сладостным горит.
Белых рос жасмина свежий сок
Тающими звездами пролит...

Мыслями рисую лунный шелк,
Шум жасмина, звездные моря.
Шелест волн полуночных умолк,
На росе купается заря...

Московская обл.

Родилась в Москве, где по сей день живет и работает. По образованию инженер-радиотехник. С детства пишет стихи, а с некоторых пор — еще и рассказы. Считает, что действительность становится ярче, интереснее с каждой созданной строкой. Герои ее произведений — самые обычные люди. Они живут среди нас, ходят по столичным улицам. Работают и отдыхают, любят и страдают. Не чудо ли это, не волшебство? Ирина пишет рассказы именно ради этого ощущения чуда.

КАФЕ НА ПЫЛЬНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

На первый взгляд казалось, что их ничего не связывает. Да и что могло быть общего у двух таких разных людей? Денис Валентинович — руководитель отдела, а Рита — всего лишь помощница заведующей библиотекой. Конечно, они здоровались при случайной встрече, даже разговаривали иногда, но это не имело никакого значения. Денис Валентинович здоровался почти со всеми женщинами института. Обладая природным, просто солнечным обаянием, он не жалел для сотрудниц ни улыбки, ни приветливого взгляда. Его любили коллеги за жизнерадостный и легкий характер, ценило руководство за гибкость, умение мгновенно прочувствовать ситуацию и сгладить острые углы. Новенькие девушки непременно влюблялись в неотразимого начальника после первой же встречи. Правда, находились и такие злобные личности, которые считали Дениса Валентиновича бездельником и карьеристом, поговаривали, что отдел его совершенно институту не нужен, мол, «не делают они там ничего». Может быть, так оно и было, но отдел продолжал существовать, сотрудницы обожали своего шефа, а он частенько отпускал их с работы (в детский

садик, в школу, в поликлинику) и выбивал для «своих девочек» всевозможные льготы и привилегии, которые только предоставлял трудящимся их институт. А вот новеньких влюбленных сотрудников ждало очень быстрое разочарование. Старожилы обязательно рассказывали им о том, какой замечательный семьянин их начальник, как трепетно любит он свою жену и двух маленьких сынишек. После таких рассказов девушки вздыхали и проникались к «блистательному рыцарю» еще большим восхищением. А как же не восхищаться? Молодой, недавно тридцать два года только исполнилось, перспективный руководитель, внимательный к людям, симпатичный очень, но никаких романов на стороне не допускает, потому что любит жену. Просто идеальный мужчина! А раз еще бывают такие на свете, значит, жизнь и в самом деле прекрасна и удивительна, а все лучшее и радостное находится совсем рядом с нами, буквально в двух шагах, за ближайшим поворотом... Именно такое настроение возникало почти у любого человека после даже кратковременного общения с Денисом Валентиновичем. Удивительное обаяние! И что общего могло быть у него с Ритой?

То, что именно он несколько лет назад привел в институт новую помощницу библиотекаря, никто уже, конечно, не помнил...

Классический образец «серой мышки», с годами Рита становилась еще более незаметной. В одежде она тоже предпочитала серый цвет: старенький деловой костюм, брюки, довольно потрепанный вязаный жакет. А уж ее плащ с меховой подстежкой! Кажется, другой теплой верхней одежды у младшей библиотекарши и не было. Просто весной и осенью она отстегивала мех. В институте ее почти никто не знал. Хотя библиотека была очень большой, с сотрудниками общались в основном сама заведующая и еще одна девушка. Рита же предпочитала работать не с людьми, а с книгами.

Два, казалось бы, совершенно разных человека. И одна тайна. Познакомились они давно, еще в студенческие годы. Денис уже готовил дипломный проект и работал на кафедре, когда обратил внимание на девушку со своего же факультета, первокурсницу. Девушка была, безусловно, красива, но почему-то всегда держалась особняком, в институтских мероприятиях участия не принимала. Почему? Наблюдая за ней издали, он начал догадываться,

что именно гнетет таинственную незнакомку. О себе Денис знал все с самого детства. Дар перемещаться во времени достался ему по наследству, и сразу после совершеннолетия он начал работать во «Временной канцелярии», как они все кратко называли «свой» координационный центр. Похоже, что понравившаяся ему девушка обладала такими же способностями, но не понимала этого. Ведь всем здравомыслящим людям известно, что перемещение во времени — фантастика.

Он стоял в коридоре, когда Рита вышла из аудитории.

— Прогуливаете, мадемуазель?

— Нет, семинара не будет, — тихо ответила «нарушительница дисциплины». — У преподавателя сын заболел, а оставить дома не с кем. Но все будет хорошо.

«Потрясающе! — подумал Денис. — Она может смотреть будущее сама! Без подготовки! Талант...» А вслух строго сказал:

— Откуда вам это известно? Ведь никто еще ничего не знает. Я должен был сообщить группе, что семинар отменяется.

Испуганный взгляд, прерывистый вздох, слезы на ресницах... Он этого никак не хотел.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Денис. А лучше — Дэн, так меня называют друзья. А вас — Рита, я знаю. Не бойтесь, пожалуйста.

Вот так они и встретились. Вскоре Дэн пригласил Риту в «канцелярию» на собеседование, где даже признанные «асы временных полетов» были поражены способностями девушки. С тех пор прошло десять лет. Дэн звал ее Марго, и почти всегда они работали «во времени» вместе. Они стали настоящими друзьями, напарниками в самых сложных и опасных делах, но ни разу Денис не сказал Рите о своих чувствах к ней. Зачем? Зачем что-то говорить, когда все ясно и без слов...

Когда она окончила институт, именно Дэн устроил так, что ее взяли на место помощника библиотекаря в огромный отраслевой НИИ, где сам Денис Валентинович уже немного продвинулся по служебной лестнице. Работать в одном учреждении было очень удобно, ведь существовала еще одна работа, о которой в институте не догадывался никто. Тайна — одна на двоих. Марго и Дэн. Они чудесно дополняли друг друга. Спокойный, внимательный, пожалуй, немного романтичный Денис и его отчаянная, неукротимая напарница. Рита была поразительно талантлива и столь же бесстрашна. Пожалуй, в их тандеме она рисковала даже больше, чем Дэн, хотя главным считался он. Казалось, что ничего невозможного для нее нет... Кроме одного. Не знающая страха, не признающая никаких препятствий «королева временных полетов» Марго ни разу не заглянула в свое будущее и в будущее Дэна... А, наверное, зря...

Примерно через полгода после начала работы в НИИ Рита попала в больницу. Как же нелепо и глупо все вышло: неудачно оступилась на лестнице и сломала ногу. Ей было очень неловко перед коллегами, ведь только начала работать, но ничего не поделаешь, пришлось смириться. Дэн, конечно же, сразу примчался навестить, успокаивал, а потом пропал. Рита ждала его каждый день, но напарник не появлялся. Мало ли что могло быть: командировка, или сам заболел... Оказалось, совсем другое.

Дэн зашел к ней в палату с сияющим лицом и огромным букетом белых роз в руках.

— Рита! Я женился! Ты слышишь? Почему ты молчишь? Марго, ты понимаешь, я женился!

Она действительно не могла сказать ни слова, просто не понимала ничего. Он не мог жениться ни на ком другом, кроме нее. Они же всегда вместе... Неужели?

— Рита, ты что? Ты не рада за меня?

Собрав все силы, какие у нее только остались, почти умирая от отчаяния, Марго тихо прошептала:

— Дэн, я же больна и не могу радоваться громко. А потом, ты меня ошеломил этой новостью. Зачем скрывал, что к свадьбе готовишься?

— Ничего я не скрывал, мы только две недели назад и познакомились. Ты подумай, зачем бы я стал скрывать?!

— Две недели? И вас так сразу зарегистрировали? А ты про очереди во дворцах бракосочетания не слышал? И районный загс тоже сразу не распишет.

— Ну... Мой тесть... Он, понимаешь, он начальник Управления нашего ведомства. Подключил свои связи...

— Дэн, Дэн... И зачем тебе начальник Управления? — Рита оглянулась вокруг. Никого. Тактичные соседки по палате вышли в коридор. — Ты же был в будущем и знаешь, что лет через семь-восемь все эти управления, ведомства, тресты, главки — всё полетит кувырком. Все они будут объединяться, делиться, снова объединяться... Будет другая жизнь. Зачем?

— Да как ты могла подумать?! Моя Машенька — прелесть, чудо! Да я просто люблю ее! Понимаешь, люблю ее, а не должность и возможности тестя. А ты решила, что все из-за карьеры. Эх ты... Я вас познакомлю, ты только выздоравливай быстрее.

— Хорошо, познакомь. Тогда и обрадуюсь за тебя... — Рита даже улыбнулась. — Она из «наших»?

— Нет. Она совсем обычный человек, о «времени» не знает ничего. И не должна знать. А я рад этому. Хочу иметь нормальный уютный дом, детей хочу растить. А жена пусть встречает меня после работы и даже не догадывается о наших с тобой «трудностях и опасностях». Марго? Ты устала, наверное...

Когда Денис ушел, Рита долго еще лежала не двигаясь, не произнося ни единого слова, закрыв глаза. Ее Дэн женился на какой-то Машеньке, го-

ворит, что по любви... А она почему-то считала, что он ее любит... Что ж, пусть живет счастливо со своей «обычной» женой, которая ничего не знает о «времени». Пусть делает карьеру, что бы он там ни говорил. Пусть у них будут дети и уютный дом. Пусть... Но другая часть жизни Дэна принадлежит только ей. И никакая Маша не сможет у нее этого отнять, потому что она «обычная» и ничего не знает о «времени»...

Вот так, постепенно, и стала Рита незаметной «серой мышкой». А зачем наряжаться, делать красивую прическу, зачем стремиться получить новую должность? Это все здесь, и это всего лишь передышка перед очередной командировкой, а главное в ее жизни — работа во «времени», потому что там она с Дэном. Ее маленькая однокомнатная квартира — всего лишь пристанище на пути, что она выбрала для себя. Какой уж там уют? Она почему-то была твердо уверена, что Дэна все давно понял, что он знает про ее чувства, но просто молчит, так как сказать здесь совершенно нечего. Но это его молчаливое понимание придавало ей сил, поддерживало долгими неделями, а то и месяцами одиночества, поскольку «путешествия во времени» случались не так часто, как ей хотелось бы.

А вот Дениса хватало на все. Сразу после свадьбы тесть подарил молодоженам новую кооперативную квартиру. Маша не работала, хотя окончила один из престижнейших институтов Москвы. Но скучать и болтать с утра до вечера с подружками ей даже не приходило в голову. Кипучая энергия, веселый характер — и неизбежные квадратные метры их жилища рекордно короткие сроки превратились в теплое очаровательное гнездышко, куда Денис Валентинович с радостью спешил после окончания рабочего дня. Когда у них родился первенец, счастливый дедушка преподнес Дэну ключи от светло-серой «Волги», пусть не

новой, но с очень небольшим пробегом. А после рождения второго сына Денис ощутил себя абсолютно состоявшимся человеком. «Временные» командировки не только не мешали обычной жизни, а, наоборот, делали ее еще более насыщенной и интересной. Вот только Рита беспокоила его все больше и больше...

Весна 1985-го... Возможно, потом кто-то будет говорить, что «ветер перемен» уже тогда витал над страной... Возможно, так оно и было. Но в широкие и бесконечно длинные институтские коридоры он еще не проник. Институт жил своей привычной жизнью. Сотрудники думали о предстоящих летних отпусках, распределяли путевки в ведомственные дома отдыха и детские лагеря. Все шло своим чередом. Только Машин отец все чаще и чаще приходил домой с озабоченным лицом, случалось, клал под язык валидол, а при встрече с Денисом уже не спрашивал, что это его зять застрял на должности начальника отдела, не пора ли дальше продвигаться? Ну а во «Временной канцелярии», где точно знали, какие трудные годы для людей наступят вскоре, творилась и вовсе полная неразбериха. Командировки стали редкими, поэтому когда Дэну предложили совсем простое дело в ближайшем прошлом, он решил взять с собой Риту. Вместе привычнее, даже если и дело совсем несложное.

Существовала еще одна причина, по которой он хотел слетать вместе с Марго. Неисправимый романтик Дэна несколько лет назад нашел одно маленькое кафе, где так приятно было отдохнуть после трудных операций, а иногда и просто так. Они хранили свою маленькую тайну даже от «канцелярии». Кафе представляло собой всего четыре небольших пластиковых столика прямо под открытым небом возле перекрестка двух дорог. Около каждого столика имелся зонт, защищающий от солнечных лучей. Стулья, сделанные из такого же пластика,

только ярко-рыжие, более чем скромно. Неподалеку располагался трейлер с походной кухней, а рядом еще один, в котором, должно быть, жил хозяин этого заведения, хмурый, загорелый и неразговорчивый мужчина средних лет. Дэна объяснял с ним по-французски. Исходя из этого, Рита понимала, что они точно не в своей стране. Никаких населенных пунктов поблизости не наблюдалось. Обычное дорожное кафе на перекрестке... За спиной тянулась невысокая горная гряда, где-то впереди, не дальше километра, обрыв, с которого открывался великолепный вид на море, справа и слева, куда ни кинешь взгляд, бескрайний пустынный пейзаж. Наверное, бывали здесь и другие посетители, но при них — ни разу. На какие средства содержалось это кафе? В каком времени они находятся и где? Марго об этом не задумывалась. Она слишком дорожила свиданиями с Дэном здесь, под неизменно ясным голубым небом, ласковым солнцем, далеко от реальной жизни, чтобы задавать подобные вопросы. Впрочем, ни о чем особенном, сокровенном, они никогда не говорили. Просто отдыхали, пили крепкий ароматный чай, обсуждали работу в «канцелярии» и в НИИ. Приезжали сюда они на мотоциклах, которые хранились в еще одном засекреченном месте. А иногда на скутерах. Двойная конспирация — так уважаемый, важный Денис Валентинович «играл в разведчиков». Смешно, конечно. Но Марго это радовало. Такого Дэна не знал никто, кроме нее. Такой Дэна, веселый, мчащийся на мотоцикле по пыльной дороге, не ведающей, что такое асфальт, принадлежал ей, только ей.

А он, слегка прищурившись от яркого света, внимательно смотрел на Риту. Хотел начать разговор, к которому давно готовился, ради которого и пригласил ее сегодня сюда, а не получалось никак. Уж больно счастливой она выглядела сейчас. И такая красивая... Не то что в институте.

— Марго...

— Что? — Рита рассмеялась. — Ты что-то хочешь спросить?

— Ты такая красивая здесь. А там, в настоящей нашей жизни, никто и не подозревает даже, какая ты красавица. Что ты делаешь с собой, Рита?

— Ну ты-то знаешь, какая я.

— У тебя волосы прекрасные. Зачем ты все время там закручиваешь их в какой-то пучок на затылке? Зачем ты себя старишь, Марго?

— Но ведь ты знаешь, какие у меня волосы и что я не старая совсем. И потом, что считать настоящей жизнью... Это вопрос.

— Настоящая жизнь там, а здесь работа. Ты знаешь, как здорово возвращаться домой, когда тебя ждут? Знаешь, как смешно топают маленькие детские ножки за дверь, стоит лишь нажать на кнопку звонка. Ребенок уже понимает, что это именно я пришел, а не кто другой. Настоящая жизнь там, здесь всего лишь работа... А тебя там вроде и не существует. Ты ходишь как привидение. Встряхнись, оглянись вокруг, нельзя же так дальше, Марго!

— Но ведь ты-то знаешь, что я не привидение.

— Я... При чем здесь я? Скоро, совсем скоро все изменится. Институт развалится. Придется искать новую работу. Мой тесть уйдет на пенсию и уже ничем не сможет нам помочь. А мне надо думать о семье, о детях. Представляешь, мы ведь с Машенькой третьего ждем... Дочку. Наверное, дочку...

— О...

— Да. Я прорвусь, выживу. Понимаешь, у меня выхода другого нет. Маша с тремя детьми точно работать уже не будет. Да и ни к чему ей это. Она и так у меня молодец, хозяйка замечательная. А ты? Что будешь делать ты? Ты совсем одна.

— Что же ты хочешь от меня, Дэн? Чтобы я срочно вышла замуж? — Рита чувствовала, как бьется ее сердце, громко, слишком громко... Слезы комом встали в горле, мешая говорить, но она продолжила: — Значит, скоро каждый из нас начнет жить только своей жизнью, и нашей дружбе, сотрудничеству, «полетам» придет конец?

— Зачем ты так? Я ведь о тебе беспокоюсь. Каждый из нас уже давно живет своей жизнью, своей семьей. И дружбе конец не придет. Но ты же сама видишь, «временных командировок» все меньше и меньше... Ближайшие десять лет очень трудными будут.

Рита молчала. А что было говорить... Все, на чем держалась ее жизнь, рухнуло от одного разговора. Наверное, Дэн и правда хотел как лучше, тревожился о ее будущем. Но он, оказывается, ничего не понимал, ничего не ощущал. Целых десять лет! Какая же она глупая... Целых десять лет! Она придумывала себе сказку... Он ни в чем не виноват, он никогда ничего ей не обещал, он никогда не давал повода, надежды, никогда... Все она придумала сама. А он давно и счастливо жил с женой и детьми, строил пла-

ны, в которых ей места не было и не могло быть. Пусть так... Но неужели он ничего не понимал? Целых десять лет!

— Марго, ты что? Я не так сказал? Обидел? Что не так? Ты не молчи, пожалуйста, скажи...

— Уезжай, хорошо? Уезжай сегодня первым ты. А я чуть позже.

Обычно первой всегда покидала кафе Рита, а уж затем, минут через десять, Дэн. За эти десять минут он рассчитывался с хозяином, ставил «защиту», чтобы их ненароком не вычислили свои же. А затем седлал свой мотоцикл и мчался к обрыву. Там, на самом краю, он стоял и смотрел на раскинувшееся перед его взором море, на птиц, что летали над волнами, вдыхал полной грудью теплый и тем не менее освежающий воздух, а уже потом, проехав еще метров сто, не более, перемещался на промежуточную точку, где его ждала Марго. Там они оставляли мотоциклы, чтобы в своем привычном облике отправиться домой, то есть в институт. Вроде как с обеденного перерыва вернулись. И никто ничего не замечал, главное — во «временную петлю» уложиться. Так было всегда.

Сейчас же в словах Риты звучало столько боли, что спорить и возражать Дэн не стал. Он подошел к хозяину, рассчитался за обоих и поехал к обрыву. А Марго осталась сидеть за столиком.

Продолжение следует.

г. Москва

Евгений Агеенков — уроженец Подмосковья. Окончил МПУ имени Крупской. Работал в сфере образования.

Стихи и прозу пишет с детства. Печатался в университетской газете «Народный учитель», в газете «Центр плюс».

Автор сборника «Последний шаг из черной бездны».

ГЛАМУР

*Жизнь студента — секс, любовь, учеба!
Из телевизионного интервью возле вуза*

Студентка первого курса Московского педагогического института Люба Скоморохина сидела на стуле возле своей прикроватной тумбочки у окна и готовилась к зачету по информатике. Учиться в институте Любоньке было не сложно, так как личной жизни у нее не было никакой, хотя простого семейного счастья ей хотелось не меньше, чем ее подругам по комнате в студенческом общежитии — Маше, Насте и Леночке. И все бы ничего, если бы не некоторая мешковатость фигуры Любоньки, некоторая полнота ее, хотя девушкой она была неизбалованной, неглупой, энергичной, потому легкой на подъем, достаточно сообразительной и временами даже остроумной. И были в институте и на ее курсе мальчики, с которыми, возможно, могли встречаться и Маша, и Настя, и Леночка, и другие девчонки института. А вот о том, чтобы встретиться или хотя бы пообщаться с ними не на предмет учебных занятий, то есть где-то в уединении, Любоньке оставалось лишь мечтать. Однако даже и мечтать, собственно говоря, Люба могла себе позволить совсем недолго. Действительность всякий раз возвращала ее с небес на землю после утреннего умывания, когда Люба расчесывала свои

длинные густые каштановые волосы и видела в старом треснувшем зеркале отражение своего ничем особо не примечательного, полного лица.

Все шло как шло. И все же какое-то предчувствие, подстегиваемое женской интуицией, подсказывало ей, что что-то произойдет, что скоро все изменится, что будет все-таки и на ее улице праздник! Правда, с одной крайне негативной для девушки, легко бросающейся в глаза и могущей оттолкнуть любого чертой характера, как неряшливость, Любонька справиться пока не могла. Она также не замечала порой, что платье от сидения помято и его необходимо поправить. Она не замечала и того, что губы после еды бывают жирные и масляные и их следовало бы вытереть платочком. Она не замечала также, что порой смеялась слишком громко за столом, когда лучше было бы проявить сдержанность или же прикрыть рот ладошкой. Любонька жила со всем этим уже восемнадцатый год, и, тем не менее, мечты о счастье ни на минуту не покидали ее, и она красила ногти на руках, а тайком от подружек ногти красила и на ногах. Пожалуй, это было единственное, чем она старалась поддерживать в себе женское

стремление хоть кому-то понравиться, пусть по-своему, но стараться как-то выглядеть — ведь женщина всегда остается женщиной!

Минуло более часа с того момента, как Любонька начала читать, и читать она устала, перевела взгляд на окно. С третьего этажа хорошо было видно, как, замерев в сени невысоких молодых деревьев с только что распустившимися почками, целовалась влюбленная парочка. Некоторое время Любонька смотрела на них и вдруг всего лишь на чуточку представила себя на месте той девушки, затем продолжительное время вздохнула и опять уткнулась глазами в учебник. Только в этот раз ненадолго. Потому как в комнате будто блеснуло. Любонька поначалу подумала, что это молния, подняла голову, однако небо за окном по-прежнему оставалось голубым и чистым, а влюбленная парочка внизу все так же целовалась. Любонька решила, что это кто-то балуется, играясь маленьким зеркальцем, направляя в ее окно отраженные солнечные лучи из открытого окна дома напротив. Однако в открытом окне того дома никого не было — там лишь слегка колыхался от редких порывов весеннего ветерка полупрозрачный тюль. Тогда Люба повернула голову в сторону двери — и то ли испугалась, то

ли изумилась! Да, собственно, и было от чего! Около двери стояло англоподобное существо небольшого роста и непонятного возраста, отдаленно напоминавшее мультяшного Карлсона, который живет на крыше. Правда, вместо пропеллера у него были белые-белые крылышки, лицо больше детское, за спиной — резной колчан со стрелами, а на голове — очаровательные светлые кудряшки.

— Что так смотришь на меня, будто впервые видишь? — сказала существо мелодичным и в то же время несколько резковатым голосом. — Не бойся. Я прибыл сюда помочь тебе. Ведь ты счастливо быть хочешь? Так будешь. Если веришь в свое счастье, то непременно станешь счастливою. Что ты опять так странно на меня уставилась? Давно уже должна была догадаться, кто перед тобой! Не догадалась? Что ж, придется помочь тебе и в этом. Итак. Я — Амур. А точнее — Гламур.

— Гламур? — удивленно спросила Любонька и попыталась собраться с мыслями.

Что за персонаж такой Амур, Любе, конечно, хорошо было известно, а вот «гламур» на французском языке означает не иначе как «блеск» или «блестящий». Да! Именно так!

— Увы, в данном случае не так! — словно прочитав умозаключения Любы, с легким раздражением в голосе проговорил странный гость. — Гламур — это сокращенно. А полностью это звучит как Главный Амур! Вообще-то я не должен был к тебе прилетать. Этим я теперь не занимаюсь так, как раньше. Я теперь руковожу, то есть направляю — кому, куда и зачем. Просто день такой сегодня выдался. Все мои подчиненные амуры разлетелись кто куда, так как дел у нас — только успевай поворачиваться, вот я один и остался. Не буду скрывать, что долго думал, прилетать к тебе или не прилетать. Но ты так настойчиво продолжала вызывать нас своими мечтами, своими надеждами, что я не выдержал, даже слезу пустил от умиления и прилетел к тебе,

как видишь. И хотя случай у тебя курьезный, я все же постараюсь тебе помочь, подскажу: где, когда, чего и как. Ну и от тебя самой тоже немало зависеть будет. А самое главное, что ты должна будешь сделать, — это не отпугнуть от себя, не отвратить, выдержать и проявить больше чувственности и такта. Это ты сможешь, это ты сумеешь, я знаю, ибо великая актриса в тебе давно живет, и ты сама свой талант уже использовала бы, да не догадываешься, вот в чем вся загвоздка! Ну, это я так, промежду прочим тебе говорю. А ныне тебе предоставляется замечательная возможность изменить свою жизнь. И ты теперь попробуй этим своим даром воспользоваться, девонька! И в полной мере. Правильно сделаешь — хорошо тебе будет. А если неправильно, ошибешься в чем-то — понапрасну все пройдет, как песок между пальцами: вот он был, и вот его нету. Ну да ладно, покончим со вступлением и перейдем к делу. Сергей Пшеничный — вот кто тебе нравится. Верно?

Любонька кивнула.

Гламур саркастически хохотнул.

— Так он многим девонькам по нраву! — изрек он. — Парень он видный, деловитый, хозяйственный и добрый, но, правда, уже не без некоторого изъяна, к сожалению, так как жизнь в студенческом общении, что и говорить, его слегка подпортила. Однако данное обстоятельство будет тебе только на руку.

— Это как?

— Так ты слушай и запоминай, и все будешь знать. Учти только, что повторять я не стану. Пропустишь мимо ушей — пеняй на себя. Надеюсь, поняла это?

— Поняла.

Гламур сокрушенно покачал головой.

— Все же нет. Ничего ты еще не поняла. Так слушай внимательно!

— Да-да, я слушаю, слушаю, — с готовностью проговорила Любонька.

— Да-да, я слушаю, слушаю, — передразнил ее Гламур и посмотрел на золотые часы на цепочке, которые

появились у него в руке каким-то необъяснимым образом. — Слушает она... Итак! Ровно через четверть часа, девонька, ровно через четверть часа студент Сергей Пшеничный, без друзей и без подруг, кстати, сильно обуреваемый... гм... желанием, войдет в это самое общежитие, поднимется на третий этаж, будет проходить по этому самому коридору к этой самой двери и остановится, чтобы войти, для чего и постучится. Открой ему, позволь это сделать! Когда он войдет и увидит тебя одну, не будь душой, не сглупи, постарайся сделать так, чтобы он за-дер-жал-ся!

— Да. А как?

— Как-как!.. — Гламур зашагал взад-вперед, и золотых часов на цепочке в его руках уже не было. — Не забывай — ты же актриса! И помни, Сергей будет на взводе. Так дай ему понять, что ты не против тех его желаний! И в то же время дай ему понять, что какая бы ты ни была, а цену себе знаешь! Найди золотую середину, сострой какую-нибудь привлекательную гримасу, какую ты умеешь делать, когда хочешь развеселить своих подруг! Пожалуй, в то время выражение твоего лица будет наиболее подходящим. И не вздумай кричать, когда он накинется на тебя, иначе все испортишь! А сидеть тебе в то время лучше на кровати. Так надежнее будет. И сразу ноги не задирай, не растопыривай заранее! Но и долго не сопротивляйся. И смотри, чувствуй меру, а то переусердствуешь, тогда, считай, все пропало. И без-воз-вратно. Он встанет, обругает тебя и уйдет. Хотя, может, и не обругает, он не такой, конечно. Но уйти может. И уйдет.

— Хорошо.

— Чего хорошего-то?

Гламур остановился и с чувством воззрелся на Любоньку.

— Ладно, — сказал он. — Уйдет — ну и пусть его!.. Ведь правда? Вопрос в том — надолго ли? А ты же, девонька, как мне видится, все еще невинна?

Щеки Любоньки слегка порозовели.

— А вот краснеть не надо, — понимающе сказал Гламур. — Стыдиться нужно не этого! Стыдно должно быть тем, кто до первого замужества своего, до первой брачной ночи своей с невинностью расстался! А тебе это только на руку. К тому же забеременеешь ты, девонька, аккуратно с первого разочка.

Люба ахнула.

— Да тихо ты, дуреха, тихо! — по доброму прикрикнул на Любоньку Гламур и замер на короткое время, прислушиваясь к раздавшемуся шуму за дверь.

Когда за дверь поутихло, Гламур продолжил:

— Итак. Далее. Через девять месяцев мальчуган у тебя народится. К тому времени ситуация вокруг Сергея будет складываться именно так, что деваться ему будет некуда. И ему, чтобы избежать негативного мнения о себе любимом и не попасть в ореол дурной славы, придется, придется-таки на тебе жениться! Но заранее предупреждаю: он долгое время будет тебя сторониться, как узнает, что ты беременна. Не обращай внимания на это. И то, как он будет смотреть на тебя, ты близко к сердцу своему не принимай, так как все это временно. Он парень покладистый, быстро свыкнется с возникшим положением вещей. К тому же не глупый, осознает, что сам виноват — поддался собственной страсти, подождать не мог, не вытерпел, полез не на ту, на какую хотелось в ту минуту, а на ту, что ближе оказалась. Ну а ты и не теряйся! Лови другой момент! Сама старайся ему угодить в чем-нибудь. Узнай, что он любит, и действуй. Но это потом. Когда же родишь, поедете к нему на Украину. У него там дом, хозяйство свое будет, огород, свиньи, куры, гуси, ну и прочая живность, для человеческой жизни пригодная. А ты, я знаю, сильная, терпеливая, работой не брезгуешь и деревенским трудом не тяготишься, а значит, со всем этим справишься, и хозяйство поведешь

справно, и за детьми, и за мужем присмотреть сумеешь. Вот так. Ну, все, пожалуй, я тебе сказал, и добавь вроде больше нечего. Запомни только, девонька, что дальнейшее зависеть будет от тебя самой. Вот и думай, считывая да прикидывая, старайся быть любезной к Сергею. Он вскоре это оценит. Да и ребенка своего он не бросит. Тем более мальчика! Не такой он человек. Любить будет, как положено отцу — главе семейства. Ну да ладно, теперь уже окончательно все. Ис-че-за-ю. А то и так уже чересчур заболтался тут с тобою. Да! И вот еще что. Сверни одеяло, убери, и усядься на простыне. Простыню потом спрячь. Может пригодиться. Ну а если вдруг студент твой закапризничает, я, так и быть, пушу стрелу любви в его сердце. Поняла, о чем я?

Люба с мечтательной улыбкой наклонила голову.

— Или все, или ничего! — подытожил Гламур. — А коль поняла, то хорошо. Тогда счастья тебе! И смотри же, не упусти его! Такое только раз в жизни случается! Помни об этом! — И Гламур растворился в воздухе, словно его и не было.

Еще до конца не веря в то, что произошло, — приснилось ей это или пригрезилось? — Любонька все же встала и вытащила из шкафа свое самое лучшее платье, оглядела его. Платье было в порядке. Люба положила платье на ближайшую к шкафу кровать, после чего свернула, как подсказывал Гламур, свое одеяло и убрала его в шкаф. Затем быстро приняла душ, быстро вытерлась, быстро причесалась, надела платье, надушилась дорогими духами и стала ждать, с важным, полным девичьего достоинства видом, с учебником в руках усевшись на кровати поверх белой простыни.

Вскоре раздался стук в дверь.

— Да, входите, можно!.. — дрогнувшим от волнения голосом отозвалась Любонька.

Дверь открылась, и на пороге появился Сергей Пшеничный, мечта многих девчонок на кур-

се, — среднего роста, симпатичный, хорошо сложенный, с красивыми глазами, с пышной шевелюрой и с пышными же аккуратно подстриженными усами. Некоторое время он сдержанно взирал на Любу.

— А, привет, — с кокетливой улыбкой пролепетала Любонька.

— Привет, привет, — небрежно и в то же время как-то озабоченно откликнулся Сергей. — Одна тут сидишь? А Ленка где?

— Лена? Не знаю. Может, в магазин пошла... — беззаботно ответила Любонька, хотя прекрасно помнила, что Лена собиралась пойти на почту, точнее, на переговорный пункт рядом с общежитием, чтобы позвонить домой в Коломну.

Сергей как-то по-бычьему мотнул головой, но уходить, похоже, не спешил, так и стоял, переминаясь с ноги на ногу. Будто что-то удерживало его. И это «что-то» явно выразилось в его несколько напряженном лице, в его нетерпеливых, почти нервических движениях. Он снова посмотрел на Любу, и взгляд его внезапно устремился вниз и задержался чуть ниже живота Любоньки.

— Серез, ты дверь-то закрыл бы да в комнату прошел, — ласково предложила Любонька. — А то стоишь там, как опоздавший первоклассник перед учителем.

Сергей напряженно усмехнулся, потом вдруг повернулся и плотно прикрыл дверь.

— А ты... Ты начертательную геометрию сделала? — внезапно заинтересовался он, хотя с подобными вопросами к Любе никогда не обращался, так как всегда находились те из сокурсниц, кто охотно бы желал ему помочь.

— Сделала, — все с той же улыбкой ответила Любонька. — И математику сделала. И физику тоже... сделала. И еще что-то... сделаю. Тебе дать?

Сергей Пшеничный догадливо и самодовольно улыбнулся и в сладострастном порыве рванулся к Любоньке. С прорвавшимся от возбуждения рычанием уже не

мальчика, но мужа он набросился на Любу, завалил ее на белую простыню и задрал подол платья, трусиков под которым почему-то не оказалось. Люба громко вскрикнула, а дальше все пошло весьма обычным и вполне естественным, бурным и скоротечным для молодости образом. А потом Сергей действительно ушел.

Да, уходил он торопливо, вскочив с кровати и с отвращением глянув сначала на Любу, потом на небольшое красное пятно на простыне. И только голос его Люба все еще слышала — он неприятным эхом отдавался в ее ушах!

— Ничего не было! Ничего не было! — поспешно натягивая штаны и с опаской озираясь на дверь, с отчаянно округлившимися глазами, будто пытался убедить в том саму Любу, испуганно повторял тогда Пшеничный. — Я к Ленке шел!.. К Ленке, а не к тебе! Поняла? Мне она была нужна! Мне она была нужна, а не ты! Поняла?

— По-ня-ла!.. — подобно Гламуру, с веселостью проворковала Любонька и, мысленно наступив пятой на горькую обиду, вдруг разразилась громким, безудержным смехом Сергею вслед.

Она не сдерживала себя. Да и не могла себя сдерживать ни сколько, и все смеялась, смеялась и смеялась, лежа на белой простыне...

До слез смеялась от близкого счастья!

Смеялась до тех пор, пока в комнату не вошла удивленная Лена, встретившая в коридоре Сергея, неожиданно и странно поразившего ее своим растерянным, всклокоченным видом.

Московская обл.

Владимир БАЙБИЧЕВ

Владимир Байбичев окончил Государственный институт театрального искусства (ГИТИС), ныне Российская академия театрального искусства (РАТИ). Работал солистом в Детском музыкальном театре им. Натальи Сац, в Концертном ансамбле Центрального дома Советской армии и в Большом театре России.

Параллельно с репетициями, спектаклями, концертами и снова репетициями и спектаклями ощущал потребность, как говорится, точить перо о бумагу, в результате чего такие стихи, как «Повесть юности», «Я Вас где-то видел», «На улице Футбольной», «Не такой, как все», в разное время были напечатаны в толстых журналах и альманахах. В настоящее время готовит к изданию свой поэтический сборник «Фейерверк».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Каждому человеку, даже прожившему большую половину жизни ровно, спокойно, без особых потрясений, всегда найдется рассказать что-нибудь, на его взгляд, забавное и необычное, с чем ему однажды пришлось столкнуться. Конечно, делать бесспорные выводы и судить о том, насколько повествование окажется интересным и значимым, предоставляется все тому же — самому умному, объективному, твердому в своей оценке, самому рассудительному и бескомпромиссному, вечно юному **читателю**. Одну из многочисленно правдивых, небезынтересных, по моему мнению, жизненных историй я выношу на строгий, но справедливый суд последней инстанции, исключающий любой вид апелляции.

I

После окончания института, в конце 70-х годов, уже работая в одном из московских театров, на очередной

премьерной вечеринке (по сложившейся советской традиции в театральном мире после премьеры

автор пьесы или музыкального произведения устраивает банкет в солидном ресторане для всего творче-

ского состава, занятого в спектакле) мой старший товарищ по профессии Олег Пономарев познакомил меня со своим школьным другом Генарием Зотовым. Имя настолько редкое, что другого человека с таким именем я никогда не встречал. Возможно, оно было придумано его родителями (одно время это было модно). Но это были мои домыслы, на самом деле о происхождении его имени я ничего не знал и об этом никогда с ним не говорил.

Генарий на восемь лет старше меня. В основном носил гражданский костюм, и то, что он полковник КГБ, я не без удивления узнал гораздо позже. Дело в том, что такой, на мой взгляд, умный, скромный, интеллигентный, культурный и сравнительно молодой человек, да еще в таком высоком звании, никак не ассоциировался у меня со службой в советских нашумевших карательных органах. Позже мы стали созваниваться, потом иногда встречаться. Несмотря на его явную симпатию ко мне, первое время к нашим встречам относился с опаской. Я уже был слышан о **секретных сотрудниках** подобных органов и даже однажды имел разговор с молодым офицером, видимо, прикрепленным к театру, которому на предложение сотрудничать я в корректной форме объяснил, что не в моей природе доносить на людей, с которыми общаюсь. А главное, не считаю такого рода занятие полезным для страны и ничего кроме вреда для общества в нем не вижу. Со стороны же Генария подобного я не наблюдал. С ним легко мог откровенно разговаривать на любую тему, и, что интересно, наши взгляды всегда совпадали, может быть, за очень редким исключением. Мы без слов могли понимать друг друга. Часто взгляда или одного жеста хватало, чтобы проследить весь ход мыслей по затронутой теме. Ученые говорят, что это свойственно двойняшкам и редко очень близким по духу людям, — это нас и сблизало.

II

Но, надо сказать, наши встречи носили периодический характер. Он надолго пропадал — естественно, я связывал это с его службой. Как правило, он сам находил меня. Когда уж очень долго не объявлялся, я звонил в его «департамент», там меня заверяли, что все в порядке, и о том, что я звонил, обязательно ему передадут. Его, а потом и моими любимыми местами для встреч были рестораны «Славянский базар» и в гостинице «Москва» у фонтана, не помню уже, на каком этаже. В той самой прочной, удобной, роскошной гостинице, которую в 2010 году решили сломать. (Наверное, надо иметь мозги марсианина, согласно размерам планеты, чтобы понять, для чего это нужно было делать, если на этом месте построили точно такую же.) Иногда мы бывали вдвоем, но чаще с его двумя-тремя знакомыми, как правило, людьми очень высокого уровня и побывавшими, судя по рассказам, в самых необычных ситуациях, в основном связанных с политикой.

Разговоры были раскованные и откровенные. До сих пор у меня перед глазами стоит один «писатель» — так он называл себя. Высокий, грузный и неуклюжий, но беспредельно обаятельный и веселый толстячок лет пятидесяти пяти, который рассказывал, как его, недавно окончившего Литературный институт и не успевшего написать ничего серьезного, в 51-м году арестовали по какому-то доносу. Как потом выбивали признание, заставляя поставить свою подпись на непонятном листе бумаги. И он с гордостью заявлял, что этим головоломкам не удалось его переломить, поэтому он хоть и больной, но остался жив. Тех же, кто сломался и подписал «чистосердечное признание», в живых больше никто не видел.

Приходили мы не напиваться, а посидеть, пообщаться, за столом обсудить что-нибудь интересное,

новенькое. На двоих нам обычно хватало одной бутылки коньяка. Конечно, когда нас было четверо или пятеро, количество алкоголя на душу резко увеличивалось, но все равно при возможности употребления без ограничений пьяным до потери контроля над собой никто никогда не был. Заказывали традиционно рыбное ассорти, овощные салаты, жульенчики с грибами и что-нибудь горячее мясное с жареным картофелем. Пили всегда армянский коньяк и сладкую газировку: крем-соду, тархун или пепси-колу в стеклянных бутылочках по 0,33 литра. Сидели, отдыхали спокойно, никуда не торопились, зная, что после окончания застолья всех в целости и сохранности доставят по месту назначения.

III

Приближалась суббота 3 сентября 1988 года — день рождения Генария. Я знал, что он обязательно объявится, и ждал его звонка. Он позвонил накануне. В голосе я не услышал ничего необычного, представлял уже веселую, шумную, остроумную компанию, но его предложение меня ошарашило:

— Мой день рождения мы отмечаем с дамами. Ты не возражаешь? — спросил он у меня.

Я все понял. Раз он будет с подругой, естественно, чтобы ей не было скучно, я тоже должен пригласить девушку.

— Нет проблем, — сказал я ему, — с дамами — так с дамами!

Он выбрал «У фонтана» и назначил время встречи. Мы пришли заранее с подарками и цветами. Столик уже был сервирован, оставалось только поставить цветы в вазу. На этот раз помимо бутылки коньяка на столе стояло шампанское. В ресторане было тепло и уютно. Накрытый столик, цветы, музыка и фонтан создавали совершенно бесподобный комфорт, не сравнимый ни с чем! Мы освободились от верхней одеж-

ды, привели себя в порядок и расположились за столом, попивая сладкую водичку. Я его ждал с минуты на минуту.

Прошло около часа после назначенного времени, когда к нам подошел солидный седой мужчина средних лет в строгом темном костюме при галстукке и сказал, что Генарий извиняется за опоздание и просит начинать без него. Тут же появился официант с закусками, открыл и налил даме шампанское, мне — коньяк и пожелал нам приятного аппетита!

Естественно, воцарилось легкое замешательство. Но мы не так уж плохо были обучены, чтобы не попытаться исправить подобную ситуацию.

— За Генария! — сказал я с подчеркнутым выражением девушке, которой он был совершенно не знаком. — Счастья ему и здоровья в его день рождения!

Мы закусили, выпили еще раз и еще, расслабились, станцевали пару танцев, совершенно ушли в себя и в свои проблемы.

Его появление произвело, на меня, пожалуй, чуть ли не большее впечатление, чем известие о том, что он задерживается. Таким Генария я еще не видел. Можно было подумать, что за ним гнались и это угрожало его жизни. В первые минуты у меня даже из головы вылетело, что он должен был прийти не один. Он извинился, присел, налил в фужер для шампанского граммов двести коньяка, выпил и потихоньку начал приходить в себя. Было видно, как его черты лица возвращались в свое обычное спокойное и мягкое выражение. Зная его более десяти лет, я совершенно терялся в догадках, мысленно безрезультатно пытался зацепиться хоть за одну причину, которая могла довести его до такого состояния. Понимал, любой вопрос ему сейчас был бы нестати, поэтому сидел молча и ждал, когда он заговорит сам.

IV

И он заговорил, вначале обращаясь ко мне:

— Произошло это еще до нашего знакомства, кстати, тоже 3 сентября. Мы с женой недавно расписались и ждали первенца (жена была на четвертом месяце). Жили мы в центре Москвы в минутах пяти ходьбы от площади Маяковского. Причем ощущения, что наш массивный дом находится в самом центре, у нас не было. Это одно, но довольно весомое из немногих архитектурных положительных свойств нашей столицы. Окна выходили в огромный тихий двор в противоположную сторону от Садового кольца, и даже шум от машин, если специально не прислушиваться, фактически до нас не доносился. Я заканчивал аспирантуру при МГУ, факультет журналистики. Были некоторые предложения по моему трудоустройству. Одно из них, из Комитета государственной безопасности, с солидным списком преимуществ перед другими: сразу высокое офицерское звание, стабильная приличная зарплата, масса льгот. Но меня это особенно не прельщало. С моей профессией я мог неплохо зарабатывать и на гражданке, а главное, уже тогда понимал, что, обретая мнимую власть, навсегда придется распрощаться с реальной свободой.

В этот вечер друзья пришли поздравить меня с днем рождения! Обыкновенно мы посидели, поговорили, потанцевали, потом пошли проводить их до метро и заодно погулять с собаками. Назад возвращались не спеша. Шли вразбивку, жена с нашими знакомыми соседями и «друзьями человека» двинулись раньше, а я, обмениваясь прощальными словами с отъезжающими, немного задержавшись, с сигаретой в зубах плелся за ними на довольно приличном расстоянии. Неожиданно передо мной напротив небольшого ресторанчика на

Тверской (улице Горького), если идти с правой стороны из центра (фасад его по-прежнему смотрит прямо в сердце площади Маяковского), разыгралась небольшая, но самая настоящая драматическая сцена. Тогда я даже не подозревал, что мне тоже придется стать одним из ее персонажей. Сначала из дверей явно в возбужденном состоянии буквально выскочили трое: девушка и за ней два парня. Каждый из них, не желая слышать другого, жестикулируя и перебивая друг друга, громко, убежденно настаивал на своем. Смысл конфликта понять было невозможно, доносились лишь отдельные слова: «подруга!..», «проститутка!..», «день рождения!..»

Оставаясь каждый при своем мнении, девушка и один из парней стали ловить машину. Тут же на разных автомобилях, что мне показалось очень странным, уехала сначала девушка, а за ней и парень. Мой путь к месту действия становился все короче. Оставалось шагов двадцать до ресторана, когда из двери довольно спокойно, как мне показалось вначале, вышла еще одна участница неудавшейся вечеринки. Скорей всего, из окна ресторана девушка наблюдала за происходящим на улице. Она тихо начала что-то объяснять оставшемуся парню. Чем дальше она говорила, тем больше он от нее отворачивался. Объяснения девушки его никак не устраивали, а, наоборот, все сильнее раздражали. В конце концов он стал лицом к дороге, поднял руку, тут же остановилась машина, он сел в нее и, не произнеся ни единого слова, уехал.

V

Я медленно продолжал путь в своем направлении, и мы оказались почти tete-a-tete (с глазу на глаз) друг с другом. Девушка, до этого ничего вокруг не замечавшая, вдруг как бы спустилась на землю и уже пристально явно оценивающим взглядом посмотрела на меня.

Только вблизи по ее напряженному лицу я понял, насколько она была взволнована. Темные, как угольки, горящие глаза, прямой, вытянутый нос, уголки припухлых губ — все выдавало ее сильное внутреннее переживание. Мы поравнялись.

— Любовь! — четко произнесла она, протягивая мне свою руку.

От неожиданности я смог только остановиться и замереть с сигаретой в левой руке. Пришло ее время наблюдать за моей реакцией. Она улыбнулась, довольная собой. Даже теперь, после только что пошатнувшейся уверенности, в ее характере четко просматривались черты неоспоримого лидера.

— Меня зовут Любовь, — повторила она.

— Ге-на-рий, — по слогам ответил я, беря ее руку и более или менее овладевая ситуацией.

— Генарий, Генарий, Генарий, — она несколько раз медленно повторила мое имя, глядя куда-то в сторону.

Подобное поведение, с учетом возбужденного состояния, обычно свойственно людям перед принятием какого-то важного решения. Потом внезапно, глядя мне в глаза, уверенно произнесла:

— Поехали ко мне... Я одна... У меня все есть... Все, что хочешь... Не хватает только тебя... Ты не пожалеешь... Поехали... Не думай обо мне плохо... Это — судьба... Так бывает один раз в жизни... Мы будем самыми счастливыми на свете... Я знаю себе цену, а теперь и тебе... Поехали...

Она говорила что-то еще, а я смотрел ей в лицо, держа ее руку в своей, и не мог оторвать от него глаз. В эти минуты она стала для меня самой родной, самой умной, самой красивой и самой желанной на свете! Я понимал: подобного стечения обстоятельств два раза в жизни не случается, а если и происходит, то далеко не с каждым и не всегда.

Некоторое время мы, уже молча, разглядывали друг друга. Я стоял

как Прометей прикованный, накрепко опутанный невидимыми цепями, и готов был пожертвовать несчастной печенью и любым другим своим органом, чтобы в корне изменить свое мировоззрение.

Может, кто-то другой и мог бы поступить через все постулаты, приличия и принятые нормы жизни — отчаяние беспредельно! Но для меня сейчас это было нереально!..

— Я не могу... — единственное, что с трудом мне удалось выдать из себя. Черты ее лица приняли необычное, явно не свойственное ей безысходно-отрешенное, но от этого ничуть не менее привлекательное выражение. Теперь она была окончательно подавлена. Видимо, последняя неистовая попытка преодолеть полосу неудач и коренным образом изменить свою жизнь потерпела фиаско! Уже не глядя на меня, она равнодушно освободила свою руку, машинально вытянув ее. Впрыгнула в очередной автомобиль и исчезла.

VI

Последний эпизод промчался молниеносно. Так происходит несчастный случай, хотя, возможно, как показала вся моя дальнейшая жизнь, это он и был. Ведь инициатива могла находиться в моих руках: объяснить ей, что мы обязательно увидимся, у нас будет время побыть вместе, поговорить, рассказать о себе — только не сегодня. В конце концов, мог взять ее телефон, узнать место жительства, учебы или работы — но я даже не попытался воспользоваться возможностью. Меня одолели сомнения. Может быть, такие, как я, несмотря на элитные воспитание и образование, часто уверенные в себе и в своем будущем, переоценивают свои возможности, им просто везет в жизни до определенного периода, благодаря созданной для них заботливыми родителями подушке безопасности? А настоящее врожденное человеческое свойство,

способное моментально дать объективную оценку любому событию, а главное, принять оптимальное решение в самой критической ситуации, доступно единицам из миллионов?

Позже я перебрал всех своих успешных на первый взгляд, не безызвестных, добившихся в жизни солидного положения друзей и знакомых, и ни одного не мог выделить с подобным качеством. У каждого невооруженным глазом просматривался какой-нибудь изъян, огрех или слабое место. И только в тебе, — второй раз за вечер он обратился ко мне, — мне показалось, я разглядел это свойство. Хотя, конечно, ведь ты меня простишь, в твоей жизни не присутствуют ни слава, ни известность и ни, тем более, положение в обществе. Тогда я сделал необычный для себя вывод, что за людьми, всеми силами и средствами рвущимися на вершину власти или пик знаменитости и популярности, за редким исключением, стоит вовсе не разум, не талант и не порядочность, а что-то произвольное: может быть, страсть к наживе, неистовая уверенность в своих стремлениях и деяниях, подкрепленная здоровым физическим состоянием и, самое главное, на мой взгляд, заменителем таланта — врожденным избытком внутренней энергии. А по-настоящему умные, грамотные и профессиональные люди, каждый в своей области, особенно не акцентирующие свое внимание на должностях и званиях, сумевшие понять философский смысл жизни (в ее полной бессмысленности), скромно выполняют свою миссию, довольствуясь тем положением, которое им определила судьба...

Извините, я, кажется, немного отвлекся, — Генарий обратился уже к моей девушке.

Я решил воспользоваться таким поворотом и сделать паузу в его рассказе. Сам наполнил бокалы, представил Генарию свою под-

ругу и произнес в таком духе, что, как бы ни складывалась ситуация, мы видим перед собой виновника торжества живым и здоровым! Поздравляем его с днем рождения, прикрепляя к этому искренние самые наилучшие пожелания! Первый раз за весь вечер мы выпили вместе. На некоторое время за нашим столиком воцарилась тишина.

До этого момента не обращавших внимания на музыкальное оформление, на нас вдруг обрушился пронзительный голос местного певца, буквально требовавший: «Остановите музыку!» И очень хотелось сказать: ну, пойдите же ему навстречу, если человек так просит. Но вопреки страстному пожеланию исполнителя, песня Давида Тухманова продолжала звучать. Мы с Генарием посмотрели друг другу в глаза, поняли, что подумали одно и то же и улыбнулись.

VII

Не знаю, как моя подруга, но я был заинтригован рассказом Генария. Развязка уже была где-то близко, и теперь я ждал только одного — продолжения. Но у Генария, видимо, прошел стремительный порыв немедленно поведать другу о наболевшем с годами, и мы заговорили о политике. Конечно, о перестройке Горбачева, о ее втором экономическом этапе, об ожидаемых переменах, о новых направлениях, таких, как гласность и политические реформы. В целом настроение в обществе характеризовалось оптимистическими планами на будущее, подкрепленными реальными событиями тех дней. Например, началом вывода советских войск из Афганистана, выходом постановления Политбюро ЦК КПСС об ускорении процесса реабилитации жертв политических репрессий; проведением в Москве в Большом театре Союза ССР торжественного акта и большого праздничного концерта, посвященного 1000-летию введения христианства на

Руси. С особой гордостью и большими надеждами мы обсуждали заседание Президиума Совета Министров СССР, на которое впервые в истории были приглашены журналисты телевидения, радио и всех центральных газет. Тогда никто из нас и подумать не мог, что до краха империи под названием «Союз Советских Социалистических Республик» оставалось всего каких-то три года!

После очередного тоста я выбрал момент и спросил, что было дальше. Генарий будто ждал моего вопроса. Не заставляя себя долго уговаривать, сразу продолжил с того места, где остановился.

— После того вечера жизнь моя круто изменилась. Естественно, я сразу начал поиск. Мой визит в ресторан на следующий день и расспросы о вчерашней компании мне ничего не дали. Официант тоже обратил внимание на небольшую ссору двух молодых пар, но до этого вечера их в ресторане никто никогда не видел. Еще он поведал, что за все с ним рассчиталась девушка, хотя в таких компаниях, как правило, оплачивает кто-то из мужчин.

Последнее наблюдение официанта добавило еще одну интересную информацию: значит, число и месяц наших дней рождений совпадали.

Необычная встреча не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Что знал о ней? Только ее имя, то, что ей лет двадцать и родилась 3 сентября. Я ничего не мог поделать с собой. Желание найти «свою» Любовь стало моей навязчивой идеей, смыслом жизни. Тогда я и определился со своим трудоустройством. Это решение было очень кстати той жизненной ситуации, в которой оказался. Специфика подобной службы в сочетании с моей профессией фактически давала мне реальный шанс заняться ее поиском, и я, на удивление многим моим знакомым, дал согласие на службу в органах. Жена, естественно, замечала перемены в наших отношениях, но связывала это вначале со

своим интересным положением, а в дальнейшем с моей новой профессией. Понятно, что для осуществления задуманных мной дальнейших действий важно было позитивно зарекомендовать себя у руководства и заслужить его полное доверие. С первых же дней я заявил о себе как о сотруднике ответственном и надежном. Не пренебрегал ни единым приказом, в любое время мог отправиться в командировку, куда бы мне ни было предложено, старался в срок класть на стол объективные отчеты о проделанной работе.

Можно себе представить, что это такое — в многомиллионном городе отыскать человека, не зная ни адреса его, ни фамилии. Легче найти иголку в стоге сена. Но что-то надо было делать. Я завел карту Москвы, разбил ее на сектора. Выделил учебные заведения, где она могла учиться, а главное, без лишних вопросов, используя служебное положение, с моих слов сделал ее фоторобот. Фото после кропотливой работы получилось на славу — она была узнаваема, и, на мой взгляд, ее было трудно с кем-либо перепутать.

VIII

Начались долгие месяцы, а потом и годы поиска. Это сделалось моим хобби, дошло до автоматизма, стало неотъемлемой частью моей жизни, все равно что обязательный атрибут повседневного существования. Я понимал, что процесс для меня стал важнее, чем сам результат. С годами мне даже становилось не по себе, когда я мысленно представлял, что нашел ее. Это меня пугало, я не знал, как себя вести, что сказать ей. А главное, по прошествии многих лет у нее наверняка сложилась своя личная жизнь. Может, она давно забыла меня, и подобный эпизод у нее был далеко не единственным. Если бы я отыскал свою Любовь сразу, тогда другое дело.

И все же я нашел ее. Вернее, это произошло совершенно случайно, как и всегда бывает в подобных

ситуациях; трудно поверить, да еще и накануне 3 сентября. Со- всем недавно, в двадцатых числах августа, я возвращался из очередной командировки с Кавказа на фирменном скором поезде. На одной из станций я наблюдал, как в соседнее купе вошли две веселые загоревшие дамы. Интересно, глядя тогда в их сторону и видя их лица, я не ощутил ни малейших эмоций. Только спустя некоторое время, когда прилег отдохнуть и закрыл глаза, передо мной вдруг отчетливо всплыл знакомый профиль.

Меня прошибло холодным потом. Ошибки быть не могло, это она! Она — моя Любовь, мое хобби, один из главных смыслов моего существования! И все это теперь находилось за тоненькой стенкой купейного вагона. С десятков лет я ждал этого момента, готовился к нему, а теперь, когда он наступил, меня охватила паника! Первое мое желание было вскочить и бежать, чтобы немедленно увидеть ее, точно убедиться в своем предположении. Рассказать, какое значение для меня обрела наша случайная встреча и чем я жил все эти годы. Но, собрав в кулак всю свою волю, немного поразмыслив, с учетом непредсказуемости данной ситуации решил действовать осторожно. Я приоткрыл дверь и стал прислушиваться к происходящему в соседнем купе, которое было открыто настежь. Оттуда доносился веселый разговор и звонкий смех. Ловить момент для как бы случайной встречи долго не пришлось.

IX

Я вышел, когда Любовь одна стояла у окна. Не глядя в мою сторону, она кивнула в ответ на мое приветствие. Я владел информацией, известной только одной стороне, и потому во мне появился какой-то

шарм, я почувствовал уверенность, превосходство над своим партнером. Возникло желание по-актерски блестяще обыграть уже сложившуюся в голове эффектную сцену: представиться психологом, ясновидящим и, конечно, для начала, угадать ее имя и дату рождения. Я уже представлял ее восторг и смятение от моих незаурядных способностей, когда вдруг тихо, но четко на выдохе услышал ее голос:

— Ты искал меня?..

Ее вопрос моментально сбил меня с толку. Я онемел, я был уничтожен. Куда девались выправка с осанкой! Этот удар показался мне похлеще первого, когда много лет тому назад она протянула мне руку с коротким словом «Любовь!». Через минуту я понял все. Она тоже искала меня все эти годы, в каждом лице хотела видеть мое. Поэтому без всяких фотороботов ей хватило одного короткого взгляда, чтобы в любой толпе, в любом скоплении народа на доступном расстоянии безошибочно узнать меня. После интенсивной до сумасшествия работы моего головного мозга, в котором за шестьдесят секунд пролетели все основные события последних десяти лет жизни, во мне снова появилась сила и уверенность, но совсем другого качества: не удивлять и побеждать, не навязывать свое мнение, а защитить и уберечь, случайно не навести даже легкого вреда. Я ощутил полное раскрепощение мысли и тела, почувствовал неземную легкость, сравнимую разве что с полетом во сне. Значит, все эти годы ежеминутного поиска были не напрасны...

За короткое время, проведенное вместе, мы стали одним целым. Теперь и речи не могло быть даже о коротких разлуках.

Генарий на какое-то время задумался. А у меня возникла идея, вернее, тост.

— Мы же не выпили за «Любовь!» — произнес я. — За это короткое слово, содержащее в себе два значения — женское имя и самое прекрасное чувство в нашей земной природе! И, кстати, за ее день рождения! Счастья ей, улыбок, цветов, радости...

— И здоровья! — неожиданно добавил Генарий.

— И здоровья! — повторил я.

Мы выпили до дна, но после слов Генария появилась какая-то интрига. В очередной раз я насторожился в ожидании чего-то не очень приятного. Генарий бросил взгляд на меня, встал, принял позу драматического актера, подержал паузу и прочитал из «Бориса Годунова»:

— Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя...

Мне стало ясно, что финалу этой истории грустным не быть. Потом он присел и на одном дыхании, как «Отче наш», произнес:

— Сегодня по дороге к вам мы попали в аварию, удар пришелся в правую сторону, там, где сидела она; зацепило плечо, руку и голову; я тут же отвез ее в нашу больницу; там сразу сделали все необходимое. — И переводя дыхание, медленно убедительно закончил: — Ее жизни и здоровью ничто не угрожает...

— Ну, чудеса! — буквально воскликнул я.

— Обычные явления, — продолжил Генарий.

И даже в этих наших противоположных точках зрения странным образом царили безоговорочно единство и согласие.

Совпало так, что наш удивительный вечер заканчивался вместе с рассказом Генария. А жизнь в безграничном многообразии простоты и таинственности продолжала преподносить каждому свои сюрпризы и вовлекать в новые занимательные приключения!

г. Москва

Арина КАЛЕДИНА

Моя биография легко укладывается в привычную схему: «родился — учился — женился...». Урал — Петербург — Москва... Земля. Но это позже. Сначала школа — неутомная активистка с ярко выраженным синдромом отличницы. «Драмкружок, кружок по фото, мне еще и петь охота». Все дети — на каникулы, я — в лагерь для творчески одаренных; у всех Новый год — у меня по две елки за вечер всю предпраздничную неделю. Хобби? Профессия? Мечта! Гуманитарный университет профсоюзов. И снова — у студентов лекции до обеда и магический белый город, бессонные июньские ночи до опьянения... А хореографы с утра у станка, после обеда дремлют украдкой в аудиториях, а вечерами — бесконечные репетиции, прогоны, выступления... счастье! Кочевая гастрольная жизнь. Травма. Черная пропасть страха. Щель безысходности. Боль. Преодоление. И, наконец, долгожданный балетный класс, постановки, репетиции, радость осознания: «Все позади!» И снова сцена... Из-за кулис. В лучах софитов — мои ученики. Можно ли желать большего? Но жизнь гораздо богаче нашего представления о ней. В какой-то момент открытие — языка пластики уже не достаточно, чтобы передать все накопленное годами и опытом. Делиться — значит понимать, познавать... Добавить к движению тела движение мысли? К эмоциям — динамику повествования? К ритму танца — ритмическое звучание слов?..

Соль

1.

Дельфины пели жалобно и протяжно. Пронизывающий печалью звук то приближался, то терялся в шуме прибоя светлой песней Сольвейг. В раскаленном воздухе она звучала пронзительно и тонко. Ветер на лету подхватывал невесомые звуки, резвясь, закручивал в спирали, взмывал вместе с ними вверх в поиске солнца, чтобы через мгновение обрушиться в тяжелую водную гладь водопадом прохладных брызг. Лирическая гармония тихой мелодии рассыпалась на колкие трезвучия, терции, секунды. Живые, капризные, они почти исчезали, но лишь для того, чтобы, с новой волной устремляясь ввысь, повысить частоту звучания сразу в несколько октав.

Дельфины пели.

Маленькая девочка, замерев по колено в воде среди пляжной толпы, напряженно вслушивалась в их далекую песню-крик.

Вдруг в ровный строй дельфиньего хора ворвался новый звук. Острее и звонче, он не витал в поднебесье, не играл с волнами и ветром. Порывистый, он мчался направленной стрелой к ней, только к ней.

Она услышала, выделила из общего многозвучия, обрадовалась, закричала. Звук повторился — ей ответили. Этот голос она узнала бы из тысячи. Она так ждала его — голос, давно ставший другом.

Девочка запела. Высоко и чисто, весело и беззаботно. И дельфин пел вместе с ней.

Мудрые, о чем-то своем тоскующие дельфины, поддавшись напору юного дуэта — девочки и малыша-дельфина, словно выстраивая гармонию по команде требовательного камертона, вскрикнули, простонали и, подстроившись, наконец запели в мажоре, торопясь и радуясь иному звучанию.

Девочка пела, и ей казалось, что она — часть вселенной, где царят гармония и покой, где господствуют свет и краски, где каждый предмет имеет свои очертания, форму, цвет, свою душу и свое сердце. Бесшабашный ветер, ошупав каждую деталь лица, так и не сумев ни за что зацепиться, трепал ее длинные волосы, разбрасывая по плечам, от чего становилось щекотно и смешно. Она

улыбалась, продолжая петь в унисон с дельфиньим хором.

Неожиданное прикосновение заставило вздрогнуть. Не обернувшись, лишь доверчиво накрыла ладошкой мягкую руку на своем плече.

— Пойдем, Юляша, пора.

Люда стояла рядом. Ее льняной сарафан, раздуваемый хулиганом-ветром, касался спины, отчего озорные мурашки бежали по позвоночнику. Юля дернула плечиками, поехала, виновато улыбнулась.

— Люда! Послушай... Они поют! Красиво.

— Бабушка будет волноваться.

Волноваться? Да... Но неужели Люда не понимает — Юля не может уйти сейчас! Вместе с ней уйдет ее голос. На его месте образуется страшная, холодная дыра, куда полетят, покатаются звуки... В бездну, в темноту... Туда, где черная пустота сверху, внизу, повсюду. Туда, где нет ничего. Музыка растворится, исчезнет, умрет...

— Не уйдем. Пожалуйста. Послушай!

Юля снова запела. И дельфин не медленно откликнулся.

— Юлечка, прошу тебя, не кричи! — Людины интонации стали строже. — Пойдем, у нас еще куча дел! — Она настойчиво тянула девочку за руку.

Вздыхнув, Юля покорно поплелась за няней. Обернувшись, крикнула на прощанье: «Не грусти, друг! Я обязательно вернусь!»

«Я буду ждать тебя! Всегда!» — из глубины ответил голос-друг.

* * *

Люда появилась у них недавно. Просто у бабушки кончились силы, и взять их больше было неоткуда. Вот и появилась Люда.

Юля хорошо помнила тот день. Воскресенье. Можно было долго-долго спать и слушать музыку. Сначала во сне. Потом, проснувшись, снова слушать и слушать. По воскресеньям никто не мешал слушать музыку. Но сегодня с раннего

утра бабушка принялась плести ей косы. Юля терпела, потому что не хотелось отвлекаться от музыки. Музыка была новая, мама принесла ее три дня назад. Юля успела послушать всего четыре раза. Бабушка сказала «Брамс». Брамс был торжественным и патетическим, звучал спокойным медленным анданте. Однако, постепенно ускоряя темп и набирая обороты, он стремительно неся вперед бурным огненным аллегро. Хотелось ухватить его за руку и прыгать по ступенькам на одной ножке вверх-вниз — и снова вверх-вниз... Но вместо безудержного веселья пришлось одеваться. Хотя одеваться с Брамсом было не так мучительно, как обычно. Бабушку почему-то не радовал синкопированный ритм венгерской фришки¹.

— В храм пойдем, Юленька, богу молиться, — вздохнула она как-то особенно обреченно, застегивая внучке гладкие прохладные пуговки на кофте.

Юле было все равно, куда идти, но с Брамсом расставаться не хотелось. Хотелось снова и снова слушать Брамса.

Она вцепилась в дверной косяк, отказываясь идти куда бы то ни было. После короткого безуспешного поединка, не справившись с цепкими детскими пальчиками, бабушка, привалившись спиной к дверному косяку — виновнику внезапной ссоры, — тяжело опустилась на пол и заплакала. Тихонечко так заплакала, по-стариковски...

Юля испугалась: бабушка не плакала никогда.

— Мама, — не то спросила, не то позвала девочка.

— Мама еще не вернулась, — вздохнула бабушка.

Юля не знала, откуда еще не вернулась мама. Знала только, что мамы нет ужасно давно. Целую вечность. А она не может, не хочет

так долго жить без мамы. Мама добрая и красивая. Мама пахнет ландышами, которые расцветают на лужайке возле дома в мае. Бабушка радуется: «Ландыши!» А Юля знает, что вот так пахнут только ландыши и мама. У мамы мягкие пушистые волосы и ресницы. А когда она улыбается, на правой щеке появляется крохотная ямочка размером с кончик Юлиного указательного пальчика. Пальчик уютно помещается в этой веселой ямочке. У Юли есть такая же ямочка на правой щеке, только размером с мизинчик... Между указательным пальцем и мизинчиком умещаются пять широких коротких клавиш. Или четыре узких длинных. А между мизинцем и большим пальцем — семь коротких или пять длинных. Но Юля не умеет играть большим пальцем. Он — лишний... Хотя с ним получается на целых две клавиши больше... И месье Броден так настойчив:

— Большой палец — главный, Жюли! На него можно опираться!

Она обязательно научится опираться на большой палец!

Юля сунула палец в рот, пробуя на вкус. Он оказался солоноватым и совсем не противным. Может, он не такой уж лишний? Она обязательно сделает его главным. У нее получится!

— Мама, — снова позвала Юля.

— Мама скоро придет, Юленька, не волнуйся, — в голосе слышалась усталость, но бабушка больше не плакала.

— Поль? — снова спросила Юля и, не дождавшись ответа, оторвалась от косяка, подошла к бабушке, сползла по стенке на пол рядом.

Бабушка обняла, прижала, погладила по голове. От ее ладони покатались теплые волны, обволакивающие и мгновенно успокаивающие.

— Пойдем, родная, попросим Господа, чтобы у нашей мамы все было хорошо! Да и у нас с тобой тоже.

¹ Фришка — быстрая часть венгерского танца, исполняемая в парах.

* * *

Свечка была гладкой и хрупкой. Юля тут же переломила ее пополам. Бабушка отняла, но не журила, молча дала в руку новую свечу, повела туда, где горело множество свечей, откуда исходило горячее удушливое тепло. Юля вытянула вперед руку. Огонь коснулся ладони, обжег, но боли она не почувствовала.

— Господи! Будь милостив! — шептала рядом бабушка. — Пощади дитя наше безгрешное. Дай силы выдержать...

Продолжения Юля не услышала. Отвлек звук незнакомого голоса, низкого и глубокого, но в то же время молодого, живого, радостного.

— Кто это у нас тут такой большеглазый? — голос переливался, словно мощный поток. — Дай-ка посмотрю на тебя, краса-девица. Как зовут тебя, душа моя?

— Юлия, батюшка, — поспешила ответить бабушка.

Юля инстинктивно прижалась к ее подолу, хотя голос незнакомого священника вовсе не пугал, а только бухал в животе тяжелыми ударами, словно кто-то бросал звуки нижнего регистра в массивный сундук, хлопая при этом стопудовой кованой крышкой. То ли от испуга, то ли от детских своих переживаний Юля вдруг икнула неожиданно громко.

— Юлия? — снова загредел раскатистым басом батюшка и присел на корточки. Его лицо оказалось на одном уровне с Юлиным. Она сморщила носик, втягивая сладковатый, хорошо знакомый запах. Так пахли сдобные булочки, которые бабушка пекла по воскресеньям. Юля не любила булочки, но это был надежный и уютный запах дома. Она снова икнула.

— Вот незадача, — басил над ухом батюшка, — икота у нас приключилась. Не бойся, душа моя, на-ка вот, поддержишься за мою бороду.

Юля осторожно потрогала чужую незнакомую бороду растопыренной ладошкой. Погладила, тихонько подергала. Засмеялась. Борода была

точь-в-точь как любимая старая мочалка, которой бабушка мыла Юлю в ванне. Упругая и кудрявая. Дома ее называли «в мелкий бес». От прикосновения к бороде-мочалке икоту как рукой сняло.

— Уж не хозяйка ли белого рояля к нам пожаловала? — громыхал священник.

— Да-да, — торопилась бабушка, — это мы.

От этого «мы» и от упоминания Белого Рояля Юле стало совсем уже не страшно, будто были они здесь долгожданными гостями и им рады.

— Что ж, добро пожаловать после службы к нам в музыкальную гостиную. Если бабушка, конечно, позволит.

Юле очень захотелось, чтобы бабушка позволила, хотя словосочетание «музыкальная гостиная» было непривычным. Но в нем присутствовала магия слова «музыка»... И бабушка позволила.

— А сейчас, душа моя, пойдем со мной. — Батюшка поднялся. — И вы, бабушка, пойдемте.

Юля доверчиво вложила руку в огромную грубоватую ладонь священника.

— Послужи-ка ты сегодня на клиросе. К певчим поближе... Да к Господу...

Люда пела в церковном хоре. Юля еще не знала, что это именно *ее* Люда. Поразил сильный завораживающий голос. Казалось, он рождался не в человеческой гортани и даже не в легких. Он шел изнутри и вырывался наружу вовсе не из открытого рта. Словно просачиваясь сквозь поры, он напитывал звучанием каждую клеточку Людиного тела, образуя вокруг тонкое трепещущее облако. От вибраций которого в горле Юли вдруг набух вязкий соленый ком. Это было так странно. Юля прижалась ухом к Людиному животу, да так и простояла до конца службы. Там, в глубине, шла невидимая жизнь. Там работал целый завод по производству звуков. Замысловатые машины и автоматы перелива-

ли и смешивали некие музыкальные субстанции, бурлившие в хрупких дребезжащих емкостях. Поднимаясь все выше, они постепенно набирали силу, росли и крепились. Звенящие ручейки новых звуков струились и переливались, постоянно пополняя голосовой сосуд. Не способный больше сдерживать свою мощь, выплескиваясь через край, голос наконец вырывался на поверхность с невиданной силой. В тот же миг подхваченный другими голосами, он мгновенно заполнял и переполнял отведенное ему пространство. Сдавленному каменными стенами, ему явно не хватало места, и он вольнолюбиво взмывал к куполу. Достигнув финальной точки своего крещендо, он парил недосыгаемым божественным голубем. Но и там ему было тесно. Прорвавшись сквозь купол, выпорхнув на волю, на колокольню к золоченым крестам, он медленно и неторопливо раскачивал тяжелый медный колокол, гулко ударяясь в его округлые бока...

С того дня Люда приходила к ним почти каждый день. Юля позволяла ей трогать клавиши Белого Рояля, что было высшим проявлением детского доверия. Люда играла хорошо и любила Белый Рояль почти так же, как сама Юля.

Батюшка тоже стал захаживать.

Отец Сергей нрава оказался легкого, добродушного. С его приходом в дом врывалось оживленное беззаботное веселье. Появлялся он всегда неожиданно, и оттого было еще радостнее.

— Покажись-ка, душа моя! — с порога грохотал священник и подхватывал Юлю на руки. Как когда-то Польша... Юля визжала от восторга, подлетая к потолку. — Все такая же красавица! — восхищался батюшка, и Юля смеялась от радости, переполняющей детское сердце. — Не-ет! Не красавица, — вдруг заявлял батюшка, хитро посмеиваясь, и девочка каждый раз пугалась этих слов. — Прелестница! Чаровница! — выносил он вердикт и хохотал громче всех.

Потом он сажал Юлю на колесо и заводил долгую беседу, рассказывая что-нибудь забавное, задавая вопросы и не получая ответов. Юля молчала и только гладила бородумочалку «в мелкий бес», блаженно улыбаясь.

Каждое воскресенье, закончив богослужение, отец Сергей забирал Юлю с клироса, где она теперь терпеливо отстаивала службы рядом с Людой, и вел в церковный дом. Там в большой гостиной их уже ждали. Юля садилась к роялю, пусть не такому чудесному, как ее белый кумир, но звучавшему вполне достойно. Люди вокруг затихали. С замиранием сердца, как это было всегда пред началом игры, она торжественно и взволнованно опускала руки на клавиши...

Реальный мир исчезал, где-то далеко растворялись земные звуки, уступая место звукам божественным. Импровизированная «музыкальная гостиная» обрела нового исполнителя.

2.

Раскаленная асфальтовая дорога плавилась под безжалостными лучами палящего солнца. Испещренная ухабами и рытвинами, она виляла и изгибалась, безжалостно подбрасывая старенький микроавтобус на каждой кочке.

— Россия-матушка, — вздыхала мама, успевшая привыкнуть к широким и комфортным европейским автобанам.

Колеса проваливались в бесконечные ямы. Развить скорость на такой дороге было невозможно. Ехали еле-еле, измученные жарой и постоянной жаждой. Вода, болтавшаяся где-то под ногами в пластиковых бутылках, давно нагрелась до температуры воздуха. Юля ее пить не могла.

— Ничего, — пыталась ободрить приунывших паломников матушка Христина, — вот Саранск проедем, а там до Макаровки рукой подать. Часа четыре все-

го и осталось-то. В монастыре переночуем — и с утра к отцу Феофану.

Ехали уже двадцать часов.

Зачем они ее обманули? Зачем сказали, что пути всего километров девятьсот? Девятьсот километров от дома до Парижа. Они с Полем проделывают этот путь за семь с половиной часов. А здесь еще ехать и ехать...

— А мы вот сейчас ягодок прикупим, — обрадовалась матушка-игуменья, завидев выстроившихся вдоль дороги в длинную вереницу продавцов. — Миш, тормози.

Исполнительный шофер Миша тут же встал, как вкопанный, едва вильнув к обочине. На трассе местные жители торговали садово-огородными плодами своих трудов, нехитрыми дарами среднерусской полосы.

В машине запахло смородиной.

— Кушай, доченька, — подбадривала матушка Христина Юлю. — Где ты там в своей загранице свежих ягодок покушаешь!

Юля любила ягоды. Особенно малину и вишню. Местная смородина была слишком кислой и мгновенно набила оскомину. Вскоре смородина на жаре забродила, и ее подкисший запах не давал Юле покоя. Сидящие рядом монахини носили дорожные тяготы безропотно. Они вообще в основном молчали или переговаривались тихим шепотом. Лишь тяжелые, совсем не летние платья шуршали в застойной духоте микроавтобуса. Матушка Христина иногда ворчала, обвиняя сестер в нерасторопности, хотя куда можно было торопиться, сидя в закрытой машине, Юля не понимала. Голос игуменьи становился требовательным и жестким. С мамой же она говорила совсем иначе — ласково и проникновенно. Тогда Юле казалось, что голос стелется мягкой пеленой, окутывая отекие на жару ноги, даря столь желанную прохладу.

Юля не помнила российских дорог. Она и России-то почти не помнила. Лишь отдельные звуки и запахи, их неожиданное слияние или случайное

переплетение выдергивали из памяти далекие смутные воспоминания.

— Миша, радио включи! — распорядилась матушка Христина. — А то едем, словно в загробный мир направляемся.

Миша включил приемник. Звучала задорная полька Штрауса.

— «Перпетуум мобиле», — обрадовалась игуменья. — Так-то оно веселее! Правда, Юлишна?

Юля дремала, прислонившись к стеклу. Перпетуум мобиле... Перпетуум мобиле...

...Она сидит на коленях у мамы. Мама музицирует. Что-то быстрое, веселое. Озорные, милые детскому уху звуки радостно подпрыгивают, несутся вскачь. Юле любопытно: откуда берутся звуки? Кто производит их на свет? Мамины руки двигаются. Юля кладет маленькие ладошки на ее кисти. Мамины пальцы тоже двигаются. С движением каждого отдельного пальчика появляется новый звук. Значит, пальцы рождают звуки. Но как? Почему Юлины пальчики так не умеют? Она кладет каждый пальчик на мамин, с силой их растопыривая. Мама смеется. Звуки застревают, путаются, цепляются друг за друга. Но Юля уже чувствует нежное соприкосновение с гладкими проваливающимися кнопочками.

— Клавиши, — говорит мама.

— Клавиши, — повторяет Юля.

— Ноты, — говорит мама, — до, ре ми, фа, соль...

— Фасоль, — снова повторяет девочка и смеется над забавным сочетанием.

Движения маминых пальцев она тоже повторяет. И рождается уже общая их с мамой мелодия.

Кроме звуков, выпрыгивающих из-под клавиш, есть еще один звук. Будто кто-то хватается за каждую ноту за хвостик и тянет ее, удлиняя, не желая отпускать до последнего. Оторвавшись наконец, звенит и мгновенно хватается за следующую. В результате возникает целое нагромождение сливающихся-

ся и переплетающихся растянутыми хвостиками звуков.

Мамины колени тоже шевелятся. Часто и активно — правое. Реже — левое. «Поехали-поехали в лес за орехами...» Нет, мама напевает что-то совсем другое. Тогда зачем прыгают колени?

Юля сползает по маминым ногам, как по горке, вниз под стул. Пушистые помпоны на тапочках тоже двигаются. Девочка ловит правый, задерживает на секунду в ладошке. Кто-то невидимый перестает тянуть веселые мамини нотки. Юля отпускает помпон. Нотки виляют хвостиками, путаются, голосят все одновременно. Юля гладит левый помпон, с силой давит на него. Звук становится тише и глуше. Отпускает. Звук летит открыто и ясно. Ребенок пытается взгромоздиться на стул, сталкивая смеющуюся маму, требуя, чтобы ей уступили место. Мама, конечно, уступает... Юля тянется к клавишам, еле достает. Мама подкладывает на стул какую-то подставку, водружает взволнованную дочь. Клавиши проваливаются, создавая звуковой хаос, заполняя все пространство небольшой квартиры.

— В траве сидел кузнечик, — смешно поет мама, стоя за спиной дочери и стуча по клавишам одним пальцем...

Юля повторяет.

— Совсем как огуречик, зелененький он был, — продолжает мама свой музыкальный шедевр и берет аккорд.

Девочка снова повторяет мелодию. И аккорд тоже. Потом слезает со стула и с трудом дотягивается ногой до недавно найденной там внизу гладкой округлой железки. Аккорд растягивается, звучит призывно и громко...

Так просто и непринужденно в жизнь Юли вошла музыка. С этого момента девочка непрерывно слушала музыку. Слушала, а затем подбирала на пианино детские песенки, сыгранные для нее мамой или бабушкой. Песенки

становились все сложнее. Гармония аккомпанемента все насыщеннее и ярче.

Однажды она услышала по телевизору незнакомую мелодию. Мелодия очаровала, заорожила. Когда растаял последний звук, Юля громко заревела. Успокоить ее не могли ничем. Трехлетний ребенок рыдал горько и безутешно до тех пор, пока напуганная внезапной истерикой бабушка не сообразила поставить на проигрыватель диск с мелодией, что так тронула сердце внучки. То был детский альбом Чайковского.

К шести годам Юля играла его сама, в восемь знала наизусть почти всего «Щелкунчика», а вместе с ним «Спящую красавицу», итальянское и испанское каприччио.

Ее никто не учил. Она не знала нот и не могла их читать. Она слушала каждый новый диск до тех пор, пока в ее голове не выстраивалась четкая картина, где каждый звук находил свое, предназначенное ему одному место. И тогда она вставляла к инструменту и играла. Сидеть не получалось: ноги не доставали до педалей. Подбородок едва дотягивался до клавиатуры, руки взлетали где-то высоко над головой. В такой неудобной комичной позе она могла находиться часами, только бы ей позволили играть. В домашней музыкальной библиотеке нашлись Балакирев, Лядов, Скрябин. Музыка для детей. А дальше диски пришлось покупать, так как слушать одно и то же надоедало. Глинка, Глазунов, Прокофьев...

Никто не занимался ее музыкальным образованием, никто не подбирал репертуар, никто не корректировал игру, не прививал музыкальный вкус. Рядом не было профессиональных музыкантов. Правда, мама когда-то окончила музыкальную школу и даже пела в хоре, но это были занятия скорее для общего развития, нежели для профессиональной игры, как и у большинства советских девочек того поколения. Бабушка, постоянно находившаяся

рядом, успевала кормить-поить да разве что менять диски в CD-плеере. Когда она уставала от постоянно звучащей в доме музыки, ребенку в уши вставлялись хорошенькие крошечные наушники, и тогда уже никто и ничто не могло отвлечь, вырвать девочку из волшебного и неповторимого мира музыки.

Мама появлялась дома только вечером. Бабушка радовалась: «Мама с работы пришла!» И Юля радовалась. Мама хватала на руки хохочущую дочь и принималась тискать, чмокая, куда придется, приговаривая:

— Солнышко мое музыкальное! Дай пальчики поцелую! — Юля радостно протягивала пальчики. — Опять играли целый день? — Она целовала каждый пальчик в отдельности. — Драгоценные мои! Дай носик. Лобик. Ушки. — Юля счастливо подставляла носик, лобик, ушки. — Это каким же надо быть идиотом, — вопрошала мама, — чтобы бросить такое чудо! — Она накручивала на указательный палец Юлины кудряшки, дула на реснички. — А глазички у нас какие красивые! Черные...

— Миндальные, — вставляла свое слово бабушка, не желая оставаться в стороне от этого праздника материнской любви. — Ничего, девочки мои, раз он нас бросил, значит, и нам он такой не нужен! Мы и сами как-нибудь справимся! Мужики — они слабые! Им горе-то не по силам...

Мама еще крепче прижимала Юлю, а та, нащупав губами мамини пушистые ресницы, как новорожденный кутенок, слизывала самые вкусные в мире мамини соленые капельки.

Юлин девятый день рождения праздновали втроем. Собственно, как и предыдущие восемь. Мама подарила Шопена, бабушка — Вивальди.

На столе потрескивал свечами пахнущий ванилью торт. Юля широко открывала рот, стараясь

как можно быстрее проглотить приторный кусок бисквита, обмазанного жирным кремом, только бы ее отпустили наконец слушать новую музыку. Засвистел чайник. Юля сорвалась с места, будто это был долгожданный позывной, которого она только и ждала, чтобы перейти к решительным действиям. Тяжелый деревянный стул опрокинулся, падая, сильно стукнул ножками по столу. Торт подпрыгнул и полетел на пол. За ним один за другим на скатерть попадали стаканы. Гулко грохнулась о кафель любимая бабушкина сахарница. Юля отчетливо слышала звук падения каждого предмета, но ее уже было не остановить. Она метнулась в сторону, пытаясь все же ускользнуть, но, потеряв от волнения ориентацию, с размаху врезалась в железную газовую плиту и отлетела, увлекая за собой кипящий чайник. В долю секунды бабушка оказалась рядом. Она резко дернула внучку за платье, неуловимым движением оттолкнув чайник. Тот с грохотом ударился о противоположную стену, лишь слегка обдав девочку горячим паром. Услышав мамин отчаянный крик, Юля заплакала, скорее от испуга, чем от боли. На этот раз беды удалось избежать.

Потом они все втроем сидели на ковре в их маленькой уютной квартирке в центре гигантского мегаполиса, обнявшись, и плакали на три голоса. Каждая о своем. Дочка с матерью, да дочка с матерью, да бабушка со внучкой...

А потом все изменилось самым неожиданным образом.

Сначала исчезла мама. Просто не вернулась вечером с работы. Но бабушка не высказывала ни малейшего беспокойства. На вопрос внучки ответила, что так нужно и мама скоро, очень скоро приедет.

Ее не было ровно шесть дней и ночей. Юля сыграла все шесть «Музыкальных моментов» Шуберта, считая дни — бесконечно тянущиеся

моменты. До мажор. Ля-бемоль мажор. Фа минор. До-диез минор. День. Два. Три. Четыре. И снова. Фа минор. Ля-бемоль мажор. Пять. Шесть. На седьмое утро мама вернулась.

Звонок в прихожей залился веселой трелью. Мама буквально влетела в квартиру, мгновенно наполнив небольшое пространство дурманящим запахом счастья. Юля захлебнулась, потеряв возможность дышать. Уткнув нос маме в колени, она прижалась, напряглась, впитывая веселую мамину энергию, и вдруг бросилась к своему старенькому пианино, заиграла, залилась веселой мелодией ми-мажорной мазурки Шопена, пустив свои крошечные пальчики наперегонки, вдыхая в каждую неуловимую нотку желание счастья, наполненности, жажды жизни...

Вскоре мама снова уехала, но теперь уже на целых три месяца. Перед отъездом долго разговаривала с дочерью, объясняя и уговаривая девочку, а может, себя, что если все сложится, они станут жить совсем по-другому. Красиво и празднично. Переедут в белый город на теплом море, выучат французский, будут гулять по набережной среди улыбающихся нарядно одетых людей и плавать на крошечном кораблике под парусом. По воскресеньям будут ходить в рестораны и есть лангустов и осьминогов. Не хочешь осьминогов? Хорошо, тогда мороженое с клубникой и взбитыми сливками, которые в том волшебном городе называются «шантийи». Мама научится водить машину и будет возить Юлю в школу, потому что... Да, да! Юля пойдет в школу! В самую настоящую школу с учителями, партами и друзьями-одноклассниками. А еще у Юли будет своя комната. И у бабушки тоже. Дом, в котором они поселятся, непременно будет большим и уютным, с тенистым садом и огромными пальмами, похожими на ананас. И никто в нем

не потеряется, потому что в каждой комнате рядом с ними поселится любовь. Она будет водить Юлю из комнаты в комнату, крепко держа за руку, гулять с ней по саду и сидеть в школе за одной партой...

Девочка слушала мамину сказку о чудесном городе, и белые дома представлялись ей торжественными алемандами и элегантно-важными сарабандами, пышно-размеренными, как во «Французских сюитах» Баха.

А потом они с бабушкой долго-долго ждали маму. Юля играла вторую симфонию Рахманинова и плакала. Каждый день играла и каждый день плакала. Но слезы не приносили облегчения. Было тоскливо и одиноко. Иногда казалось, что мама уже никогда не вернется.

Но мама вернулась. И все случилось именно так, как она обещала.

Десятый день рождения Юли отмечали в большом просторном доме, стоящем на берегу теплого моря. Было шумно и весело. Гости говорили. Юля ничего не понимала, поэтому убежала в гостиную, куда переехало вместе с ними ее верное старенькое пианино, и играла «Карнавал животных» Сен-Санса, радуясь встрече с любимыми мелодиями, как со старыми друзьями-приятелями.

Дом принял их, широко распахнув двери, которые, собственно, никогда здесь не закрывались, позволяя ветру и сквозняку гулять по просторным гостиним и многочисленным коридорам. Юля часто плутала в лабиринте бесчисленных комнат, но совершенно без страха, потому что любовь действительно всегда была рядом. А еще рядом были бабушка и мама. И, конечно, Поль. Юля знала, сразу догадалась, что это именно он поселил в этом доме любовь. Это он приносит ее каждый день целыми охапками, наполняя ею большие и маленькие вазы, смешивая ее неуловимый аромат с ароматом диковинных южных цветов. Это он вплетает

ее в мамины волосы, и она развевается на ветру легкой летящей вуалью. Это он потихонечку, пока никто не слышит, вдувает ее в бабушкины мясные ежики с грибным соусом. Это он каждый день, каждую минуту без усталости и сна дарит ее маленькой и беззащитной, как короткая синкопа, девочке. Каждое новое утро начинается с любви. Поль целует Юлю в макушку и поит теплым молоком. А каждый вечер, заботливо укутывая уставшие за день детские ножки одеяльцем, он прячет любовь под подушку, чтобы сны были добрые. И Юля видит добрые сны. Точнее, слышит... В ее сновидениях нет зрительных образов... Там живут звуки, запахи. Поль пахнет любовью. Он целиком и полностью состоит из любви! Он наполнен ею, как воздушный шар! Он будто не ходит, а перелетает с места на место, не касаясь земли. Он дышит любовью, звучит любовью.

Поль звучит нотой соль. Всего одной нотой. Пронзительной и глубокой, звонкой и трепетной, чистой и трогательной нотой соль. Солнечной. Эта единственная нота способна выразить целую гамму чувств, мыслей, переживаний. Самая удивительная, самая волшебная нота. В ней заключена магия любви... Значит, сама любовь звучит нотой соль... Соль, которая уживается рядом со всеми без исключения нотами, будь они минорными, мажорными, громкими, тихими, сильными или слабыми. Юля слышит ее в каждом созвучии, в каждом аккорде, в каждой мелодии. Это самая главная нота в мире. Нота — любовь...

Мама тоже звучит нотой соль. Потому что они с Полем настроены на один лад, на общую гармонию.

И Юля звучит нотой соль, потому что она любит Поля. Сильно-сильно, как только умеет. И мама, конечно же, его любит. И бабушка... И все-все-все на этой земле должны лю-

бить Поля, потому что не любить его невозможно...

* * *

И была филармония. Впервые в жизни Юля слушала живую музыку. Первый фортепианный концерт Петра Ильича Чайковского.

Музыка ошеломляла, врвалась в сердце, расщепляла на миллион крошечных сердец, каждое из которых теперь билось самостоятельно, а значит, чувствовало, радовалось, волновалось и страдало самостоятельно, в миллионы раз приумножая силу переживаемого. Душа взмывала и парила где-то высоко над землей. Ей казалось, что маленькая хрупкая девочка с огромными миндалевидными глазами, подернутыми легкой дымкой, сидящая в пятом ряду, не имеет сейчас к ней — всемогущей, до краев наполненной волшебным звучанием — никакого отношения.

Это было настоящее потрясение.

А на следующий день Поль снова привез Юлю в филармонию.

По дороге он рассказывал какие-то глупые истории, шутил и смеялся. Сидящая рядом на переднем сиденье мама молчала. Юля чувствовала ее томительное напряжение и не понимала, чем оно вызвано.

Она узнала это здание сразу, как только Поль открыл тяжелые двери. В воздухе еще витали отголоски вчерашней музыки, не растворившиеся тихие отзвуки, эвфонические вибрации, тонкие, словно электрические лучи. Созданная вчера необыкновенной гармонией звуков общая гармония пространства не исчезла. Она трепетала, рискуя раствориться, растаять от малейшего дисбаланса, от пустяжного взаимодействия с любым неопознанным нарушителем.

Сквозь пелену сотворенного искусным исполнением музыкального фона, едва уловимого, Юля вдруг услышала ровный незнакомый голос: «Играй, Жюли!». И снова: «Не волнуйся, Жюли, играй!» Поняла,

что обращаются к ней. Не удивилась. Боясь спугнуть царящее вокруг благозвучие, покоробить хоть одной единственной неточной ноткой хрупкое великолепие музыки, опустила перед собой руки. В неизвестность...

Руки не провалились в пустоту. Прикоснувшись к клавишам, обрели под собой устойчивое пространство, а вместе с ним силу, уверенность, напор.

Она играла пятый концерт Бетховена. «Император». Героический и грандиозный, непревзойденный по своей музыкальной насыщенности, мощи, энергии и виртуозному размаху партии солиста.

Последний аккорд. Последний всплеск. Угасающий звук. Тишина.

Юля замерла, затаив дыхание.

Тишина. Тягучая, томительная...

И наконец:

— Невероятно! — Голос взволнованный, растроганный. — Ребенок, бесспорно, талантлив... Но... — снова длинная пауза. Казалось, ей не будет конца. — Вряд ли мы сможем еще чему-то научить девочку. Господь уже все сделал за нас...

И снова тишина. Молчал и Поль. И мама молчала. Юля отчетливо чувствовала общее напряжение.

— Хотя... — Другой, открытый, возбужденный голос. — Можно, пожалуй, объяснить ребенку, как играть Бетховена не восьмью, а всеми десятью пальцами, то есть правильно поставить руки. Думаю, ей самой так будет легче. Правда, Жюли?

Все рассмеялись. Юля облегченно выдохнула и тоже улыбнулась.

Через четыре месяца она выступала на большой сцене филармонии, исполняя так сильно ошеломивший ее совсем недавно первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Симфонический оркестр государственной филармонии суверенного княжества впервые в истории своего существования сопровождал десятилетнего ребенка.

А вскоре в их доме появился Белый Рояль — подарок дирекции филармонии.

— Именно так, с заглавной буквы! — смеялась мама. — Все имена собственные пишутся с заглавной буквы.

3.

Матушка Христина в доме появилась неожиданно. Возникла, словно ниоткуда.

— С приездом! — радушно улыбалась мама, трижды целуясь с монахиней. — Устали, матушка? Это ничего! Отдохнете у нас, на южном солнышке погрееетесь, морским воздухом подышите, сил наберетесь!

Бабушка хворала. Матушка Христина подвизалась ухаживать за больной, для того и пожаловала.

С первых же минут монахиня принялась устанавливать в доме свои порядки. Повсюду расставила и развесила большие и маленькие иконы. От них исходило еле уловимое манящее тепло. Юля чувствовала его постоянно. Они не таили опасности, скорее наоборот, притягивали, влекли. К ним хотелось прикоснуться или просто постоять рядом. Юля все время прислушивалась, пытаясь уловить малейшие колебания пространства, надеясь услышать их «голос». Но иконы почему-то молчали. Это казалось странным.

Завтраки, обеды и ужины теперь назывались «трапезой». Из привычного домашнего рациона исчезло мясо. Юлю это совершенно не расстроило. Она вообще редко замечала, чем ее кормили.

— Куда это дело годится? — негодую, вопрошала матушка Христина. — Огромный сад, а ничего полезного не растет? И зачем только садовника держите? Пригласили бы моих сестер, они бы тут петрушечку, морковку посадили. Загляденьте! Грядочка к грядочке, пучочек к пучочку. Они у меня в этом деле мастерицы!

— Матушка, — смеялась в ответ мама, — да кто же во Франции све-

клу да капусту в садах выращивает? Здесь сады для красоты!

— То-то и оно, что для красоты! Божьи растения — они всегда для красоты. А о пользе не заботитесь! Конечно, зачем вам... — она многозначительно вздыхала.

Тон повелительный, важный.

Где же Юля могла слышать этот голос? Где? И когда? Сейчас монашенка звучала «Бабой-ягой» Мусоргского из «Картинок с выставки», совсем не страшной и даже милой. Она казалась совершенно нереальным, мистическим персонажем. Все время хотелось ухватить ее за нос и дернуть по сильнее, а заодно проверить, загнут ли он крючком и красуется ли на кончике огромная жирная бородавка, как у ведьмы в сказке о спящей царевне и семи богатырях. Но хватать за носы малознакомых бабушек было неприлично. Тем не менее очень хотелось. Хотелось так, что Юля еле сдерживалась, а потому, во избежание искушений и новых нареканий, старалась держаться от монахини подальше, чтобы не было причин извиняться и оправдываться, как это часто теперь делала мама. Юле казалось, что мама почему-то все время чувствует себя виноватой перед этой властной женщиной...

Не смея перечить матушке Христине, мама и бабушка теперь часами вычитывали каноны о болящих, о здравии и еще о чем-то. Юлю тоже заставляли повторять непонятные тексты, но она упрямилась, убежала, пряталась где-нибудь, постоянно рискуя ушибиться или упасть, проявив излишнюю расторопность. Перед трапезой тоже нужно было прочесть молитву. Юля, не дослушав до конца, плюхалась на стул раньше всех. Ее просили встать. Она встать не хотела, сердилась, с грохотом отодвигала стул, больно об него ударялась. Стул мгновенно становился коварным злоумышленником, виновником пронзительной боли. Юля с недетским остервенением

била его кулаками, пинала, в конце концов хватала ненавистный бессловесный предмет мебели и испуганно швыряла на пол, разбивая хрупкое дерево. В такие моменты приступов агрессии мама и бабушка самоустраивались, зная, что не способны справиться с силищей, неизвестно откуда появляющейся у ребенка. Рядом чаще всего оказывался Поль, но и ему с трудом удавалось успокоить внезапно разбушевавшуюся девочку.

— Господи Иисусе Христе, — с надрывом молилась матушка Христина. — Убереги дитя от дьявола! Бесы проклятые терзают младенца. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, спаси и сохрани!

От упоминания дьявола мама приходила в ужас. А матушку Христину уже было не остановить:

— Во грехе живете, — с чувством увещевала она, — вот ребенку и достается! А все потому, что не повенчаны вы! И болезни ваши от грехов! От того, что на искушения все вы падки. Вот демоны и сбивают вас с праведного пути. Демоны — это бич для наказания грешников. Для лукавых духов нет преград. Они свободно проходят через стену, через человека. А могут и остановиться в теле человеческом. Они поражают все наши органы: сердце, легкие, руки, ноги, глаза... Они диктуют свою волю различными галлюцинациями, мучают человека, — монахиня едва успевала переводить дыхание. — Заповеди Господни не соблюдаете! Вот и ссоры в семье...

— Матушка, помилуйте! Да какие ссоры? — вступалась за дочь и зятя бабушка. — Если бы все так жили, как они, на земле бы счастье да мир давно торжествовали!

— Гордыня это, Галина, гордыня! — гневно сверкала глазами матушка Христина. — Что особенного в том, что дочь твоя с мужем дружно живут? Так и должно быть! Жена под мужем! И слушается его во всем, и помогает да поддерживает. Кабы у всех так было, и разводов бы

никаких не было! А вы дочь свою выше других ставите. Какая же ее заслуга в том, что муж ей хороший да богатый достался? На то была воля Божья! А вы вот почему ребенка в храм не водите? — мгновенно находила она новую тему для назиданий. — Куда это дело годится! Без исповеди да причастия дите растет?!

— Так ведь не в России живем, — робко пыталась оправдываться мама.

— У вас храм православный в полутора часах езды! — еще пуще взвизывалась матушка. — Что, ваш Польша в воскресенье семью на службу отвезти не может? Мало того, что католик, так еще и слабоверующий?

Польша, не понимая, о чем идет речь, хмурился и молчал, внимательно вглядываясь в лицо чересчур активной монахини, остро чувствуя висящее в воздухе напряжение. Атмосфера нервозности, царящая в доме, странное влияние на жену неожиданно нагрывавшей из России религиозной гостьи ему были явно не по душе. Раньше жена не отличалась особым усердием в молитвах, хотя, он знал, была человеком глубоко верующим. Однако Польша как истинный француз старого воспитания и хозяин дома не мог себе позволить быть негостеприимным.

А матушка Христина продолжала хозяйничать.

В один прекрасный день из ванн исчезли все шампуни и прочие ароматизированные средства. Их место заняли большие куски дурно пахнущего мыла Savon de Marseille.

— Хватит! Никакой химии! — тоном, не допускающим возражений, заявила монахиня. — Совсем ребенка загубить решили?!

Мама и бабушка только плечами пожали.

— Пойдем-ка, Илиания, омоемся, дочь моя! — Матушка ухватила Юлю за запястье и потащила в ванну.

Где же, где она слышала этот голос? Когда? И почему монахиня так странно ее называет? Илиания?

Это имя она тоже уже где-то слышала. Когда-то давно... Давным-давно... Юля потрясла головой. Мысли хаотично металась в подсознании, выдергивая из памяти звуки, ощущения, переживания...

Сначала в воздухе возник тонкий и такой родной запах мамы. Тот самый запах цветущих ландышей. Затем его вытеснил другой — навязчивый и приторный... Так пахнут лампадки, которые теперь горят у них дома перед иконами. «Ладан» — вспомнила Юля мало знакомое, но благозвучное слово. Холодно. Маленькая Юля у мамы на руках. Она чувствует тепло мамино тела, но его недостаточно, чтобы согреться. Она крепко держится ручками за мамину шею...

Холодная вода льется на макушку, стекает по лицу на шею, плечи... Юля сжимается в комок. Почему вода такая холодная? Бабушка всегда купает ее в теплой и душистой водичке с мягкой воздушной пеной и трет мочалкой «в мелкий бес». Юля улыбается, вспомнив бороду батюшки Сергея...

«...Крещается раба божья Илиания во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь...»

Вода колючими струйками катится по спине.

— Заступись и сохрани от всякого зла рабу Божию Илианию... — причитает матушка Христина.

Тело покрывается мелкими пупырышками, как у мокрой скользкой лягушки.

«...Сочетаешься ли со Христом?

Сочетаюсь!

Веруешь ли во Христа?

Верую как царю и как Господу...

Поклонись ему...»

— Да пригни ты голову, Господи. — Монахиня наклоняет Юлину голову и снова льет холодную воду. — Вырастили из ребенка оранжерейный цветок!

«...Поклоняюся

Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной...»

— Терпи, дочь моя. Водичка все беды и невзгоды смоеет. От глаза черного, от глаза серого, от глаза карого, от глаза зеленого... Да не трясь ты так, сейчас ополосну тебя тепленькой!.. Николай Угодник, Божий помощник...

Ну конечно! Матушка Христина — ее крестная мать! И голос этот ей знаком со дня крещения. Ей тогда было... Два с половиной? Ну да. В два с половиной Юля хорошо себя помнит. Вернее, не себя... Свои ощущения...

— В Россию вам нужно ехать, Татьяна, — шепчет матушка Христина маме, растирающей Юлю толстым полотенцем. — К отцу Пантелеймону. Он разум чистит, пробуждает, наполняет позитивными силами, воздействуя через душу. К нему за исцелением люди со всей России съезжаются. Он чин последования молитв над больными совершает. Молитвы эти еще в четвертом веке святые отцы читали над бесноватыми, одержимыми нечистыми духами. Батюшка елеем помажет, святой Богоявленской водичкой окропит да крестом осенит, глядишь, ребенок твой и оздоровеет. Совсем вы тут зачали, в этой вашей загранице. Не выходи тебе дитя без Божьей помощи. А коли истинно уверуешь в силу Господа да жить станешь по правилам, глядишь, и прозрение Всевышний Юленьке подарит. Ты только верь, дочь моя, верь! Русский народ всегда славился силой веры своей. И в чудо всегда верил...

4.

— Кто из вас некрещеный, пусть поднимет руку. Нет таких? На этой молитве все должны быть с крестиками. У кого нет, подойдите к лавке, вам выдадут.

Люди сбились в кучу, чтобы лучше слышать. Ждали молча. Было тихо и хорошо...

Юля стояла в общей толпе, плотно прижимаясь к Полю, крепко держа его за руку. Мама тоже была рядом.

Служба началась. Юля слушала уверенный и красивый голос отца Пантелеймона. Голос окутывал, завораживал, успокаивал.

В тишине жалобно захныкал ребенок:

— Мама, мамочка, пойдём отсюда, у меня ножки болят! Ну пусти меня, пожалуйста, отпусти. Ну я прошу, мама, зачем ты меня сюда привела...

Юле захотелось немедленно освободить мальчика от мамы, увести подальше отсюда. Неожиданно тот же голос начал грязно ругаться. Стало не по себе... Вдруг в правом углу раздался дикий, звериный вой. Он тянулся так долго и на такой высокой ноте, что казалось — так не способно кричать живое существо. «Может, это русалка?» — подумала Юля, плотнее прижимаясь к Полю. И тут началось! Гнетущая тишина сменилась какофонией звуков, многие из которых не имели ничего общего с человеческим голосом. Юля и Поль оказались в самом эпицентре беснования. Со всех сторон доносились вопли. Рядом женщина остервенело билась о стену. Юля отчетливо слышала глухие удары живой плоти. «Мужчины, помогите!» — испуганно закричала мама. У другой женщины случился припадок: она тяжело дышала, мычала и, кажется, отбивалась от кого-то невидимого. Юля чувствовала хаотичное движение воздуха вокруг. Во все стороны летели капли пота.

Ни за что не хотелось верить, что все это происходит на самом деле и всерьез, но сомнений быть не могло — Юля отчетливо чувствовала и слышала неподдельные страдания людей.

— Опять приволокла сюда, — хрипела женщина грубым мужским голосом.

— Не заклинай, Пантелеймошка, не заклинай! — орали в толпе.

Изо всех углов церкви хриплые расхлюстанные голоса изрыгали матерщину. Голос отца Пантелей-

мона звучал все сильнее, увереннее, крепче.

Какая-то девушка громко кричала и плевалась. Ее пытались успокоить, но она никак не могла прийти в себя. Отца Пантелеймона попросили почитать над ней дополнительно. Священник начал читать. Юля и Поль стояли совсем близко. Вдруг все ощутили сильный запах жженой серы.

— Смотрите, у нее из ноздрей идет дым! — вскрикнул кто-то.

— Бес выходит! — прошептали сзади.

— Наш храм еще не такое помнит! — делилась переживаниями какая-то старушка. — Однажды привезли человека, одержимого бесом, который был настолько буйным, что его пришлось приковать цепями к кровати и заносить на отчитку в храм вместе с ней. А после службы он сам ушел домой.

Вопли, вой, крики вокруг становились все громче. Все это начинало действовать. Поля била нервная дрожь. Из угла доносилось хриплое рычание: «Врешь, не возьмешь!» В толпе голосили, блеяли, стонали... Голоса звучали, как в лесу, когда поют птицы, — то один вступал, то другой. Как будто бесы соблюдали некую очередность. Люди визжали и плакали.

Отец Пантелеймон принялся кропить прихожан и болящих святой водой.

Пространство вокруг неистово сотрясалось, вращаясь с бешеной скоростью. В ушах иступленно гремел «Мираж» Понти. Мощная, надрывающая музыка. Время пульсировало рваными горячими толчками, двигалось неравномерно. То, замедляя темп, становилось тягучим, ленивым, извилистым, почти останавливалось. То вдруг ускорялось, приобретая плотность и жесткость. Зыбкая плоскость пространства колебалась, принимая гибкие, замысловатые формы. Крепкие и устойчивые музыкальные созвучия, балансируя, неожиданно меняли очертания, изгибались, вы-

пичиваясь то округлыми частями, то острыми колючими иглами...

— Мама, мамочка, что же ты делаешь! — жалобно плакал мальчик и вдруг упал, закричал, забился на полу... В углу шептали: «Батюшку как-то девочка шести лет так ударила, когда из нее полезло, что он метра на три отскочил».

Слышалась читающаяся за алтарем молитва: «...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...»

Какая-то женщина принялась громко лаять. Отец Пантелеймон подошел к ней вплотную.

— Замолчи! — приказал священник, и женщина затихла. — Изжени, Господи, всякого лукавого, нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце их!

И вдруг наступило безвременье...

Оказалось, что в нем можно существовать без мыслей, без чувств и даже без пространства. Полностью уйти в себя, погрузиться в музыку, и, наслаждаясь ею, самой стать черной дырой, столь привычной и столь ненавистой прежде. Блаженствовать в бесконечном спокойствии пустоты, раствориться, провалиться в бестелесную, необъятную бездну и парить в ней, невесомой, существовать лишь в музыке, звучать ею, находясь за пределами реального мироздания. Здесь было хорошо и спокойно. Музыка, словно кокон, обволакивала, накрывала с головой, отделяя от остального мира, предохраняя от невзгод и напастей, защищая от творящегося вокруг буйства.

Юля очнулась от неожиданно прикосновения. Пространство вернулось, но не то запутанное, трехмерное, сложное, а простое и понятное. Оно сжалось, сконцентрировалось, уменьшилось до крошечных размеров, приобрело отчетливую форму креста на ее лбу. Крест растекался вязким елейным маслом, теряя очертания. На темя легла тяжелая теплая рука.

— Уведите ребенка, — услышала она над головой усталый голос отца Пантелеймона. — Не место ей здесь. Чиста она, промыслом Господним.

— Батюшка, как же так! — бросилась в ноги священнику мама. — Где же еще нам помощи искать! — маминым голосом кричала безнадежность.

— Не здесь найдете прозрение. Не здесь. Молись, дочь моя. Да будет Господь со всеми вами...

Поль, не понимая по-русски ни слова, внутренним чутьем определил смысл сказанного, мгновенно подхватил Юлю на руки и стремительно выбежал из храма, унося ребенка подалее от этого кошмара. Мама кинулась вдогонку.

— Поль, подожди, не уходи, — голосила она, испуганно цепляясь за одежду мужа. Юля слышала треск тонкой ткани. — Куда ты? Оставь ребенка! Очистка не закончена! — в голосе звенело отчаяние. — Умоляю, Поль! — она билась в истерику.

Поль шел, не останавливаясь, крепко прижимая девочку к себе. Юля обхватила его шею тоненькими ручками, прикинула, словно хрупкий вьюнок, накрепко приросший к стволу своего единственного животворящего дерева.

— Оставь ее! Не трогай! — Мама задыхалась в приступе бешенства. — Не твоя дочь, так и наплевать тебе на нее, да?! Кто поможет нам, кроме Господа?! — Она споткнулась, упала и вдруг с неожиданной ненавистью закричала вдогонку мужу: — Гад! Ирод окаянный! Чтoб ты сдох, изверг проклятый! Да покарает тебя Господь!

Поль уходил, ни разу не обернувшись, и не мог почувствовать некоего высокого смятения, дрожавшего в воздухе. Он не видел, как постепенно менялись люди, как они крестились и улыбались, дыша ровно и спокойно, как выравнивались их лица, совсем недавно искаженные гримасами ужаса, как текли слезы облегчения и благодарности по их щекам...

Матушка Христина стояла у церковных ворот и, прищурившись, с железным холодным равнодушием смотрела вслед Полю, уносившему на руках слепого ребенка.

Вечером того же дня Юля и Поль сидели в самолете компании Air France. Из динамиков доносилась спокойная негромкая музыка. Измученная переживаниями Юля дремала у отчима на плече. Пахло чистотой и ландышами. Но то был искусственный синтетический запах из баллончика.

Самолет неспешно покотился по взлетной полосе и, набрав скорость, мягко оторвался от земли. Слегка заложило уши. Голова медленно наливалась тяжестью. Откуда-то издали выплыли низкие тяжелые звуки. И, как по команде, в подсознание закралась тревога, затаилась, свернувшись внутри калачиком. Звуки усиливались, наплывали, накатывались тяжелыми волнами, заполняя собою все вокруг, и вот уже на полную мощь неистово и страшно в голове звучал Вагнер. Юля напряглась. В музыке ледяным металлическим скрежетом отчетливо слышалась жуткая, чудовищная дисгармония. Юля прислушалась. Замерла... Кровь ударила в виски. Сердце перевернулось и стало стучать в обратную сторону. Ни в одном аккорде, ни в одном гармоническом созвучии не было слышно ноты соль...

5.

Бабушка возилась на кухне. Люда играла Верди. Босая Юля лежала на полированной крышке Белого Рояля, прижавшись щекой к прохладной поверхности своего идола, слушала звенящего внутри инструмента Верди и боялась пошевелиться. Ей казалось, что малейший шорох немедленно разрушит, спугнет ту хрупкую, едва уловимую гармонию, что таилась сейчас в недрах могучего зверя и в стенах их

такого уютного и такого пустого теперь дома, где была Люда, бабушка, Белый Рояль... Но совсем больше не было Поля... И все чаще не было мамы...

Гармонию нарушила бабушка:

— Девочки, за стол! — позвала она, не обращая внимания на неоконченную музыкальную фразу. Юля поморщилась. Ненависть к пище усилилась. Она и раньше не любила есть, а с тех пор, как появилась Люда, процедура питания стала просто пыткой. Мама и бабушка обычно кормили ее с ложки. Юлю это вполне устраивало. Можно было не отвлекаться от звуков, непрерывно роящихся в голове, живущих в ней своей жизнью. За ними нужно было постоянно следить, иначе они немедленно превращались в хаос, и от их бесконтрольного нагромождения голова могла не выдержать напряжения и просто расколоться на мелкие кусочки. Звуки можно было выстраивать в стройные ряды, складывать в затейливые узоры или сооружать из них высоченные пирамиды. А можно было пускать по бесконечным блуждающим и переплетающимся тоннелям, где они неслись вперед, скользя меж гладких стен, перемещаясь из одного тоннеля в другой, теряясь и возвращаясь. Тогда она мчалась за ними, не думая ни о чем. Организация звуков отнимала все силы, но и увлекала, завораживала, не оставляя возможности сосредоточиться ни на чем другом. И не было в мире занятия интереснее этих игр.

С появлением Люды Юле дали в руки вилку и нож, и нужно было прилагать усилия, чтобы справиться с этими безобразными острыми и колючими монстрами. Звуки не желали дружить с металлическими уродцами и не собирались ни с кем делить Юлину голову. Они противно дребезжали и рассыпались, нарушая привычный ход вещей, уродуя великолепные мелодичные сочетания отвратитель-

ными волчьими квинтами. Пальцы, находясь в постоянном движении, не слушались. Увесистые столовые приборы летели на пол. Но Люда была непреклонна:

— Десятилетние девочки давно кушают самостоятельно! — звучал ее вердикт.

Теперь и одеваться приходилось самой под жестким контролем Люды. Это снова отвлекало от главного, выдергивало из сладкого и удивительного, чудесного и многоликого, до предела понятного и абсолютно непредсказуемого мира звуков.

Но все же она любила Люду. С ее появлением Юле приоткрылся совершенно новый мир — мир осязаний. Хотя привычный мир внутренних ощущений по-прежнему казался гораздо мягче, добрее, радостнее. В этом мире происходили удивительные вещи. Он был наполнен никому, кроме нее самой, не видимыми образами и эмоциями.

Там гладкие резиновые сапоги весело поскрипывали на ногах, если шел дождь. В воздухе висела вода. Ее можно было лизать языком. Все вокруг грустили непонятно о чем. Какая разница, жарко или холодно, сухо или дождливо? В дождь можно ловить прохладные капельки, подкидывать их обратно, туда, откуда они прилетают, и слушать, как они звенят, сталкиваясь со своими подружками, а потом весело шлепаются в лужи. Еще можно собрать их в ладошку, принести домой и добавить в гречневую кашу. Гречке становится щекотно соседствовать в кастрюле с непрестанно шевелящимися дождевыми капельками, она вдруг принимается хохотать и петь от радости. И тогда ее — хохочущую и поющую — есть не так противно. Если солнце — можно сплести чудесную шляпку из теплых лучиков-нитей, изящную и невесомую, а потом надеть ее на голову и чувствовать себя настоящей дамой. Если холодно и ветрено, то лучше всего широко открыть рот и проглотить весь ветер, а потом

ночь напролет слушать его тягучее завывание в собственном животе. Под эти протяжные напевы так сладко спится. Морозным воздухом хорошо чистить зубы. От острой ломоты оголяются нервы, и тогда нужно срочно просить бабушку поставить старый диск Чайковского и слушать-слушать «Январь», а еще лучше сыграть самой. Его Юля играет с четырех лет. С неукутанными заде-невшими нервами он звучит совсем иначе... Звонче, яснее, рельефнее.

В школе за партой Юля сидит с добрым доверчивым Патриком. У него огромная голова, ровно половину которой занимает лоб. Он доверил свою голову Юле, и теперь можно трогать удивительный гигантский лоб, маленькие, близко посаженные глазки, мясистые толстые уши. Патрик все время смеется и задает глупые вопросы. Но Юля не отвечает. Потому что если она не занята троганием Патриковой головы, то, конечно же, занята другим важным делом — музыкой.

— Поиграем на компьютере, — твердит Патрик. — Поиграем на компьютере...

Юля его не слушает. Вчера на нее обрушился мощный поток новой музыки. Бородин. «Богатырская симфония». Ошеломительная и потрясающая. Юля никак не может прийти в себя, не может сконцентрироваться, сосредоточиться, чтобы из общего хаоса начать выделять музыкальные фразы, которые постепенно раскладывались бы на аккорды, интервалы, и, в конце концов, отдельные ноты, расположенные в строгом порядке одна за другой. Потом уже спокойно собрать в обратном порядке: нота, интервал, аккорд, фраза, квадрат, партитура...

Она будет слушать Бородина еще и еще. Сутки, двое, трое... Неделю, месяц, полтора... Пока совершенно отчетливая картина в сотни раз замедленном темпе не сложится в голове. Нотка к нотке, трезвучие у трезвучию... Она будет долго-долго разговаривать с Белым

Роялем и непременно договорится... Они вместе сыграют Бородина. Сначала медленно. Затем быстрее, увереннее, ярче... И Бородин тоже станет родным, потому что Юля будет знать его изнутри, проиграв тысячу раз наизусть сначала в голове, а затем вдвоем с Белым Роялем...

— Поиграем на компьютере... Поиграем на компьютере...

Бедный, бедный Патрик! У него нет Бородина... И Дебюсси тоже нет. И Альбини нет, и Сен-Санса. Бедная бабушка... И все другие, живущие без музыки...

После школы привычный распорядок. Прогулка по набережной. За руку с Людой. Иногда Люда «теряется», оставив Юлю наедине с почти невесомой, но необыкновенно прочной алюминиевой тростью. Трость — новая вещь в Юлином обиходе, в новом мире «внешних ощущений», как называет его Люда. Здесь нужно научиться жить на ощупь.

— Не бойся контакта с предметами, — учит Люда. — Они не злые. Их просто нужно уметь узнавать по прикосновениям.

Юля долго не могла привыкнуть к противной, непослушной, мешающей передвигаться палке. Она в ярости стучала по асфальту, надеясь сломать мерзкую клюку, отбрасывала ее далеко в сторону. Но непреклонная Люда снова и снова вкладывала ей в ладонь ненавистную рукоятку. Зачем?! Юля и так чувствует ступени и почти никогда не натывается на предметы. А столкновения с живой материей вообще невозможны. Юля видит все живое! Точнее, слышит! Деревья, например, звучат фугами Баха. Нечетко, расплывчато, но вполне узнаваемо. Звук глубокий, грудной. Люди звучат по-разному. Каждый по-своему. Юля слушает людей, отмечая особенные и индивидуальные для каждого интонации, мелодии, ритмы. Вот этот человек напряжен, видимо, чем-то расстроен. Злость и раздражение сплетаются воедино. Он воинственен. Мужчина.

Юля улавливает ряд мелькающих звуков, постепенно складывающихся в короткую музыкальную фразу... Сейчас, сейчас она уже почти узнала ее... До боли знакомая мелодия... «Юпитер»! Сорок первая симфония Моцарта. Гениальная... А сразу за ним торопится легкий и нежный ноктюрн Шопена. Девушка, задумчивая и легкая... Там, на лавочке, — Гендель. Одиночество. И старость. Грустно. Безотрадно... А это Прокофьев. «Любовь к трем апельсинам». Размашистый, уверенный в себе марш... И марширующий человек... Далекие, невнятные, еле уловимые и яркие, четкие и расплывчатые рядом живут люди. Люди, которые звучат каждый по-своему.

Дóма. И снова музыка. Три раза в неделю вместе с месье Броденом. Остальное время — с Людой или сама. Юле не разрешают играть больше семи часов в день. Каждый вечер она плачет, когда приходит время попрощаться с Белым Роялем и идти спать. Ей не нужен сон. Ведь все равно даже во сне все наполнено живыми звуками, музыкой, не прекращающей своего звучания ни на минуту. Зачем спать?..

Уже лежа в постели, сквозь наваливающуюся дрему Юля слышит в кухне родные голоса:

— Галина Григорьевна, что вы делаете? — это Люда. Чем-то расстроена. Неужели Юля снова ее огорчила? — Как долго девочка будет ходить в эту школу? Сколько времени она может находиться рядом с больными детьми? Она не больна, поймите вы, наконец!

— Людочка, но как же быть, если в нормальную школу ее не берут? — в голосе бабушки обреченность.

— Но и в этой школе ей делать нечего! Она часами сидит без дела, уставившись в одну точку. Так и вправду аутизм разовьется!

— Так ведь... — Бабушка явно растеряна.

— Да нет же, нет! Ну сколько вам говорить? Кто поставил этот диа-

гноз? Я уже достаточно давно наблюдаю девочку, чтобы утверждать наверняка: никакого психического заболевания нет! Поверьте моему опыту!

— Что же нам делать?

— Перестать кормить ее с ложечки и одевать, как маленькую! Она со всем этим прекрасно может справиться сама! Просто не хочет! И разговаривать не хочет! Ей гораздо проще и интереснее жить в своем мире, со своей музыкой, не отвлекаясь на наш глупый и несовершенный мир. И вы только способствуете этому!

Они говорят громко, не опасаясь, что Юля услышит. Взрослые давно привыкли к мысли, что ребенок, если и слышит не предназначенные для его ушей разговоры, то понимает лишь малую толику. А если что-то и понимает, то вряд ли ему это интересно. Какое девочке дело до мирских забот и проблем? У нее есть своя удивительная вселенная, мироздание, где все устроено по-другому.

— Люда, но врачи говорят...

Бабушка не успевает возразить.

— Врачи? — Люда почти кричит. — Ну откуда, откуда эта слепая вера в доброго врача?

Врачи... Темное, жуткое слово. Слово, пахнущее страхом. Юля хорошо помнит тот сложный и безрадостный период, когда они все время куда-то ехали, летели, торопились, опаздывали, ждали и снова торопились. Тогда еще рядом был Поль... Тревожные утомительные дороги, выматывающие не на шутку. Автомобили, самолеты, поезда... Километры, километры, километры... Люди, говорящие на непонятных языках, чужие и враждебные. Длинные коридоры. Непонятные пугающие трубки, провода, аппараты, резиновые присоски, щупальцами впивающиеся в голову, бурывшие до самого мозга; отвратительное давление на глаза, металлический скрежет голосов без оттенков и интонаций. Врачи...

И запахи... Каждое такое путешествие сопровождалось резкими незнакомыми запахами, от которых тошнило и болело сердце. Ими было пропитано все вокруг. Они настораживали, пугали, парализуя и обезоруживая. Юля затыкала уши наушниками плеера, стараясь спрятаться от таящих угрозу отвратительных запахов в привычном и радостном мире звуков. Но звуки оказывались неспособны вытеснить назойливые, въедающиеся в волосы и одежду запахи. Звуки были слабее, они проигрывали в изматывающей борьбе.

Результат поездок был всегда одинаков: «Глазной нерв отсутствует. Операция невозможна».

Приговор. Слепой, безжалостный. Пожизненный.

— Ее срочно нужно забирать из этой школы для... — Люда запинаясь, подбирая правильные слова, — для детей с отсталым умственным развитием. Нужно нанимать частных преподавателей, учить девочку жить в нормальном мире здоровых людей! Необходимо развивать тактильное зрение. Она должна научиться читать и писать по системе Брайля, Муна, Брадиса, освоить компьютер, наконец.

— Людочка, помилуйте! Компьютер?

— Конечно! Галина Григорьевна, вы будто в прошлом веке живете! Уже давно существуют программы для слепых!

— Да, да, — бабушка взволнована. — Поль, кажется, говорил об этом и даже начал поиск специалистов... — Она замолкает, тяжело вздыхает. — Но теперь вы сами понимаете, больше уже ничего не будет, как раньше...

— Галина Григорьевна! — не отступает Люда. — Поля не вернуть. Разумеется, потеря любимого человека — трагедия для вашей дочери. И для Юли, и для вас... Я понимаю...

— У Поля было слабое сердце, — не слушает бабушка. — Да и возраст... Он ведь намного старше Танечки...

— Именно. Татьяна молода и сильна, она обязана позаботиться о будущем дочери. Убедите ее как можно скорее забрать девочку из этой школы. Ведь вы обеспеченные люди!

— Кому нужна эта обеспеченность, когда моя дочь от горя голову потеряла. Проклятье, говорит, на мне лежит. Первый муж бросил с ребенком-инвалидом на руках. И второй вот теперь... Какое, говорит, право он имел умирать?

— Это не нам решать...

— ...Видно, говорит, судьба у меня такая. Не суждено мне жить в радости и покое. Женское счастье не для меня. Жалко ее. А что я могу? Плакать да молиться... Танюша измучилась вся, осунулась, почернела. Жизнь ей не мила. То сидит, замерев часами, то по дому мечется. Не могу, говорит, я в этих стенах находиться. Давят. А то и вовсе исчезнет, поди, сыщи... Возвращается — с ног падает. Благотворительностью вроде занимается. Юленька без нее все время плачет. И не знаю, чем помочь моим девочкам...

Юля натягивает на голову одеяло, сильно-сильно зажмуривает глаза, чтобы снова не заплакать. Ей тошно и страшно. В голове устрасюще звучит Вагнер.

Внизу глухо хлопает входная дверь... Юля вздрагивает, прислушивается. Шаги. Торопливые, долгожданные. В комнату врывается мама. Юля вскакивает навстречу. Мама стискивает дочь в объятьях, целует в лоб. На пороге замерли встревоженные бабушка и Люда.

— Все, — выдыхает мама. В голосе решимость. — К черту этот барак, эту Францию. Уезжаем!

— Господи, — пугается бабушка, — что ты задумала, Татьяна?

— Зачем нам чужая страна, если Поля больше нет? Достаток? Комфорт? Божья благодать? Нет, не так! Все наоборот! Вокруг — рай, а в душе — ад! — мама срывается на истерику. — Это я во всем виновата! Я одна! Это я прокляла мужа и теперь сама проклята Госпо-

дом! И ребенок больной мне в наказании!

— Что ты несешь? — вмешивается Люда. — Успокойся, пожалуйста!

— Боже, прости меня, грешную! — мама всхлипывает. — Ну, ничего. У нас и на родине дела найдутся. Где родился, там и пригодился. Мы едем домой, в Россию!

— Татьяна, рассудок у тебя помутился? Куда ты собралась? К кому поедешь? Твой дом давно уже здесь! Как же Юлина музыка, консерватория, выступления?

— Какие выступления? — голос мамы ломается, непривычно болезненно скрипит. — Она на сцену без посторонней помощи выйти не может! Люди ходят на нее смотреть, потому что она слепая! Чужое уродство притягивает.

— Ты не права, — жестко отрезает Люда. — На ее выступления ходят не смотреть, а слушать. У ребенка дар Божий, и не тебе им распоряжаться.

Юля не хочет больше ничего слышать. Она зарывается носом в пушистые мамины волосы, вдыхает едва уловимый аромат ландышей. На маминой шее тоненькой пульсирующей ноткой стучит сердце: соль... соль... соль...

6.

Тяжелые удушливые запахи были невыносимы. С тех пор, как они поселились здесь, каждую минуту, каждую секунду Юля страдала от острых, слишком насыщенных запахов, которые оказались самым страшным испытанием. Можно было смириться с непривычной пищей, заставить себя впахнуть в рот несколько ложек жидкого кисловатого супа и даже проглотить скользкую соленую капусту. Но с исходящим от супа запахом смириться было невозможно. Кроме «ароматов» пищи здесь царили запахи человеческих тел, не знавших духов и дезодорантов, туалетных вод и простых душистых мыл. Можно было не обращать вни-

мания на длинное широкое платье из грубой тяжелой ткани, привиннуть к постоянно покрывающему голову платку, но находиться среди несметного количества смешивающихся и оттого становящихся еще более ненавистными запахов было невыносимо.

Монастырская жизнь имела свой устоявшийся размеренный ритм. Бытовые послушания, которыми ежедневно наделялись монахини, Юлю не коснулись. После утренней молитвы она шла в школу в сопровождении матушки Александры — маленькой юркой старушки с сильными морщинистыми руками. Матушка была добрая и жалостливая. В ее кармане всегда находился для Юли гостинчик: горсть семечек, орехи, карамелька с прилипшим фантиком.

Жизнь в церковной школе не сильно отличалась от привычной Юлиной жизни. Те же бесконечные уроки, только теперь учителя говорили по-русски. Те же девчоночьи ссоры, страшные своей агрессией, внезапно возникающей из пустоты. Юлю девчонки не трогали. С ней вообще предпочитали не связываться. Странная какая-то. Мало того, что незрячая, так еще и немая... Она, конечно, умеет говорить, но все время молчит и только улыбается чему-то своему да барабанит пальцами по столу. Ее старались обходить стороной, тем не менее время от времени цепляя, дергая, толкая. Не нарочно, случайно.

Единственной радостью были занятия хора. К церковным песнопениям Юля привыкла, знала назубок. Но петь вслух не хотелось. Она молча слушала, подпевая про себя, и только морщилась, если кто-то «давал петуха». Каждая фальшивая нота отдавалась внутри физической болью. И все же это был праздник — слышать музыку, адресованную Господу.

На монастырском подворье мама была самой молодой. Игуменья — матушка Христина — постоянно ее

куда-то отсылала. А Юля должна была заниматься. И она занималась часами, забывая обо всем. В узком душном предбаннике монастырского дома стояло старое разбитое пианино. Поначалу она совсем не могла на нем играть, только плакала. Дребезжащий звук был невыносим. Сжалившись, настоятельница вызвала настройщика. Теперь пианино звучало пусть неуверенно и глухо, но все-таки стройно и довольно благозвучно.

Первое время обитательницы монастыря слушали игру юной послушницы с благоговением. Но вскоре постоянно звучащая музыка стала утомлять. Девочку гнали из-за инструмента, ворчали, ругались, пока игуменья не слышит и мамы нет рядом. Знали — Юля никому не пожалуется. И только матушка Александра защищала девочку, вступая в бесконечные перебранки с сестрами.

Игуменья матушка Христина взяла Юлю под свое крыло. Она отслеживала каждый шаг, каждый поступок новой послушницы, учила, советовала, контролировала.

Однажды вечером она, как обычно, усадив девочку напротив, принялась расспрашивать:

— Ну, Юлишна, поведай, что там вам сегодня отец Кронид рассказывал? Запомнила?

Отец Кронид читал закон Божий. У Юли была цепкая память. Но матушке отвечать не хотелось. Однако игуменья не отставала:

— А регентша ваша опять духовными стихами мучила? Что вы там пели? «Радость моя»? «Белые церкви — твердыни вселенная — не устоите — разрушится мир...» — вдруг запела она чистым, хорошо поставленным голосом. И находившиеся поблизости сестры, секунду назад занятые своими делами, неожиданно подхватили, запели дружно и слаженно:

Вас не касаются запахи тленные,
Этот октябрьский отчаянный пир.

Песня вмиг заполнила крошечное пространство монастырской трапезной. Казалось, сестры забыли о распрях и обидах, о тяготах и лишениях монашеской жизни. Сейчас их объединяла песня, подарившая обычному будничному вечеру новое содержание. Здесь любили и умели петь. Задумчиво и проникновенно сестры выводили несложный мотив духовного стиха, легко раскладывая его на голоса. Ярче и увереннее других звучал голос матушки Христины.

Желтое, красное, все разноцветное,
Золотом, золотом устланы рвы.

Прямо в лицо роднику безответному
Ветер повывбросил мелочь листы.

Что-то неуловимо знакомое слышалось в этих строках. Желтое, красное, разноцветное... Буйство красок, которых ей увидеть не суждено... Когда-то Юля уже испытывала эту пронзительную боль от острого, насквозь пронизывающего ощущения невозможности... Шелест листы... Юля потрясла головой. Слишком быстро нахлынули воспоминания. Она не успевала выстроить их в логическую цепочку, сориентироваться во времени...

И вдруг она вспомнила эти стихи. И эту песню... И этот голос...

...Детский хор пел чисто и звонко.
Лирическая, грустная мелодия пришла публике по душе. Хлопали долго и дружно.

Руководитель хора поблагодарила зрителей за высокую оценку таланта своих учеников... голосом матушки Христины. Зал снова заплодировал.

Когда и где Юля слышала выступление этого хора? И этот голос?

Мысли лихорадочно металась в голове. Казалось, если она сейчас не вспомнит, то упустит что-то очень важное.

— ...Смотри, смотри! — это мама. Голос веселый, взволнованный. — В первом ряду третья справа — это я! — она смеется, и Поль смеется вместе с ней.

— А что это у тебя на голове? Шантийи? — спрашивает он и падает со смеху на ковер перед телевизором, увлекая за собой поддающуюся общему веселью Юлю. Они катаются по полу в обнимку. — Ой, не могу! Держите меня! — хохочет Поль. Юля представляет маму со сладкой прической из взбитых сливок и тоже хохочет.

— Это — банты, дуралей! — смеется мама. — Белые, праздничные! Чем пышнее, тем лучше. Мы все такие носили. Это было краси-иво.

— И, разумеется, модно? — не унимается Поль. — А видео просто удивительного качества! Наверное, снимали из катакомб через подзорную трубу?

— Смейся, смейся, — притворно обижается мама. — Это у вас тут аппаратура уже в те годы была на высшем уровне. А мы тогда фотографировались черно-белыми мыльницами. Скажи спасибо, что хоть такое видео сохранилось! А то бы не имел ты сейчас удовольствия видеть свою жену в красном галстуке, еще и с бантами.

— А песня о чем?

— Знаешь, странная какая-то песня была... Мы все удивлялись, где ее наша руководительница нашла? Ей потом за эту песню здорово попало от городского и даже, кажется, от областного начальства. Куплетов было штук десять. Половину нам исполнять вообще запретили.

— Отчаянная, однако, у вас руководительница была. Красавица, между прочим...

— Да, красавица. Только мы все ее боялись жутко! Властная она была, требовательная! Как взглянет, хоть под землю проваливайся! Насквозь глазами прожигает! И голос у нее был особенный... Менялся в зависимости от настроения. То холодный, неприступный, с металлическим скрежетом. Будто она каждое слово на железное острие нанизывает. А бывало, заговорит сладко так, приторно. Словно паутину плетет, мягкую, липкую. Попада-

ешь в ловушку и висишь безволь-
но в пространстве, как муха-цокоту-
ха. А голос вползает в твое сознание,
втискивается и звучит внутри...
Ослушаться его было невозможно.
Он за тебя все решал... А когда у нее
случалось хорошее настроение, этот
голос звенел, как колокольчик, игри-
во, озорно. И столько в нем было
веселья неподдельного, что хотелось
бежать за ним на край света и до-
вериться ему целиком и полно-
стью. Казалось, что он несет в себе
счастье...

Юля дремлет, свернувшись
калачиком на пушистом ковре, по-
ложив голову Полю на колени. Ей
тепло и уютно. Мама гладит дочь
по волосам, привычно накручивает
кудряшки на палец. Ее голос жур-
чит, как весенний ручей, трогатель-
ной и нежной нотой соль. Она еще
долго рассказывает мужу о своем
детстве, о друзьях, о родном го-
роде...

— ...Их не прельщают купюры фаль-
шивые, — пели монахини.

Не привлекает поток золотой.
Нужно ли вам это золото лживое?
Вам, лобызающим вечный покой...

Песня закончилась. Пространство
обрело привычные колебания.

— Ну ладно, иди, играй! — Матуш-
ка Христина легонько подтолкнула
Юлю к выходу.

Девочка сорвалась с места, помча-
лась к пианино, рискуя обо что-
нибудь удариться. Когда игуменья
была дома, никто не смел мешать
Юле играть. Сестры, вечно хлопочу-
щие по хозяйству, ходили мимо
на цыпочках. Юля забывалась,
улетая в единственно понятный, до-
брый и радостный мир музыки, при-
нимающий ее такой, какая есть.

* * *

На следующий день в монастырь
приехала Люда. От нее пахло
морем и далекими экзотическими

цветами. Юля прижалась к ней изо
всех сил, так, что та даже охнула.

— Раздавишь, Юляша! Ой, господи!
Дай посмотрю на тебя. Выросла-то
как! — Люда чмокала Юлю в макуш-
ку, гладила по голове. Платок сбился,
волосы, сплетенные в толстую косу,
растрепались. Люда поправила
мягкие пряди, аккуратно перевя-
зала платок. — Вот ты какая те-
перь у нас... — в ее голосе слышалась
не то жалость, не то удивление. —
Платок, длинное платье... — голос
дрогнул. Люда крепко прижала
Юлю. — Бедная моя девочка!

— Чего это она бедная, — рядом
неожиданно появилась матушка
Христина. — Ничего не бедная! У Го-
спода нет бедных и богатых! Мило-
стей Его на всех хватит, всем по вере
достанется.

Юля схватила няню за руку, по-
тянула в дом.

— Куда это ты, Илиания? — попы-
талась остановить игуменья. Но Юля
не слушала. Изо всех сил она тянула
Люду вверх по ступеням.

— Благословите, матушка, — толь-
ко и успела выдохнуть Люда.

— Играть будешь? — догадалась на-
стоятельница. — Ну, играй, играй, —
милостиво разрешила она.

Юля играла Равеля, «Игру
воды». И было в этой музыке
все: и радость встречи, и горечь
нахлынувших переживаний, на-
копившихся за два долгих месяца
жизни в монастыре. Она торопилась,
захлебываясь нотами, спеша расска-
зать Люде о том, как истосковалась
по их большому уютному дому с его
просторными комнатами и тенистым
садом, по бабушке, по отцу Сергию,
по морю с его солеными брызга-
ми и ветром, по малышу-дельфину,
живущему в глубине, по большего-
ловому Патрику и Белому Роялю...
Но больше всего она скучала по
Полю. Пронзительная и печальная
нота соль плакала и звенела в каж-
дом созвучии, в каждом аккорде.
Как же Юле не хватало его и... мамы,
которая была рядом, только почему-
то больше не пахла ландышами...

Поздно вечером мама и Люда
с благословения матушки Христи-
ны сидели в крошечной келье, раз-
говаривали. Юля дремала, лежа на
узкой кровати с закрытыми глазами.

— Не понимаю тебя, Татьяна, про-
сто не понимаю! — Люда говорила
очень тихо, но Юля слышала каждое
слово. — Как ты можешь держать
здесь ребенка? Ты что, действи-
тельно из нее монашенку сделать
решила?

— Так будет лучше, — обречен-
но прошептала мама. — Нет нам
другого места на земле. Понима-
ешь, надо мною рок. И, может,
монастырь — единственная воз-
можность хоть как-то облегчить
участь моей дочери. Я жизнь готова
провести в молитвах, чтобы вымо-
лить у Господа прощения за грехи
мои, чтобы пощадил он ребенка, дал
покоя душевного...

— Да какие у тебя грехи особенные?

— Не знаю. Но ведь за что-то
Господь меня наказывает. Видимо,
есть за что... Знаешь, я с детства
страшно боялась одиночества. Смо-
трела, как моя мать на двух работах
надрывается, чтобы я ни в чем
не нуждалась, и мечтала о другой
жизни. С ужасом ждала, что снова
назовут безотцовщиной... Бабушка
маму тоже без мужа поднимала.
Вот и выскочила замуж за первого
встречного, только бы прервать эту
роковую цепочку. Думала, пусть не
я, дочь моя будет счастливой. Ока-
залось, одиночество — это и есть
моя единственная семья. Когда
родилась Юля, поняла: брак без
любви — вот настоящий грех. А ре-
бенок, рожденный в грехе, обречен
на мучения...

— Думаешь, в монастыре ей легче
будет? Ты ведь знаешь, для нее нет
ничего важнее музыки. Ей нужно
заниматься, репетировать. У нее впе-
реди жизнь, работа, успех, карьера
музыканта. Какое ты имеешь право
лишать ее всего этого? Она талант-
лива, Таня! Странно, что родной
матери приходится напоминать о ге-
ниальности ее ребенка.

— Но ведь она и здесь занимается? — неуверенно возразила мама.

— На этом разбитом корыте?

Мама молчала. Было слышно, как в тишине потрескивает свеча.

— Я не могу там жить, в том доме, понимаешь?.. — наконец заговорила она. — Там все напоминает о Поле! Повсюду его вещи, картины... Я сойду с ума!

— Не сойдешь, — жестко отрезала Люда. — Не имеешь права. У тебя ребенок. А дом — четыре стены... Продай, в конце концов, купи другой, если совсем не могу.

— Нельзя. Это родовое гнездо, вековая история. В этом доме выросло не одно поколение.

— Тогда сдай его. На эти деньги сними что-нибудь другое, чтобы хлопот поменьше и память не твоя, чужая. Чужая память не болит... — Люда помолчала. — А может, пусть просто постоит пока закрытый? Со временем все устроится, утрясется...

— Что утрясется? Что устроится, Люда? Поля больше нет, понимаешь!? И это я убила его, я...

Мама заплакала.

— Опять ты за свое, Татьяна! Ну что ты терзаешься? Все мы под Богом ходим... Я вот что у тебя хотела спросить... — Люда совсем перешла на шепот. — Почему ты никогда не говорила, что с детства знакома с матушкой Христиной?

— Откуда ты знаешь?

— Юля рассказала. Она ее голос вспомнила.

— Господи милостивый, да откуда?

— На какой-то видеокассете слышала.

— На видеокассете, говоришь... — мама вдруг занервничала. — Ну и что? Что тут такого? С детства, не с детства? Какое это имеет значение?

— Да самое прямое! — Люда повысила тон. — Я удивляюсь, с чего это у тебя затемнение сознания вдруг приключилось? Ходишь сама не своя, как зомбированная. Одни молитвы да покаяния в голове. А корни, оказывается, вон куда

уходят, в детство. Все мы родом из детства... Ох, кажется мне, Татьяна, что она умышленно манипулирует тобой. Добивается твоего полного смирения. Нужна ты ей в этом монастыре.

— Кому, матушке Христине? Что ты! Зачем я ей? Да еще с большим ребенком... Она муки мои облегчить хочет, душе помочь. А чем душу лечить, как не молитвой? У нее в богослужении опыт большой. Девятнадцать лет в монашестве. Третий монастырь поднимает со своими сестрами. Трудно ей. Средств не хватает. Епархия наша почти совсем не помогает. На подаяния строимся. А благословение восстановить разрушенный монастырь получено. Хочешь, не хочешь, строить придется. Матушкам знаешь как жить тяжело...

— Догадываюсь, нелегко. Но, согласись, это их выбор. А мне вот, Таня, знаешь что непонятно... — Люда замялась, замолчала, будто обдумывала, имеет ли право говорить о том, чего не понимает. — Есть тут некоторое противоречие... — Она снова помолчала, вздохнула. — В общем, видела я сегодня возле бани прямо на улице под открытым солнцем целые пирамиды ведер с соленьями и маринадами. Все на жаре пропадает. Смердеть уже начало. Что это? Подаяния прихожан? Или труды самих сестер? Посадили, вырастили, собрали урожай, засолили и... проквасили? Десятки килограммов? Где логика? Когда люди тяжело живут, заготовки на зиму ведрами не выбрасывают! Не сужу, но вместо скромности и аскетизма здесь какое-то русское разгуляйство получается, тебе не кажется?

— Да они тут вообще как Гобсеки на мешках сидят! — неожиданно разоткровенничалась мама. — Продукты закупаются в непомерных количествах. А хранить негде. Церковный дом только строится, подвалы водой залиты. Вот все и портится, гниет. Чердак забит какими-то матрасами, спальными мешками,

одеялами. Все это новенькое, не распакованное. Будто они на морозе под открытым небом зимовать собрались. Там вообще чего только нет...

— Не понимаю! Ведь не голодные годы, не война. В любой момент можно свежих продуктов купить...

— Так у них денег совсем нет! Они...

— Скажи, — перебила Люда, — а как тебе в метро милостыню просить?

— А это откуда знаешь? — растерялась мама.

— Ну а куда тебя еще игуменья каждый день посылать может? Только в город, на работу!

— У меня выбора нет, — мама тяжело вздохнула. — Не могу я ослушаться. Срок испытательный у меня, послушнический...

— Таня! У тебя два высших образования! Какой срок? Какое послушничество?

— Служение Господу — дело праведное. А милостыню просить — не грех! Не оскудеет рука дающего... — мама нервничала. — Жаль, что Поль основной капитал Юле оставил. Он, оказывается, сразу после нашей свадьбы завещание написал. Я и не знала ничего... Как чувствовал...

Она вдруг затихла. Юля знала, что мама снова плачет. Она плакала всегда при одном лишь упоминании о Поле. Всклинула, высморкалась.

— Не могу я, Люда, деньгами распорядиться. А то бы, знаешь, храм отреставрировали, подворье отстроили. Как полагается... И не пришлось бы всем нам больше мучиться.

— Да ты с ума сошла, Татьяна? — взвилась Люда. — Храмы возводить — дело, конечно, нужное, богоугодное, но не в ущерб слепому ребенку!

— Люда, о чем ты? Разве я могу ребенка обделить? Да и матушка Христина смотри как о ней заботится! Любит она Юляшу, опекает...

— Какая же ты наивная, Господи! Неужели ты до сих пор не поняла? Не Юля им нужна, а ее наследство!

— Перестань, Люда, не гневи Господа!

— Татьяна! — Люда почти кричала. — Ты совсем ослепла!

Неожиданно тяжелая дверь распахнулась.

— Что у вас здесь происходит? — на пороге стояла матушка Христина. Голос холодный, без оттенков и интонаций. — Вы, Людмила, у нас в гостях, а ведете себя непозволительно. Нарушаете покой моих послушниц. Здесь не базарная лавка, а монастырское подворье, божий уголок для вдумчивой молитвы в тишине и смирении. Потрудитесь-ка, милочка, покинуть келью. Матушка Иллария проводит вас в гостиницу для паломников. Спокойной ночи.

Спорить было бессмысленно.

Люда шла по неосвященному монастырскому двору, стараясь не отставать от бесшумно передвигающейся в темноте матушки Илларины. Вдали на фоне почти погасшего неба проступали силуэты каких-то строений. По-видимому, это и была гостиница. Шли мимо темной громады храма, одетого в леса, мимо колокольни. Воздух был пропитан пряным запахом перенасыщенной, переспелой зелени, который, казалось, сгущал, увлажнял, утяжелял его, так что было непонятно, как он ухитряется парить над землей, не падая вниз.

Люда шагала и думала о том, что, может, и к лучшему, что не сказала Татьяне о недавно полученных результатах экспертизы. В крови Поля обнаружили большое количество химических элементов, содержащихся в диоксине — препарате для лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Его передозировка способна спровоцировать внезапную остановку сердца. У Поля было слабое сердце...

7.

Духота накрыла липким тяжелым покрывалом. В нос ударил запах множества потных, измученных

жарой тел. У входа толпились люди. Матушка Христина, крепко держа Юлю за руку, потащила ее в застойную глубину. Казалось, что из ее цепких крючковатых пальцев не вырваться уже никогда. Утомленная длинной дорогой Юля плохо соображала. Голова гудела. Хотелось спать.

Толпа не желала расступаться, отказываясь принять в свою смрадную сущность активно орудующую локтями монашенку и маленькую девочку с широко открытыми черными миндалевидными глазами. Но матушка Христина упорно двигалась вперед. Наконец, остановилась. Юля чувствовала напряжение, удушливой пеленой висящее в воздухе. Сзади вплотную прижалась мама. Это хоть как-то успокаивало. Толпа замерла, сдавливая мощным кольцом. Пахло сыростью. Старый храм был ложен из необработанного камня. Казалось, тяжелые своды могут были рухнуть в любую минуту. Камень словно лежал на Юлиных плечах неподъемным грузом, прижимая к земле, отнимая последние силы.

Пустой и безликий голос проповедника монотонно читал неразборчивый текст.

— Проповедь скоро закончится, — зашептала матушка Христина, — и пойдем к батюшке Феофану. Потерпи еще чуть-чуть.

Время от времени, повысив интервал звучания на два тона, священник неожиданно выкрикивал:

— Изыди!

— И-и-и! — эхом вторила толпа.

— Именем Господа!

— А-а-а!

— Боже милостивый! — как-то совсем по-старушечьи тихим шепотом запричитала мама. — Секта!

Юля вдруг почувствовала волну холодного ужаса, исходившую от мамы. Почему, почему с ними рядом нет Поля?!

— Господь с тобой, Татьяна! — одернула матушка Христина. — Думай о спасении чада своего! Молись, дочь моя, молись!

Мама обхватила Юлю за плечи, крепко прижала. Юля погладила ее ледяные пальцы. Маме холодно в такой духоте. Юля вытерла со лба застилающий глаза пот.

Год назад на отчетке у отца Пантелеймона ей не было страшно, хотя тогда она явно ощущала чужое, неземное присутствие. Здесь страх сковывал по рукам и ногам, и источником этого страха были не беспольные сущности, а живые люди из крови и плоти.

Проповедь наконец закончилась. Толпа всколыхнулась, зашевелилась, двинулась.

— Вперед идут дети до пяти лет. За ними подростки, — сообщил глухой непроницаемый голос. — Остальные выходят из храма.

Матушка Христина резко дернула Юлю за руку и потащила вперед, дальше в глубину каменных сводов.

Они остановились у чугунной решетки, преграждающей вход в отдельный придел, где происходил обряд исцеления. Юлю тут же вдавили в острые металлические прутья. Матушка Христина старалась прикрыть ее от толпы большим грузным телом.

Образовалась живая очередь. Люди вокруг молчали или чуть слышно перешептывались, и только все напирало с неистовой силой.

— Не толпитесь, — пригрозил монах-дежурный. — Сказали вам, сначала дети.

Вдруг из скрытого от людских глаз придела донесся крик и детский плач. Малыш причитал совсем по-взрослому горестно и безутешно. Плач подхватили сразу несколько голосов. Дети кричали и стонали. Было в их слезах столько непонимания и горя, столько противоречивых чувств, боли и совсем не детской безотрадности, что Юлино сердечко сжалось, испуганно притихло и, кажется, совсем перестало стучать.

— Богородица, дева, радуйся, — неожиданно запела матушка Христина, — Благодатная Мария, Господь с тобой.

— Благословенна ты в женах, — подхватили несколько голосов.

— И благословен плод чрева твоего... — откликнулась толпа.

Молитва как-то сразу успокоила, сняла напряжение, рассеяла неосознанную внутреннюю тревогу, разрядила накаленный судорожной энергией спертый воздух нижнего храма.

— Яко спаса родила еси душ наших, аминь, — вдруг запела Юлия вместе со всеми, наконец вдохнув полной грудью и физически ощутив облегчение.

Теперь уже не так страшно было идти к таинственному батюшке Феофану, излечивающему священным копием. Сейчас он представлялся ей таинственным волшебником Мерлином в бархатном высоком колпаке или добрым Санта-Клаусом с паутинкой веселых морщинок вокруг глаз.

Люди пели молитву, повторяя снова и снова, десять раз, двадцать, сто...

Юля устала стоять. Простая в своей гармонии мелодия короткой молитвы давно уже сложилась в голове в бесчисленное количество новых звуко сочетаний... А люди все пели и пели. Ноги отказывались держать. Теперь звуки колотили по темени ледяными молотками, но не снаружи, а изнутри, проникая туда без Юлиного согласия через нос, рот, уши... Голова отзывалась гулкими ударами, резкими и болезненными. Юля поняла, что падает. Ее тут же подхватили чьи-то сильные руки.

— Спасибо, Миша, — услышала она где-то вдалеке взволнованный голос мамы и почувствовала, как ее качает на Мишиных руках. На минуту снова стало спокойно и уютно, будто рядом был не чужой малознакомый Миша, а родной и любимый Поль.

...Удар. Неожиданный, резкий. Не сильный. Тяжелая, плоская поверхность. Тупая, холодная. Металл. Копие. Еще удар. И еще. Сильнее, настойчивее, беспощаднее. Темя, затылок, виски. Внутри все сжимается, дрожит ознобной дрожью. Лоб. И еще, еще... Резкая боль. Теплая струйка скользит тонким ру-

чейком к переносице. Рядом плачет мама. Щеки, подбородок, шея... Плечи, грудь, живот... Хрупкое детское тельце корчится от ударов. Боль. Жестокая, невыносимая. Как же это! Почему? Они говорили «лишь касается»!.. Удары по всему телу. Отвратительные, колющие, рвущие.

Маленький тщедушный священник впился выцветшими глазками. Юля ощущает этот взгляд каждой клеточкой. Спрятаться невозможно. Он пробивается, буравя голову, в мозг, проникает внутрь, выворачивая внутренности наизнанку, ничего не оставляя без внимания. Самые потаенные, нежные уголки души он ощупывает зло и похотливо.

— Незрячая она у нас, батюшка, — шипит где-то рядом матушка Христина. — От рождения незрячая.

И снова острая боль. Юля едва успевает стиснуть веки. Удар по глазам. Глазное яблоко вдавлено в глазницы. Еще один такой удар — и он выколет ей глаза... От ужаса немеют колени. Одеревеневшие руки не хотят подчиняться. Она не может даже прикрыть невидящие глаза ладонями... Откуда-то издалека доносится мамин истошный крик. Новая волна страха накрыла, отделяя от мира, от собственного тела, пеленая в мутный, не пропускающий звуки кокон. Юля будто висит над пропастью. Впереди лишь бездонная, бесконечная пустота.

И вдруг — вспышка... В следующее мгновение пространство взрывается миллионом ослепительных нот, несущихся вверх, стонущих и визжащих. Они разбиваются вдребезги, расщепляясь на множество лучей и звуков, переплетаясь, несутся в никуда хаотично и безвозвратно.

Видение ошеломляло, завораживало.

И она перестала существовать. Перестала быть. Она сама стала искрящимися вспышками света, каждой из них в отдельности и всеми вместе. Она кружилась в бешеном вальсе звуков и пылающих огней, утратив плоть, трехмерный

человеческий облик, свое примитивное сознание больного аутичного ребенка. Исчезли земные чувства. Она стала светом, звуком, сконцентрированными бликами и нотами, стремительно пробивающимися податливый воздух, вырывающимися за пределы страшного подземелья, за пределы лужайки, монастыря, рассвета, за пределы вселенной. И там, за пределами лучами и звуками, их светомузыкальным сочетанием она несла идею и смысл, которые сама не смогла, не сумела бы разгадать...

Очнувшись от холода. Первое, что почувствовала, — руки. Сильные, надежные, родные и уже почти забытые... Неужели...

— Поль!

На щеке упругое прикосновение кудрявой мочалки «в мелкий бес»...

Юля распахнула глаза...

Вокруг привычно и беспощадно растилась черная бездонная пустота. Страшная, единственно возможная ипостась ее слепого бытия.

Чудесные вспышки волшебного света существовали лишь в ее сознании, в ее измученном, истерзанном мозгу.

Она заплакала беззвучно и безутешно.

Батюшка Сергей умывал ледяной водой, ласково проводя большой шершавой ладонью по лицу:

— Поплачь, поплачь, душа моя. Да омоет святой источник печали твои, горе твоё, обиды твои. Не ведают злыдни, что творят! Ишь, устроили самочиние! Глянь, что с людьми делают! Где это видано, чтобы святое копие из алтаря выносили и прихожан до крови тыкали? Укальвание копием — дело немислимое! Как же таинство евхаристии¹? Ишь, удумали лечение! Прости, вразуми их, Господи! Какие церковные власти дали благословение на подобное бесчинство? Это же грубейшее нарушение

¹ Евхаристия — церковное таинство причастия.

церковных канонов. Самовольничают, без благословения зло творят...

Слезы катились по щекам, скапливались во рту. Юля не успевала их сглатывать. Они забили нос, уши, горло. А батюшка говорил и говорил, утешая, жалея, негодуя. Его голос с трудом пробивался сквозь расплывающийся в сдавленных рыданиях зыбкий осенний воздух.

8.

В большом белом доме раздался телефонный звонок. Юля потянулась за трубкой, но опоздала. Бабушка уже взяла смежный аппарат на кухне.

— Галина Григорьевна, день добрый! — загремел в трубке голос отца Сергия.

— Здравствуйте, батюшка, благословите! — обрадовалась бабушка. — Как поживаете?

— Вашими молитвами, матушка, вашими молитвами...

Юля тоже обрадовалась, хотела было поздороваться, но в последний момент передумала, однако трубку на рычаг не положила.

— Галина Григорьевна, вы только не волнуйтесь, — заговорил священ-

ник, и было понятно, что волнуется именно он. — Мне тут позвонили... — Батюшка прокашлялся, помолчал, видимо, собираясь с духом. — Помните, я вам рассказывал о докторе из Мюнхена? Так вот, мы ему переслали историю болезни, снимки, ну, в общем, все, что нужно. И он... — священник опять покашлял. — Он ничего не обещает... но готов посмотреть нашу Юлию, — батюшка облегченно выдохнул. — Ничего не обещает... — повторил он. — Однако подобные операции ему уже удавались... Можно ехать, Галина Григорьевна. Можно ехать...

Юля стояла посреди огромной, залитой светом гостиной. Солнечные блики, отраженные блестящей полированной поверхностью белого рояля, были подсвечены голубоватым, розовым, желтым. Словно груды бриллиантов сверкала в ослепительном световом потоке. Яркие, рассыпающиеся радугой солнечные лучи танцевали на спинках старинных кресел с большими красными цветами. Неугомонные лучи легко перемещались в пространстве, резвились, играя в догонялки, носились без устали друг за другом, лишь на

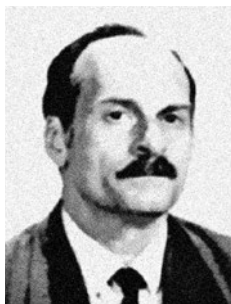
мгновение замирая где-то в глубине фиолетовых шаров гортензий, красующихся в японской вазе с замысловатыми узорами. Огромное, во всю стену окно было широко распахнуто. За окном темнел старый сад с витиеватыми южными растениями, экзотическими цветами, раскидистыми платанами. Веселыми зелеными пучками торчали пальмы, похожие на ананас. За садом вниз катился скалистый обрыв, за ним зеленоватой лазурью светилось море. В сизой трепещущей дымке сверкал горизонт. За горизонтом — небо. За небом — космос. За космосом — вселенная. И маленькая девочка — часть вселенной, где царит гармония и покой, где господствуют свет и краски, где каждый предмет имеет свои очертания, форму, цвет, свою душу и свое сердце.

Юля стояла посреди гостиной, сжимая в руке телефонную трубку, плачущую короткими гудками: соль... соль... соль... И поющая планета Земля неслась в бешеном круговороте мироздания, веками исполняя единственно знакомую вечную свою ноту... Со-о-оль-ль-ль...

Люксембург

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 3, 4, 5, 6, 7 за 2012 г.

АГЕНТУРНЫЙ РОМАН

Глава VI. «Купальщица и Фавн»

Добытое ценою большой крови колье хранилось у Титова вплоть до весны 1955 года. Задумав перестроить дачу, отставной чекист решил рискнуть и продать дорогостоящее украшение. «Прошло уже много лет. Бывших хозяев колье и возможных свидетелей уже нет в живых, и они никому не проболтаются. Но сбыть колье будет нелегко. Верная помощница Нинка загремела в 1949 году в лагерь из-за связи с богатеньким космополитом. Там и сгинула. Придется самому рискнуть. А на примете лишь одна кандидатура: директор вагона-ресторана с Курской железной дороги Бодров. Стучать мне начал еще до войны. А куда ему было деваться, если обсчет, недолив и торговля леваком в ресторане не переводились? Я его, как и Нинку, перед уходом на войну благоразумно исключил из агентурной сети, словно чувствовал, что пригодится мне еще этот расхититель для личных дел. Я навел справки. Он по-прежнему на своем теплом месте, расчетливо отказывается от выгодных предложений о служебном повышении. Человек он умный, осторожный, опытный. Деньги любит безмерно. Как-то давно, при очередной встрече, жаловался, что деньги — это только бумага, а вот вложить их в действительно ценные во все времена побрякушки — дело нелегкое и опасное. И полунамеком поинтересовался, нет ли у меня на примете тайных владельцев фамильных ценностей. Я тогда поостерегся откровенничать с агентом. Но теперь нужда заставляет. Скажу, что я только посредник. А владельцем колье является высокопоставленный сотрудник из моего прежнего ведомства. Это исключит попытки меня обмануть и гарантирует успех сделки, тайну которой Бодров, опасаясь расплаты, будет надежно хранить. Пожалуй, шанс на успех у меня есть».

Как и предполагал Титов, продажа колье прошла быстротечно и без всяких препятствий. Агент искренне обрадовался встрече с прежним своим куратором, а узнав о причине встречи, не стал долго раздумывать, заявив, что после проведения послевоенной денежной реформы ему пришлось богатеть заново и он охотно обменяет ненадежные ассигнации на дорогую бриллиантовую побрякушку. Ссылка на владельца колье, занимающего высокий пост в опасном ведомстве, гарантировала его подлинность. В цене сошлись быстро, не торгуясь. Сделка состоялась в доме у Титова, и директор вагона-ресторана, положив колье в потайной карман пиджака, укатил на такси домой.

Через месяц до Титова докатился слух, что Бодрова вместе с семьей в его квартире вырезали бандиты. Устрашающая новость обеспокоила бывшего чекиста. «Неужели Бодров где-то прокололся? Если бандиты ломились специально за колье, то дело плохо: произошла опасная для меня утечка информации. Но, если судить по учиненному преступникам в квартире разгрому и множеству пропавших вещей, они шли по наводке, даже не подозревая о существовании этой баснословно дорогой побрякушки. Для меня главное — остаться в стороне и нигде не засветиться. Интересно, как все-таки этот всегда осторожный торгаш оплошал, открыв дверь незнакомцам?»

Титов даже не подозревал, что этот вопрос в первую очередь интересовал и сыщика Седова, устроенного им на работу в уголовный розыск по просьбе агентессы Нинки. В то утро, когда произошло убийство, Седов выехал на место происшествия в составе дежурной оперативной группы. Осмотрев квартиру

погибших на втором этаже, Седов спустился вниз и медленно прошелся по двору под окнами, пытаясь отыскать дополнительные следы. Ничего не обнаружив, пришел к неутешительному выводу: «Ничего интересного, кроме лежащей под окнами убитой кем-то кошки. Жестокие пацаны, наверное, постарались. Вот так и подрастают живодееры: сначала животных мучают, а потом и за людей берутся. Никакая жалость им не свойственна».

Вновь поднявшись в квартиру, Седов еще раз прошелся по комнате. «В общем, картина ясная. Преступники связали жертв. Судя по ранам на теле, их пытали, выведывая, где хранятся ценности и деньги. Облигации, кстати, не тронули, а разбросали небрежно по полу. Это означает, что до тайника все же добрались. Жертвы разуты, и у них меж пальцев засунуты скрученные жгутом обрывки газет. Все это напоминает жестокие розыгрыши детей в пионерских лагерях под названием “велосипед”. Но пыточные фитили не подождли, хотя зажигалка хозяина лежит возле его ног. Трупы Бодрова, его жены и сына лежат в разных комнатах.

Пожалуй, нападающих было несколько: судя по обстановке, нападение было внезапным, и всех трех жертв атаковали одновременно. Эксперт-медик предварительно утверждает, что глаза жертв были выколоты уже после смерти. Значит, их сначала пытали с целью установления тайника, а потом уж надругались над мертвыми телами. Напрашивается единственный вывод: среди преступников был человек из старого уголовного мира, свято верящий в легенду о том, что милицейский эксперт может получить с сетчатки глаза фотографическое изображение тех, кого жертва видела перед смертью. Неужели в такую нелепость во второй половине XX века кто-то верит? Старые опера рассказывали, что еще в царское время, да и в годы нэпа удавалось раскалывать опытных уроков, утверждая, что они опознаны по изображению, снятому с глаз убитых. Похоже, что до сих пор кто-то из бандитов, посетивших квартиру Бодровых, верит в подобные выдумки. Скорее всего, этот тип наслушался блатных баек, отбывая длительный срок в лагерях, и только недавно освобожден по амнистии. Надо будет поработать в этом направлении. А пока установим наблюдение в местах сбыта похищенного и проведем отработку жильцов дома с целью выявления свидетелей. Похоже, мы столкнулись с очередным всяком и никогда не выйдем на след преступников».

Но он ошибся: удача ожидала сыщиков с первых шагов. Полнотелая, в цветастом халате соседка по лестничной клетке при опросе дала сыщикам важную зацепку: квартиру Бодровых регулярно посещал для занятий по математике юноша лет восемнадцати по имени Семен, проживающий в соседнем

подъезде. Его тут же установили. Напуганный громким лаем собаки-ищейки, задержанием и строгой обстановкой кабинета, юноша-репетитор сразу начал давать признательные показания:

— Я не виноват. Меня заставили позвонить в дверь и сказать, что это пришел я для уроков по алгебре с их сыном.

— Ну а дальше что было?

— Бодров открыл дверь. Дядя Миша оттолкнул меня в сторону и ворвался в квартиру. За ним еще двое его дружков.

— Ты вошел следом?

— Нет, я нарушил приказ дяди Миши, не пошел в квартиру вместе с ними, испугался и побежал вниз по лестнице. За мной никто не погнался. Я прибежал домой и заперся. А позже пришел домой отец и сказал, что Бодровых из нашего дома убили.

— Похоже, тебе, сынок, повезло. Если бы ты послушался дядю Мишу и вошел вовнутрь, то там было бы на один труп больше. Они не стали бы оставлять живым свидетеля. А дядю Мишу давно знаешь?

— Недели две. Он меня отбил от местных хулиганов.

— А ну-ка расскажи поподробнее, с чего и как началось.

— Я шел вечером домой. В подворотне ко мне подошли трое парней. Я их не знаю. В руке одного был финский нож, у второго на пальцах надет кастет, а третий верзила в тельняшке снял с меня часы и стал обшаривать карманы.

— Что при этом говорили?

— Ничего, молча действовали. А тут внезапно откуда-то появился этот мужик, позже назвавшийся дядей Мишей. Сбил парня в тельняшке с ног и заставил грабителей вернуть мне отнятые вещи.

— Что он им сказал?

— «Ну вы, сьвки, зачем обижаете хорошего пацана? Теперь я за него мазу тяну, и не смейте его трогать. Иначе будете иметь дело со мной. В следующий раз бошки вам поотрываю».

— И парни без сопротивления починились? Одно из двух: или они знали, что перед ними уголовный авторитет, или этот так называемый дядя Миша подбил местных пацанов на спектакль по мнимому твоему спасению. Ты ему нужен был для предстоящего налета. Расчет был правильным: крутить парнем, спасенным от вооруженного налета, будет легко. Где найти дядю Мишу, конечно, не подскажешь?

— Почему же, его тут все знают: он у дворничихи Лены в подвале в нашем доме живет.

— Так чего же молчишь? Поехали, ребята, скорее в подвал к Лене. Хотя его, пожалуй, там уже нет.

Когда Седов с другими сыщиками спустился в подвал по сломанным каменным ступенькам, опи-

раясь ладонью о скользкую стену, то застал в полумрачной комнате лишь одну хозяйку. Та визиту милиции не очень удивилась.

— Я так и знала, что Мишка долго на свободе не пробегает. Не успел из зоны освободиться, как опять туда направится.

— Где он сейчас, знаешь?

— Да откуда же. Я ему, взрослому мужику, не нянька. Познакомились три месяца назад на вокзале. Я в деревню к тетке ездила, а когда в Москву возвращалась, он любезно помог узел поднести. Мужик хоть и в возрасте, за сорок, но симпатичный, улыбочивый. Спросил, где комнату снять можно. Я и пригласила к себе. Мишка хоть и в годах, а фору в постели молодым даст. Так и прожили вместе пару месяцев.

— А откуда знаешь, что он в лагере сидел?

— Так он и не скрывал. Сам о тамошней жизни рассказывал. Правда, утверждал, что сел безвинно, взяв на себя чужую вину.

— И тебе не стыдно всякую шваль в дом приводить?

— А какие ко мне претензии? Я женщина свободная. Ныне, после войны, мужиков на всех не хватает. Подвернулся очередной кавалер, и ладно. Поквартирует у меня с неделю или месяц, а потом исчезнет, соскучившись по кобелиной свободе. Я не в претензии. Была бы не бабой, а мужиком, сама бы так с нами, доверчивыми дурами, поступала.

— Вот я и вижу, что тебе приключений на свою задницу не хватает. Я их тебе быстро организую. Мало не покажется. Когда его видела в последний раз?

— Вчера днем. Пришел, забрал чемоданчик с вещичками. Обещал через пару недель вернуться. Только по глазам ясно было, что врет. Я в этих делах опытная.

— Приметы его опиши.

— Высокий, морщины вокруг носа глубокие. Все пальцы в синих наколотых перстнях. На плече бутылка, туз бубен и голова женщины с надписью «Вот что нас губит». На ногах тоже надпись имеется — «Не гони, они устали».

— Что-нибудь еще?

— Родимое пятно на спине величиной с пятак. А ты что, начальник, хочешь, чтобы я тебе в подробностях все его мужское тело описала?

— Это ты себе на память оставь свои похотливые впечатления. Мне лишь особые приметы нужны.

— Так больше ничего и сказать не могу, все вроде описала.

— В постели не выболтал ничего важного для его розыска?

— Так в постели мы с ним не разговоры болтали, а более приятным делом занимались. А если серьез-

но, то говорил лишь, что в первый раз судили по малолетке еще до войны. С тех пор по колониям всю жизнь мотался. На фронте как рецидивист не был. Родители давно умерли.

— Так что друзей у него не было?

— Нет, иногда с мужиками во дворе в домино или карты забивал ну и выпивал помаленьку. И все! Впрочем, один раз недалеко от метро «Динамо» мы с ним встретили какого-то его знакомого. Мишка отошел с ним в сторону. О чем говорили, не знаю. Я этим пижоном в сером костюме и кепке издали любовалась. Красавец парень. Высокий, статный и на артиста Дружникова очень похож из фильма «Сказание о земле Сибирской». Может, видели?

— Да, ходил с женой. Как думаешь, этот знакомый Мишки из блатных?

— Не похож. Одет прилично. Разговаривает спокойно, с достоинством, без излишней жестикюляции. Больше похож на инженера, чем на простого работягу.

— Если увидишь, то опознаешь?

— Конечно, такого породистого жеребца в жизни не забудешь.

— Ну ладно, давай собирайся, поедешь с нами для официального допроса. А мы тут с понятиями пошукаем. Его отпечатки поищем.

— Это напрасные хлопоты. Он перед уходом велел мне генеральную уборку сделать. Мебель протереть и полы помыть. Сказал, что примета у него такая: чистота в доме, откуда уезжает, удачу в делах приносит.

— И ты убралась?

— Еще как, ведь он проследил, чтобы я все сделала аккуратно.

— Чует мое сердце, пойдешь ты вместе с Мишкой как соучастница.

— Ладно, начальник, не страшай. Об убийстве Бодровых из тридцать восьмой квартиры я слышала. Только Мишка к этому делу отношения не имеет. Ко мне заявился без чужих вещей. Взял только чемоданчик со старым бельшком. Если бы богатую квартиру грабанул, то зачем ему это рвань?

Седов не стал разубеждать откровенничающую с ним женщину. «Эта дурочка не понимает, что Мишка боялся оставить свой след на чемоданчике. Здесь, пожалуй, мы ничего не найдем: Ленка под прищотром опытного уголовника все вымыла начисто. Ладно, попробуем на допросе в отделении милиции еще что-нибудь разузнать. Хотя вряд ли тут нас ждет успех. А пока данных маловато. Конечно, порыскаем в районе метро «Динамо» в поисках знакомого дяди Миши, похожего на актера Дружникова. Еще надо выяснить, что пропало из квартиры, и перекрыть места сбыта. Хотя с выяснением примет

украденного имущества будут проблемы: родственников у Бодровых в Москве нет, а к себе в дом они никого не пускали. За исключением лишь студента-репетитора и соседки, помогающей иногда убрать в квартире. От них и будем танцевать. Да, еще надо проанализировать все совершенные в Москве и области разбои на квартиры. Вдруг выявится схожий криминальный почерк. Ну и Ленку потрясем. Может быть, сболтнет что-нибудь важное».

Заметив, что дворничиха уже оделась, Седов с коллегами повел Ленку в отделение милиции для официального допроса. Но Ленка не смогла вспомнить ни одной дополнительной детали, все время сбивалась на модно одетого, напоминающего известного актера парня, сильно ей приглянувшегося. В конце допроса Седов предусмотрительно заметил:

— Ладно, Ленка, если обнаружим красавца парня, то обещаю, что первая об этом узнаешь.

— Ну вот и хорошо, с меня в этом случае магарыч.

Глядя вслед жаждущей любви молодой дворничихе, Седов подумал: «Эта недалекая девица не понимает, что речь пойдет о проведении очной ставки. Это даже к лучшему: бесхитростно напомнит субъекту о его встрече с дядей Мишей».

Но опрос продавцов газет и перекупщиков билетов возле стадиона «Динамо» не дал никаких зацепок. Никто схожего по приметам знакомого дяди Миши не вспомнил.

Не лучше обстояло дело и с выявлением сбыта похищенных вещей из квартиры Бодровых.

И студент-репетитор, и соседка Бодровых сумели подробно описать лишь одну взятую бандитами вещь: бронзовую пепельницу, изображавшую обнаженную женщину, выходящую из лесного озера, и бородатого мужика с маленькими рожками с чашей в руке, плотоядно взирающего из-за куста на юную деву. В эту чашу для вина и следовало стряхивать пепел.

Следователь Шестаков пояснил: знакомый сюжетец из древней мифологии — бог плодородия Фавн наблюдает за купающейся нимфой. Вещица довольно оригинальная. Продать ее будет нелегко, да и больших денег пепельница явно не стоит. Вероятно, ее взял кто-то из бандитов себе на память: очень уж ему голая баба приглянулась. Возможно, даже утаил свою добычу от главаря. Опытный вор такую приметную вещицу вряд ли позволил взять из квартиры, где произошло тройное убийство.

Седов легко согласился:

— Пожалуй, ты прав. Искать эту вещь в комиссиях и на барахолках бесполезно. Спрятав приметную пепельницу в своем доме, преступник не даст нам шансов зацепиться за эту краденую вещицу. Но

все равно ориентируем о приметах оригинального произведения искусства все скупки и нашу агентуру. Вдруг случайно и всплывет интересующая нас пепельница.

Плохо только, что о других похищенных из квартир вещах нам ничего неизвестно. Хотя, судя по учиненному бандитами разгрому, вскрытым полам и разломанной мебели, налетчики могли найти значительные драгоценности и деньги.

Да, исходных данных у нас маловато. Пока остается один путь: проанализировать все разбойные нападения на квартиры за последний год, совершенные в Москве и прилегающих к ней областях. Если всплывут схожие детали преступного почерка, то будем думать, куда двигаться дальше.

Через два дня на совещании у начальника уголовного розыска Седов с гордостью докладывал первые результаты анализа совершенных за последние месяцы разбоев:

— За первое полугодие в Московской области совершенно пять нападений со схожим почерком на квартиры. В дома во всех случаях проникали под видом слесарей-ремонтников для устранения протечки кранов и ремонта батарей. Преступников было от трех до четырех человек. Жаргон и кликухи в разговоре между собой не применяли. Все в кепках, надвинутых глубоко на лоб, в одинаковых рабочих комбинезонах с набором слесарных инструментов в холщовой сумке. Ошеломленные стремительностью нападения, жертвы не смогли четко заполнить приметы преступников и вряд ли смогут их опознать.

— Так жертвы оставлены бандитами в живых? В чем же тогда схожесть почерка с нашим тройным убийством?

— Вот тут есть несколько соображений. Как и в нашем случае, жертв связывали новой бельевой веревкой, принесенной с собой. Руки завязывали не только в кистях, веревку обвивали еще вокруг плеч и локтей. Согласитесь, столь необычный способ пленения жертв редко встречается. Кроме того, пытаясь у хозяев, где хранятся ценности, бандиты разували их и вставляли между пальцами скатанную бумагу, угрожая ее поджечь. Так было и в нашем случае. Жертвы в подобной ситуации, естественно, сразу выдавали ценности, деньги и облигации. Как и в нашем случае, облигации воры не взяли, опасаясь, что в доме хранится список переписанных номеров.

— Да это, пожалуй, доказывает схожесть почерка наших дел. Кроме того, выбор жертв явно не случаен: хозяева — состоятельные люди, в их домах было что взять ценного. Все, как на подбор, торгаши. Может быть, подключить местные отделы БХСС?

— Это вряд ли даст нам ценную информацию. О достатке этих людей знала вся округа, включая дво-

ровых собак. Но есть еще одна, малозаметная на первый взгляд деталь. Во время всех пяти разбоев в области у нападающих не было с собой спичек или зажигалок. Они находили их в домах хозяев. Если помните, то и зажигалка Бодрова валялась возле его босых ног.

— Помнится, Ленка говорила, что ее сожитель дядя Миша табачка избегает из-за больных легких. Но, судя по описанию, совершающие разбои — крепкие парни, ведущие здоровый образ жизни. Совсем как спортсмены.

— А вот тут вы очень близки к разгадке. Мы проанализировали географию мест, где случились разбои. Это крупные районные центры, где легко затеряться приезжему человеку. И вот тут всплывает еще одна характерная деталь. Во всех этих городах имеется свой стадион, и мы обратили внимание, что разбойные нападения совершались в выходные дни, когда местная футбольная команда встречалась с соперником из другого города на первенство области.

— И эта команда-соперница одна и та же?

— Вот в том-то все и дело. Команда принадлежит крупному заводу. Лучшие футболисты только числятся высококвалифицированными фрезеровщиками и слесарями, а на рабочем месте появляются от случая к случаю. Но большинство футболистов действительно работают, а тренируются после смены.

— Значит, у нас вырисовываются две версии: лихое дело творят члены футбольной команды, а возможно, шалит кто-то из болельщиков, приехавших поддержать команду.

— Последнее вполне возможно. Родной город футбольной команды расположен за сто километров от Москвы. В нем осело значительное количество судимых за тяжкие преступления, которым отказано в столичной прописке. Так что я больше склоняюсь к версии о причастности к разбоям футбольных болельщиков.

— Но мы ничего не потеряем, если добудем фотографии самих футболистов и предъявим студенту-репетитору и дворничихе Ленке. Та приглянувшегося ей парня — знакомого дяди Миши — опознает с ходу.

— Мысль верная. Тем более особых усилий не потребует. Сегодня же поеду на этот завод, в отделе кадров возьму фотографии футболистов: и основных, и запасных из дублеров, да и тренеров не позабуду. Предъявим фотки нашим свидетелям. День потеем, но одну из версий отработаем.

— Все, договорились. Держи меня постоянно в курсе. Наше дело взяли на контроль в горкоме КПСС. Так что ждать надо либо наград, либо очередных взысканий. И меня накажут в первую очередь.

На следующий день Седов появился в кабинете начальника уголовного розыска Кашина с довольной улыбкой на лице.

— Появились первые проблески в этом деле. Мы на верном пути. Вундеркинд репетитор опознание провалил, заявив, что никого из футболистов раньше не видел. Или врет, или, возможно, и впрямь в тот день так перепугался, что никого, кроме дяди Миши, не запомнил. А вот влюбчивая Ленка сразу указала на некоего Грошева Георгия. Он и впрямь напоминает известного актера: и чертами лица, и слегка вьющимися волосами. И дворничиха клянется, что именно Грошев встретился и долго разговаривал с дядей Мишей рядом с метро «Динамо». Смущают только чистая биография и примерное поведение этого секретаря первичной комсомольской ячейки. К тому же его отец — наш бывший сотрудник, майор милиции в отставке. Работал долгие годы следаком. Но Ленка клянется, что не ошиблась, и просит скорее свести ее с этим героем-любовником. Я ей обещал через пару недель это устроить.

— У нас нет пары недель. Надо уложиться по сбору доказательств максимум в неделю. У меня на шее сидит инструктор из горкома КПСС и грозит отобрать партийный билет, если в кратчайшие сроки мы не раскроем громкое убийство, напугавшее жителей Москвы. Так что бросим на изобличение бандитов весь наш оперативный состав. Танцевать будем от славного подмосковного города. С местными сыщиками будем контактировать, но осторожно: в небольшом городе у людей множество близких знакомых и родственников. К тому же отец подозреваемого — бывший сотрудник. Да и болельщиков за родную команду среди милиции найдется немало. Надо полностью исключить утечку информации. К тому же руководство завода, не говоря уже о местных властях, вряд ли захочет, чтобы опасных преступников, замаравших себя кровью, нашли среди жителей их города. Так что через местную милицию будем отрабатывать лишь ранее судимый контингент. В первую очередь все силы бросим на поиск дяди Миши, который, скорее всего, живет там без прописки на нелегальном положении. Нужно его обнаружить, выявить связь с футболистами и собрать доказательства их вины в разбоях. Какие будут предложения?

Седов поднялся с места:

— Я тут с ребятами уже потолковал перед совещанием. И у нас сложился следующий план. Будем проводить негласные мероприятия одновременно на заводе и в уголовной среде. Задача сбора информации на футболистов на производстве решается просто: договоримся с сотрудниками областного

ОБХСС, и они приедут проверять анонимку о массовых хищениях готовой продукции из цехов и складских помещений завода. Предлог вполне подходящий и не вызовет подозрений, поскольку воровство на предприятии процветает. Достаточно зайти на местный рынок — и из-под полы приобретешь все, что желает душа: от патефонных иголок до фляг для хранения ядовитых веществ.

— Ладно, и я подключусь, попрошу по-свойски из отдела ОБХСС направить на этот завод пару толковых ребят. Пусть разведают о футболистах побольше и, главное, попробуют выйти на этого дядю Мишу. Ну а если за пепельницу с разбоя, унесенную кем-то из бандитов, удастся зацепиться, то и совсем хорошо будет. Ну а как насчет уголовников? Надо послать в город кого-нибудь из наших секретных сотрудников. Только подобрать парня ловкого, рискованного, ходового, способного с ходу войти в доверие.

— Зачем спрашиваете, Валентин Георгиевич? У нас только один такой герой имеется. Кроме Бурана посылать туда некого.

— Да, ты прав: Буран три ходки за плечами имеет за серьезные дела. Зверь, а не мужик. На блатной фене — как на родном татарском без запинки лопочет. Физически силен, как бык. Со своей наглостью баб как семечки щелкает. А это в нашем случае немаловажное обстоятельство: если блатные сразу его в свою среду примут, то он сумеет прилепиться душой и телом к какой-нибудь из их марух. А уж через нее выйдет на нужных людей.

— Какую легенду ему придумаем?

— Ты что, Бурана не знаешь? Он обижается, когда ему задание разжевываешь, и говорит: «Ты, начальник, не учи отца детей делать. Скажи, что надо выведать, и жди результата». И, заметьте, ни разу за пять лет не подвел. А причина — в удовольствии,

получаемом им от артистично выполненного дела. Хороший агент, как токарь высшего разряда, выточивший идеально сложную деталь, знает себе цену. Такие агенты, как Буран, — товар редкий, можно сказать, штучный.

— Для выполнения задания ему могут понадобиться соответствующий реквизит и документы.

— Ну, ксива у него будет простая: справка об освобождении из Ивдельлага. Он там отбывал срок, знает администрацию и эков. А вот для легенды деньжатами и несколькими золотыми побрякушками снабдим. Если попросит, то оружие выдадим.

— Какое?

— Да уж не милицейский ТТ, а что-нибудь из немецкого, трофейного, небольшого размера подберем. Так он себя уверенней будет чувствовать. Буран парень выдержанный, зря палить не станет. А вот посветить волюной в нужный момент будет не лишним. Надо будет только договориться о способах связи. Для подстраховки агента и осуществления с ним постоянной связи поедут в этот город Седов и Попов. Пусть поселятся в гостинице под видом приехавших на завод командированных из города Горького. Там у них смежное предприятие, и подозрения данный факт не вызовет. Давай, Седов, вызывай Бурана на встречу. Пусть сегодня же отправляется в нужный нам город. Время поджимает. Не ровен час, эти парни еще один разбой с горой трупов закатят. Ну все, в общем план ясен, каждый знает, что делать. Остается только надеяться, что расставленные нами сети принесут удачу. А она нам очень нужна.

Озабоченные предстоящими действиями сыщики покинули кабинет Кашина, серьезно опасаясь лишиться партийного билета за «халатное необеспечение высокой раскрываемости преступлений».

Продолжение следует.

Ася МИХАЙЛОВСКАЯ

*Ася Михайловская (Елена Викторовна Кононкова).
Учитель русского языка и литературы в средней
школе № 38 города Могилева (Беларусь).
Пишу повести, рассказы, стихи. Учусь всю
жизнь. И все время — на своих ошибках.*

Рисунок Дмитрия Горяченкова

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ

Аркадий Арнольдович Подлокопытин проснулся в холодном поту. Ему приснился кошмарный сон производственного содержания. Надо сказать, что Аркадий Арнольдович работал в организации с труднопроизносимым, но приятным для слуха названием «Горстроймедвторчермет». И приснилось Аркадию Арнольдовичу, что его коллеги, с которыми он бок о бок протирал штаны десять лет, исписал десятки тонн бумаги, сдал сотни годовых и квартальных отчетов, так вот, эти коллеги заколачивали последний гвоздь в крышку его гроба.

«Заводатором» процесса был профсоюзный лидер Афанасий Вейнянский. В бюро ритуальных услуг «Встретимся на небесах» Афанасий Никодимович на профсоюзные деньги заказал гроб. Так себе гробик, средней паршивости. Аркадий Арнольдович был достоин лучшего гроба. Дубового, например, с резными окошечками, с вензелями, и обязательно с золотым напылением на ободочках, чтоб, значит, видно было, что уходит достойный человек с золотым сердцем и золотой душой. Так нет, козел профсоюзный, заказал гроб из опилок. Небось по цене дубового гроба заказал. А разницу себе в карман положил. Знаю я этого прохиндея.

Цветочную композицию составлял Данила Петрович Сигизмундов. «Тоже гнусный мошенник, — злобно подумал Аркадий Арнольдович, — небось половину цветов себе домой отнес или соседям раздарил».

Эпитафию написал лучший поэт конторы Бенедикт Измайлов:

Прощай, товарищ, спи спокойно.
Уйди ты хоть туда достойно!

«И сюда этот придурок со своими стишками лезет», — с еще большей злобой подумал Аркадий Арнольдович. Гвозди и молоток принес специалист по внешним связям Вениамин Михельсон.

«И ты, Брут», — с отчаянной грустью подумал Аркадий Арнольдович. Надо сказать, что специалист Михельсон был единственным человеком, которому иногда доверял Аркадий Арнольдович. Вместе они подделали немало подписей и считались лучшими работниками по своевременной сдаче макулатуры.

Коллеги на похоронах решили вбить каждый по гвоздику в гроб сослуживца. Двенадцать сослуживцев — двенадцать гвоздиков.

Вот когда коллеги приступили к осуществлению своего плана, на двенадцатом, последнем ударе Аркадий Арнольдович проснулся. Ему даже показалось — в холодном поту. Но, честно говоря, просто с потолка квартиры в очередной раз капало.

«А вот выкусите! — Аркадий Арнольдович показал смачную фигу воображаемой похоронной команде. — И поцелуйте меня вот сюда! — Аркадий Арнольдович показал место, куда должны были по-

целовать его воображаемые соперники. — Это мы посмотрим, кто на чьей могиле спляшет!»

Аркадий Арнольдович был энергичным и хозяйственным человеком. У него во дворе имелась пристройка — законная сараюшка. В этой пристройке жила миленькая хрюшка Маланья. Семи месяцев от роду. Через две недели, на ноябрьские, собирался Маланью резать.

— А не подложить ли коллегам свинью?

Аркадий Арнольдович знал, что генеральный директор «Горстроймедвторчермета» любит свинку, колбаски там разные, бекончики, отбивнушечки. И как ни любил Аркадий Арнольдович свою Маланью, он понимал, что ради того, чтобы остаться в этой готовой похоронить тебя заживо конторе и продолжать спокойно и бесполезно протирать штаны, придется лишиться любимой хрюшечки.

Слезы закапали из глаз сентиментального Аркадия Арнольдовича. Но, проявив твердость духа и смахнув ненужную слезу, Аркадий Арнольдович, сжимая в потной руке нож-тесак, направился к пристройке.

«Это мы посмотрим, кто кому вобьет последний гвоздь», — хихикнул Аркадий Арнольдович и открыл дверь сарая. Домашняя тапка на мокром пороге вдруг соскользнула с левой ноги, и Аркадий Арнольдович почувствовал, как в пятку впивается огромный ржавый гвоздь...

После того, как Аркадий Арнольдович Подлокопытин поздравил генерального директора «Горстроймедвторчермета» с днем рождения, отношение начальства к нему заметно улучшилось, а отношение коллег — наоборот, по синусоиде поползло вниз. Но на отношение коллег ему было наплевать. Видал он их в дубовом гробу с золотой каемочкой. А отношение начальства подняло его в собственных глазах.

Теперь Аркадий Арнольдович ходил высоко подняв голову и распрямив плечи. Он нравился себе все больше и больше. Единственное, что его огорчало, — преждевременное убийство хрюшки Маланьи, которую он собирался резать к Новому году. Пришлось прикончить животное на ноябрьские праздники, чтобы поздравить Витольда Варламовича Ханты-Мансийского с днем рождения.

Забив хрюшку на два месяца раньше, Аркадий Арнольдович потерял таким образом сорок килограммов свежей свининки. Генеральный получил два окорока весом по двадцать килограммов каждый, пять колбас длиной метр каждая, а также печенье и сердце.

У Аркадия Арнольдовича остались две передних ноги, седловина, а также голова, копыта и хвост, из которых можно было сварить тридцать пять порций

отменного холодца или семь килограммов тушенки и двадцать порций холодца.

Аркадий Арнольдович хотел было предложить килограмм требухи профсоюзному лидеру Афанасию Вейнянскому, но, вспомнив, как в недавнем сне Афанасий Никодимович заказал ему паршивый гроб из опилок, а не дубовый, как был того достоин Аркадий Арнольдович, передумал.

Он решил отдать требуху лучшему поэту конторы Бенедикту Измайлову, чтобы тот впредь писал про него стихи достойного содержания. Но вспомнив, какую эпитафию написал поэт на воображаемую смерть Аркадия Арнольдовича, Подлокопытин подумал: «Пусть профсоюзный выскочка и заполошный поэт ходят голодными!», а требуху решил отдать местным собакам. И не каким-нибудь бездомным собакам, а собакам автослесаря Игнаткина. Аркадию Арнольдовичу как раз надо было починить машину, любовно купленную два года назад на сэкономленные деньги.

Итак, Аркадий Арнольдович в хорошем расположении духа зашел в контору.

Все было как всегда, но что-то насторожило Аркадия Арнольдовича.

Афанасий Вейнянский, как обычно, вместо основной работы занимался профсоюзными делами и писал доклад на тему «Борьба с отдельными коррумпированными элементами в малых общественных организациях». Поэт придумывал рифму к слову «упырь». Чувствительный к искусству Михельсон молотком прибывал репродукцию картины И. Репина «Иван Грозный убивает своего сына» вместо снятой со стены репродукции «Бурлаки на Волге» того же автора. Феликс Петрович Сигизмундов, попивая чаек, раскладывал карты на бубнового короля, и все время выпадали шестерка и трефовый туз, что означало скорую дорогу и новый казенный дом.

Что-то неуловимое в обычной обстановке показалось Аркадию Арнольдовичу странным.

Первым не выдержал эмоциональный поэт — он нашел рифму к слову «упырь»:

Тебя презираем мы, подлый упырь,
Сейчас будем бить, приготовь нашатырь!

Профсоюзный деятель закончил писать доклад, закрыл ноутбук и как-то странно поглаживал поверхность серебристого компьютера. Михельсон закончил прибывать картину, слез с табуретки и как-то странно помахивал молотком, взятым на прокат у плотника Гены по кличке «Лей — не жалея». Феликс Петрович Сигизмундов допил чай и с пустой чашкой объемом один литр медленно, но уверенно приближался к Аркадию Арнольдовичу.

«Действительно, сейчас будут бить», — с тихой грустью подумал Подлокопытин.

Но тут Аркадий Арнольдович вспомнил, что в десятом классе он занял третье место среди мальчиков в соревнованиях по бегу. Собрав всю волю в кулак, Аркадий Арнольдович оттолкнул уверенно приближающегося Феликса Петровича и забрал его чашку, выхватил молоток у Михельсона и, как заяц, выскочил в дверь.

Аркадий Арнольдович бежал долго и без остановок. С чашкой и молотком в руках.

Добежал до дома, чашку и молоток, как трофей, поставил в новый сервант.

«Мы еще повоюем», — злобно прищурившись, подумал Аркадий Арнольдович.

Подлокопытин вспомнил, что его сосед сверху работает в налоговой инспекции. Майор Чугуев не-

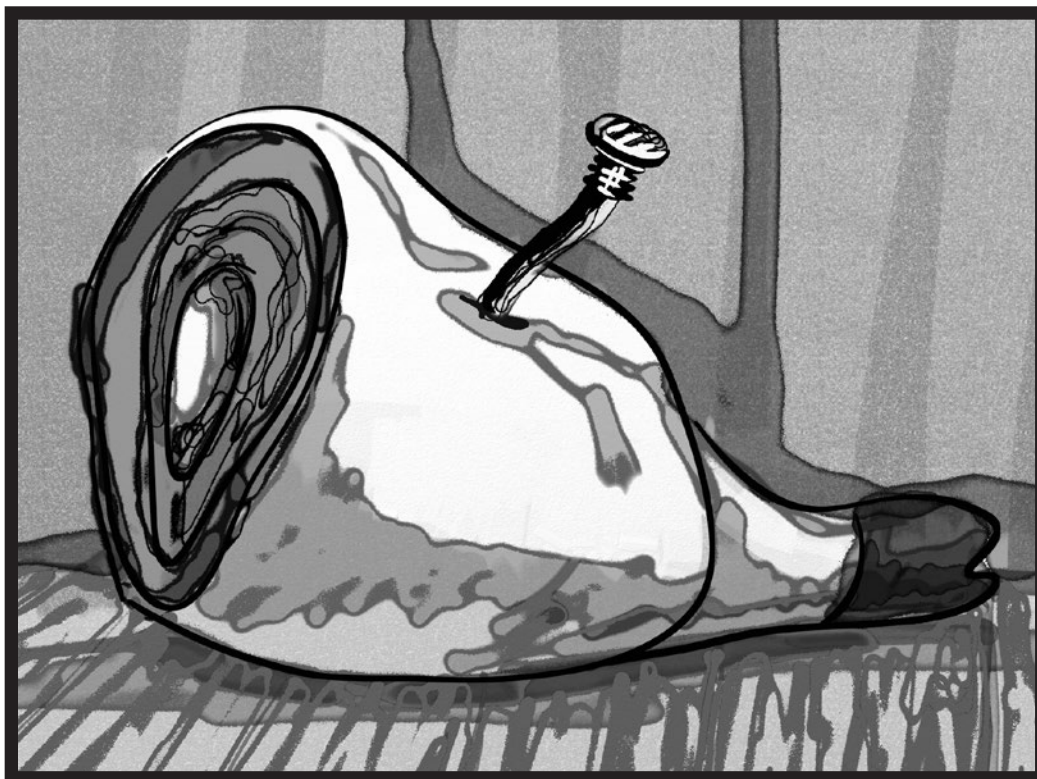
давно залил Аркадия Арнольдовича. Обещал компенсировать.

Вот вместо компенсации — комплексную налоговую проверочку на наш отдел. А там, слава богу, есть что инспектировать. У него одного все документы в порядке.

«Вот они у меня попляшут, ох как попляшут!» — думал Аркадий Арнольдович, счастливо улыбаясь, и, бодро пританцовывая, отправился вкушать холодец отменного качества.

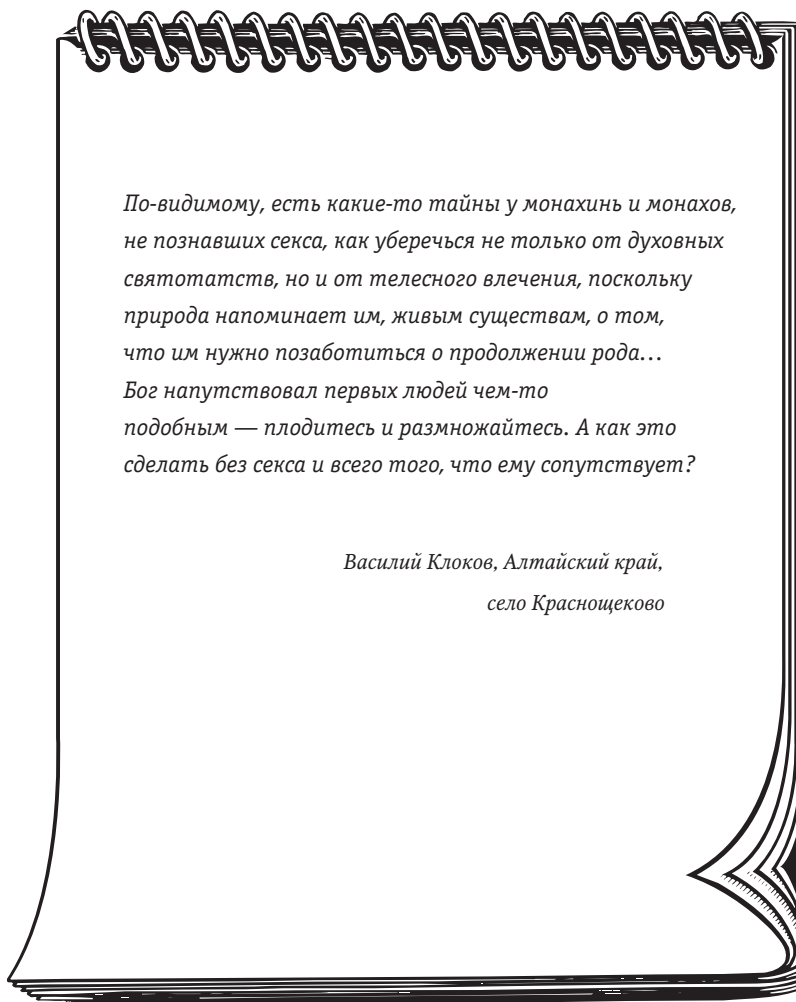
На кухне Подлокопытина ждал сюрприз: в холодце, любовно сваренном из передней ноги хрюшки Малань, торчал огромный ржавый гвоздь.

Мистический ужас охватил суеверного Аркадия Арнольдовича...

Галка ГАЛКИНА

По-видимому, есть какие-то тайны у монахинь и монахов, не познавших секса, как уберечься не только от духовных святотатств, но и от телесного влечения, поскольку природа напоминает им, живым существам, о том, что им нужно позаботиться о продолжении рода... Бог напутствовал первых людей чем-то подобным — плодитесь и размножайтесь. А как это сделать без секса и всего того, что ему сопутствует?

*Василий Клоков, Алтайский край,
село Краснощеково*

Галка ГАЛКИНА:

И как это Вас, Василий, угораздило задуматься над этим? Уж не в монахи ли Вы намылились? А иначе зачем и задумываться?

Скажем прямо, тайны у монахов наверняка есть. Примеров того, как они борются с искушениями, масса. Вот один из них — из рассказа Льва Толстого «Отец Сергей»: «...сейчас, — сказал он и, взяв топор в правую руку, положил указательный палец левой руки на чурбан, взмахнул топором и ударил по нем ниже второго сустава. Палец отскочил легче, чем отскакивали дрова такой же толщи-

ны, перевернулся и шлепнулся на кран чурбана и потом на пол...»

Если, Василий, решите воспользоваться этим способом, то подумайте сначала. Искушений много, а пальцев-то всего десять.

Есть и еще один проверенный способ — поддаться искушению. Но тогда в монахи Вас, Василий, не возьмут. И будете век маяться искушениями, прибегая к помощи подручных средств.

Так что лучше задуматься над чем-нибудь иным или не задумываться вовсе!

Деньги всему булава

- ☺ *Семь раз отрежь — получишь кэш!*
- ☺ *Раз день — раз-уй!*
- ☺ *На берегах Амура есть прокуратура!*
- ☺ *Еду в центре, еду с краю — еду, деньги собираю!*
- ☺ *Поеду на Исси-Куль радовать бабуль!*
- ☺ *Я на женщин не могу поднять ногу!*
- ☺ *Приноси свой ридикюль — и получишь денег куль!*
- ☺ *Перебила провода электричка в никуда!*
- ☺ *По трубе пошла вода, мне не выплыть никогда!*
- ☺ *Выпил утром керосину и забрался на осину!*

ФАЗА МЕСЯЦА:
ЗИЛ
Автандила возил!

Летние маневры

- ☼ *Я портянку намотал — и залез на пьедестал!*
- ☼ *В армии онучи стали пахнуть круче!*
- ☼ *Был я как-то на плацу, там едят одну мацу!*
- ☼ *В водопункте до среды воду выпили деды!*
- ☼ *Ел за завтраком мацу, очутился на плацу!*
- ☼ *Хорошо, когда все даром и протерто скипидаром!*
- ☼ *Прочитал я «Незнакомку» и прижал к серванту Томку!*
- ☼ *Написал стихи я с жаром и отдался мемуарам!*
- ☼ *Кочегарка, уголек — путь дальний недалек!*
- ☼ *Ах, кремлевская стена — всюду елочка видна!*

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ
УЛЮЛЮКОВУ:

Улю-улю!